

В.М. Илич-Свитыч

Именная
акцентуация
в балтийском
и славянском

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

В. М. Иалич-Свитыч

ИМЕННАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ В БАЛТИЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ

Судьба акцентуационных парадигм

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

1482503

1421

Служба 1. ~~ак.~~

Ответственный редактор
Д. Н. ТОПОРОВ

От автора

Едва ли найдется область балтийского и славянского языкознания, где расхождения между отдельными исследователями были бы более значительными, чем в акцентологии. Причина ясна: хотя прабалтийская и праславянская акцентуационные системы реконструированы в общих чертах, хотя зачастую выяснены весьма тонкие детали их структуры, нерешенным остается основной вопрос — вопрос о происхождении этих систем. На собственном опыте автор убедился, что игнорирование общендоевропейской основы балтийской и славянской акцентуационных систем, ставшее столь модным в последнее время, приводит к жестоким просчетам и иллюзорным построениям. Эта книга — попытка найти такую общендоевропейскую основу для системы акцентуационных парадигм имени.

Во время работы над книгой автор чувствовал постоянную дружескую поддержку В. А. Дымбо, в беседах с которым была выяснены многие спорные вопросы. Автор выражает глубокую признательность своему учителю проф. С. Б. Бернштейну, а также В. Н. Токорову и В. В. Иванову, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ряд существенных замечаний; он благодарит коллектив сектора языкознания Литовского института литературы и языка, любезно предоставивший ему возможность воспользоваться материалами картотек Словаря литовского языка и Литовского диалектологического атласа.

Введение

Из всего обширного круга проблем балтийской и славянской акцентологии нас в данном исследовании будет интересовать в первую очередь вопрос о связи системы акцентуационных парадигм¹ имени в балтийском и славянском с аналогичными системами других индоевропейских языков и реконструируемой на основании данных этих языков индоевропейской системой. Важность этого вопроса очевидна: он составляет часть кардинальной для балтийской и славянской акцентологии проблемы связи между балтийской и славянской системами акцентуации и индоевропейской акцентуационной системой.

Если оставить в стороне балтийские и славянские данные, отношение которых к индоевропейским данным предстоит определить, восстановить индоевропейскую систему акцентуационных парадигм можно лишь на основании материала древнеиндийского и древнегреческого языков (свидетельства акцентуированных памятников и грамматических сочинений) и материала германских языков (различная рефлексация индоевропейских глаух по закону Вернера в зависимости от места старого ударения). Эти источники позволяют восстановить для большинства именных основ две противопоставленные друг другу акцентуационные парадигмы, отраженные в древнеиндийском и древнегреческом обычно как колонные баритонированная и оксентонированная а. п.

Ряд реликтовых явлений позволяет восстановить в индоевропейском для части именных основ (по-видимому, для основ

¹ Термин акцентуационная парадигма (а. п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода „акцентуационную кривую“ грамматической парадигмы. Так, мы говорим о баритонированной а. п. в тех случаях, когда ударение на основе (баритонизма) характеризует все формы слова (например, рус. *тройка, тройки, тро́йке, тро́йку* и т. п.); оксентонированная а. п. предполагает ударение на флексии в тех случаях, когда флексия наличествует (рус. *двор, двора́, дворо́к, дворо́к* и т. п.), подвижная а. п. — равноместность ударения в различных формах слова (рус. *водо́, водо́й — водо́, водо́й* и т. п.)

с анофоническими чередованиями в основообразующем форманте) противопоставление колонной баритонированной и подвижной а. п. Мы имеем в виду факты переноса ударения в отдельных классах древнеиндийских словосложений с окситонезой первого члена сложения (представляющего основу на *-i-*, *-u-* или *-r-*); реликты подвижности ударения в греческих основах на *-α-*, реконструкцию форм с двойкой акцентушкой для многих германских *-i-* и *-u-* основ. Не пытаясь уточнить сферы распространения подвижной и окситонированной парадигм в индоевропейском, констатируем только существование отношений дополнительного распределения между этими двумя парадигмами: в каждом типе именных основ обнаруживается лишь двойное противопоставление: баритонированная а. п. — окситонированная а. п. или баритонированная а. п. — подвижная а. п. Таким образом, индоевропейская парадигма, противопоставленная баритонированной, может быть названа условно подвижно-окситонированной а. п.

Распределение имен, восходящих к индоевропейским образованиям, по двум противопоставленным акцентуационным парадигмам, оказывается во многом идентичным в древнеиндийском, гре-

Основы	Баритонированная а. п.
-a-	греч. <i>πίδα</i> 'ступня'; др.-инд. <i>pádya</i> 'шаг'
-a- муж. р.	греч. <i>ῥάκος</i> 'ткань'; др.-инд. <i>jāmbhāsa</i> 'зуб'
-a- ср. р.	греч. <i>μέσος</i> ; др.-инд. <i>mādhyama</i> 'середина'
-a- прил.	греч. <i>μέγας</i> ; др.-инд. <i>mahāsa</i> 'могий'
-i-	греч. <i>ὄκτις</i> ; др.-инд. <i>okti</i> 'ощущ'
-ū-	греч. <i>ῥίμος</i> ; др.-инд. <i>rhima</i> 'чуждость'
-ā/ea-	греч. <i>ῥήγινυ</i> 'наковальня'; др.-инд. <i>rahina</i> 'скала'
-fōr/ter-	греч. <i>φάτωρ</i> ; др.-инд. <i>bhātrā</i> ; др.-в.-нем. <i>bruder</i> 'брат'
Подвижно-окситонированная а. п.	
-ā-	др.-инд. <i>anurā</i> ; др.-в.-нем. <i>anur</i> 'спина'
-a- муж. р.	греч. <i>ῥήμις</i> 'пыль'; др.-инд. <i>dhūmā</i> 'дым'
-a- ср. р.	греч. <i>ἵσταίν</i> ; др.-инд. <i>istāna</i> ; др.-в.-нем. <i>hant</i> 'сто'
-a- прил.	греч. <i>ῥήγιν</i> ; др.-инд. <i>rahina</i> 'сырой'
-i-	греч. <i>ῥήγιν</i> 'комар'; др.-в.-нем. <i>imbi</i> 'пчела'
-ū-	др.-инд. <i>ketā</i> 'свет; образ'; греч. <i>hoidma</i> 'способ'
-ā/ea-	греч. <i>ῥήγιν</i> 'лоскоть'; др.-в.-нем. <i>algo</i> 'шам'
-fōr/ter-	греч. <i>πάτερ</i> ; др.-инд. <i>pitrā</i> ; др.-в.-нем. <i>father</i> 'отец'

ческом и германском²; этот факт может быть проиллюстрирован небольшой таблицей (см. стр. 5).

Для установления связи между балтийской и славянской системами акцентуационных парадигм и очерченной выше индоевропейской системой недостаточно, по-видимому, простого сопоставления систем: в этом случае неясно, прежде всего, какие части систем следует сопоставлять, так как неизвестен характер преобразований, осуществленных в этих системах. Больше возможностей дает сопоставление балтийской и славянской акцентуации отдельных имен, восходящих к индоевропейским образованиям, с их акцентуацией в других индоевропейских языках; такое сопоставление может обнаружить регулярные акцентуационные соответствия в группах сопоставимых имен и указать на то, какие части рассматриваемых систем должны сравниваться. Естественно, что сопоставлять следует акцентуацию идентичных образований, отражающих одно индоевропейское слово. На практике это предполагает не только идентичность корня, но и первоначальную тождественность именной основы³, отсутствие существенных различий в огласовке корня и существенных семантических различий⁴. Круг таких точных соответствий невелик. Мы опирались в основном на апробированные этимологическими словарями сопоставления и лишь в некоторых случаях пытались внести в оборот новые сближения. Главной задачей при сопоставлении было уточнение первоначальной акцентуационной парадигмы в балтийском и славянском; данные диалектов, акцентированных памятников, косвенные указания различного рода широко приваскились с этой целью.

² Идентичность греческого распределения с древнеиндийским была установлена Б. Уилером (B. Wheeler, *Der Griechische Nominalaccent*. Strasbourg, 1885; ср. списки имен, стр. 22—38); тождественность германского и древнеиндийского распределения показал К. Вернер (C. Verner, *Eine Ausnahme zur ersten Lautverschiebung*. — KZ, Bd 23, стр. 97—130; см. в особенности списки имен, стр. 118—119). Более обширные списки соответствий можно найти в работах Г. Хирта (H. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, Teil V. *Der Akzent*. Heidelberg, 1929) и Ч. Барбера (Ch. Cl. Barber, *Der vorgeschichtliche Betonung der germanischen Substantiva und Adjektiva*. Heidelberg, 1932).

³ Первоначальная основа может быть восстановлена в ряде случаев путем снятия известных вторичных именных основ и отдельных языков (например, греческие *-й*-основы из *-й*-основ, германские *-й*-основы из *-й*-основ).

⁴ К существенным апофоническим различиям мы относим противопоставление „полная ступень — ступень редукции“, связанное первоначально с различием места ударения. Различия в тембре гласного (о — е) допускаются нами при сопоставлении, поскольку эти различия часто обусловлены позицией аналогическими выравниваниями. Под существенными семантическими различиями здесь понимается отнесенность однокоренных формальных слов к различающимся акцентуационно-семантическим классам (например, оксатонированные *-о*-основы *nomina agentis* — баритонированные *-о*-основы *nomina actionis*).

Рассмотрение балтийского материала в работе предшествует рассмотрению славянских данных. Такой порядок обусловлен большей простотой балтийской системы акцентуационных парадигм и ее большей близостью к индоевропейской системе. Во второй — славянской — части работы балтийские данные привлекаются уже как материал, указывающий на определенные индоевропейские акцентуационные отношения. Некоторые особенности отражения индоевропейских имен с долгим гласным или долгим дифтонгом в корне (имена с долготным корнем) в балтийском и славянском потребовали отдельного рассмотрения этих имен и имен с кратким гласным или кратким дифтонгом в корне (имена с краткоротным корнем).

Индоевропейские акцентуационные парадигмы имен в балтийском

§ 1. Литовская система акцентуационных парадигм имени. Ее исследование и истолкование. Балтийская система именных акцентуационных парадигм отражена с наибольшей полнотой в литовском языке. Латвийские данные содержат указания о распределении по акцентуационным парадигмам только для имен с долготным корнем; показания древнепрусских памятников, хотя и могут быть использованы как дополняющий и корректирующий материал, сами по себе слишком скудны, чтобы служить основанием для сопоставления с другими индоевропейскими языками. Только в литовском языке для большинства именных основ представлено четкое противопоставление четырех акцентуационных парадигм, связь которых с индоевропейскими акцентуационными парадигмами может быть исследована.

Синхронный анализ позволяет выделить в современном литовском одну баритонированную акцентуационную парадигму имен и три подвижные, каждая из которых представляет особый тип акцентуационной кривой. Двусложные имена с акутовой (´) интонацией корня распределены между 1 и 3 а. п., двусложные имена с диакрестической (˘) или краткостной (˙) интонацией корня — между 2 и 4 а. п.¹. Для имен с большим количеством слогов существуют иные соотношения между интонацией корня и акцентуационной парадигмой. Так, для основ на -a-² возможные случаи соотношения интонации корня и акцентуационной парадигмы могут быть представлены словами *siēla* 'стена', *añgla* 'спекровь', *dārgana* 'ненастье', *āžara* 'слеза', *kāpeta* 'стог', *vieta* 'место', *skuja* 'игла хвоя', *lydeka* 'щука', *lapija* 'лества', *galva* 'голова', *koodega* 'хвост', *letena* 'ступня', *lugaro* 'спина', *algā* 'паата', *liga* 'болезнь'.

¹ В работе принята нумерация акцентуационных парадигм, введенная К. Бусой и употребляющаяся в современных литовских словарях и грамматиках. Соответственно именным обозначениям при цитировании источников, употребляются другие системы нумерации.

² Здесь и ниже типы основ обозначаются по индоевропейскому основобразующему формату: а-основы, а-а-основы (литовское состояние) и т. п.

Напомагана	Место ударения и основы					
	1 а. п.			2 а. п.		
	с́iena	на́jta	д́argana	в́ietā	l̄ydekā	
	siena	naĵta	dārgana			
			āšara	vietā	lydekā	
			kāpeta	skuĵā	lapjā	

Напомагана	Место ударения и основы					
	3 а. п.			4 а. п.		
	с́iena	на́jta	д́argana	в́ietā	l̄ydekā	
	galvā		uodegā			
			l̄etenā	algā		
			mugarā	līgā		

В единственном числе акцентуационные парадигмы *ā*-основных падежей так:

	1	2	3	4
Nom.	siena	vietā	galvā	algā
Gen.	sienas	vietas	galvās	algās
Dat.	sienai	vietai	galvai	algai
Acc.	sienā	vietā	galvā	algā
Instr.	siena	vietā	galvā	algā
Loc.	sienojē	vietojē	galvojē	algojē
Ill.	sienon	vieton	galvōn	algōn

Анализ парадигм позволяет выделить 4 группы падежей: 1) падежи, где баритонированные формы представлены во всех акцентуационных парадигмах (напр. Dat. Sing. и Acc. Sing-*ā*-основ); 2) падежи, где баритонированные формы представлены только в 1 и 2 а. п. (например, Gen. Sing., Loc. Sing. и Ill. Sing.-*ā*-основ); 3) падежи, где баритонированные формы представлены только в 1 и 3 а. п. (например, Acc. Pl.-*ā*-основ: *sienas, vietās, galvas, algās*); 4) падежи, где баритонированные формы представлены только в 1 а. п. (например, Nom. Sing. и

Instr. Sing.-а-основ). Акцентуационные отношения в других типах именных основ аналогичны рассмотренным.

Поскольку не существует литовских диалектов, где не различались бы 4 акцентуационные парадигмы (хотя распределение отдельных типов основ и отдельных слов внутри каждого типа основ существенно изменяется по диалектам) и поскольку акцентуационная кривая каждой парадигмы, как правило, одна для всех говоров⁷, противопоставление четырех акцентуационных парадигм следует считать общелитовским. (После того как Ф. Куршат подробно описал систему литовских акцентуационных парадигм⁸, перед исследователями литовской акцентуации встала задача выявить внутренние закономерности, определившие характер этой системы, и выяснить ее отношение к известным акцентуационным системам других индоевропейских языков.

Решающий шаг в этом направлении сделала Ф. де Соссюр. Его небольшая статья (F. de Saussure, Accentuation lituanienne. — *Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*, Bd. 6, 1896, стр. 157—166) на много десятилетий вперед определила направление исследований по балтийской акцентологии. Соссюр сознательно отказался от внешнего сопоставления литовского материала с данными других индоевропейских языков⁹. Он применил метод внутренней реконструкции при анализе литовских акцентуационных парадигм имени и создал неуязвимую по своей аргументации схему, объясняющую различие места ударения в разных акцентуационных парадигмах.

Соссюр отметил прежде всего, что две парадигмы двусложных имен с дикумфлексовой или краткостью интонацией корня (2 и 4 а. п.) отличаются от двух парадигм двусложных имен с акутовой интонацией корня (1 и 3 а. п.) изменением накоренного ударения на окончание в одной и той же группе падежей (группа 3 по приведенной выше классификации — падежи, где баритонированные формы представлены только в 1 и 3 а. п.). Эти падежи имеют краткие окончания (например, Acc. Pl. -а-основ на -as), восходящие к долгим окончаниям с акутовой интонацией согласно правилу, сформулированному А. Лескином¹⁰. Соссюр связал различие места ударения в упомянутой группе

⁷ В ряде падежей (например, Instr. Sing.-а-основ) отмечаются колебания места ударения по диалектам, вызванные разного рода выравниваниями.

⁸ F. Kuršat. Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache. Heft 2. Laut- und Tonlehre der litauischen Sprache. Königsberg, 1849. Тот же материал Ф. Куршат изложил позже в своей грамматике (F. Kuršat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876).

⁹ Исследования Г. Кирпа (ср. Н. Н. Нирт. Der indogermanische Akzent. Ein Handbuch. Strassburg, 1895) с очевидностью продемонстрировали, что собранный к тому времени литовский материал еще не был достаточным для подобного сопоставления.

¹⁰ A. Leskien. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen. — ASIPh, Bd. V, 1881, стр. 189.

падежей с различием интонации в корне и отметил аналогичную связь для других образований (например, инфинитивов на *-gti*: *rdižgti* 'резать' при 3 л. наст. вр. *ráižo*, но *laikgti* 'держать' при 3 л. наст. вр. *laiko*). Он сформулировал закономерность, обнаруженную также Ф. Ф. Fortunatovым и А. Лескином и носящую ныне название „Закон Фортунатова — де Соссюра“: „В определенную предшествующую диалектному членению (*anté-dialectale*) эпоху... ударение, как правило, переносилось на слог вперед, если оно находилось первоначально на циркумфлексированном (фоне) слоге (имеется в виду также слог с краткотонной интонацией корня. — В. И.), а следующий слог имел актуовую интонацию“¹¹.

Из этого положения вытекало сведение четырех акцентуационных парадигм имени к двум исходным парадигмам — баритонированной и подвижной¹²; первоначальная акцентуационная кривая этих парадигм сохранена литовскими 1 и 3 а. п., где передвижения ударения не было.

Перед Соссюром далее встала задача объяснить связь литовского противопоставления „баритонированная а. п. (1 и 2): подвижная а. п. (3 и 4)“ с индоевропейским противопоставлением „баритонированная а. п.: окситонированная а. п.“¹³. Поскольку первые члены в этих противопоставлениях имели одинаковую характеристику (баритонеза), естественной была их идентификация и вытекающее отсюда отождествление литовской подвижной а. п. с индоевропейской окситонированной а. п. Считая греческие и древнеиндийские данные (колонная окситонеза) более древними, чем литовские (подвижность ударения), Соссюр выдвинула остроумную гипотезу, объясняющую процесс „колонная окситонированная парадигма > подвижная парадигма“. Он предположил, что такое преобразование осуществлялось первоначально в неравносложных основах на согласный: ударение, падавшее в так называемых сильных падежах (падежах с полной огласовкой суффикса) на срединный слог трехсложного слова, переносилось в литовском на предыдущий (начальный) слог, например, Acc. Sing. *duktérin* (ср. греч. *δουκτέρα*) > лит. *dūktėrį* при сохранении старого места ударения в Nom. Sing. *dūktė* <

¹¹ F. de Saussure, *Accentuation*, ..., стр. 157.

¹² К этому выводу одновременно с Соссюром пришел А. Беггенбергер (в рецензии на книгу Г. Хирта „Der indogermanische Akzent“, — BB, Bd. 21, 1896, стр. 294—295). Анализ распределения имен по акцентуационным парадигмам (ср. приведенную выше таблицу) должен был неизбежно привести к такой идее. Поскольку 1 и 2 а. п. и соответственно 3 а. п. и 4 а. п. имеют имена с различной интонационной структурой корня, ясно, что 1 и 2 (3 и 4) а. п. связанными отношениями дополнительного распределения и могут быть объединены.

¹³ Соссюр, как и большинство исследователей того времени, считал окситонированной индоевропейскую а. п., противопоставленную баритонированной.

duktér. Подвижность ударения в других типах основ развивалась из окситонезы, по мнению Соссюра, не фонетически, а под влиянием уже существовавшей подвижности в основах на согласный.

Соссюр хорошо сознавал, что объяснение литовской подвижности из индоевропейской колонной окситонезы является самым слабым пунктом его концепции. Сформулировав правило оттягивания ударения («всякое ударение, падавшее на внутренний слог, переносилось на начальный слог, в то время как всякое окончательное ударение... сохраняло свое первоначальное место»¹⁴), он тут же замечает: «...к сожалению, трудно определить точно характер этого закона, так как его переформулировке в чисто фонетическую закономерность (*loi phonétique pure et simple*) препятствует ряд обстоятельств». Наиболее удачной из многочисленных позднейших попыток уточнить условия, при которых происходило оттягивание ударения¹⁵, нам кажется идея Х. Педерсена, указавшего на тенденцию к созданию контраста между конечным и начальным ударением в подвижной а. п. (H. Pedersen. *Études lituaniennes*. København, 1933, стр. 25). Если принимать, что подвижность ударения неконна по крайней мере у корневых основ, где слог, предшествующий окончанию, одновременно является начальным слогом, морфологическое пересмысление каждого неконечного ударного слога как начального вполне вероятно¹⁶. Принятие же более широкой сферы подвижности для индоевропейского и реконструкция исходной подвижно-окситонированной парадигмы значительно упрощает объяснение

¹⁴ F. de Saussure. *Accentuation*..., стр. 163.

¹⁵ Ср. в особенности детально разработанную, но не учитывающую ряда противоречий её фактов теорию Т. Торбьерссона (T. Torbjörnsson. *Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent*. Heidelberg, 1924. Не принесли успеха и попытки ряда исследователей (К. Буга, Я. Эндзелия, Н. Ван-Вейк, Э. Ниеминен) показать, что именно «окситонеза» подвижность» прошла в литовском относительно поздно (ср. подробнее E. Nieminen. *Der urindogermanische Ausgang -ai des Nominativ-Akkusativ Pluralis des Neutrum im Baltischen*. — *Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ*, Series B, t. 16, 1922—1923, стр. 130—138). Основной аргумент в пользу такой датировки — окситонеза во вторичных падежах подвижной а. п. при баритонезе в исходных падежных формах (например III. Sing. -o-основ *kiemai* < **kiemāi* при Acc. Sing. *kiemą*) — становится несомнительным при учете аналогичных фактов переноса ударения на синкванту в подвижной парадигме в славянском (ср. русск. *зимы* 'в эту зиму' при Acc. Sing. *зимы*). Идентичность славянских и балтийских подвижных а. п., продемонстрированная Х. Ставгом (Chr. S. Stang. *Slavonic Accentuation*, Oslo, 1957, стр. 62—64 и др., см. § 37), окончательно лишает этот аргумент. О возможности различного истолкования арванпруссских данных, привлеченных задатниками упомянутой гипотезы, см. § 35.

¹⁶ Такое толкование идеи Педерсена во многом ослабляет возражения Х. Ставга (Stang *Accentuation*, стр. 12), основанные на нечеткости формулировки Педерсена (он говорит об особом рода фонетической закономерности).

балтийского состояния; в этом случае следует предполагать лишь распространение на все типы основ подвижности, уже существовавшей в части именных классов.

Для нас, впрочем, эта вторая, самая гипотетическая часть теории Соссюра не является в данном случае наиболее существенной. Она представляет необязательное дополнение к основному тезису Соссюра о соответствии литовского противопоставления „баритонированная а. п. — подвижная а. п.“ противопоставлению „баритонированная а. п. — подвижно-оксентонированная а. п.“ в других индоевропейских языках. Именно это положение устанавливает структурное тождество литовской системы и других индоевропейских акцентуационных систем. Именно оно нуждается в проверке как собственно балтийскими данными, так и материалом внешнего сопоставления. Дальнейшие исследования шла, как правило, в этих двух направлениях.

Анализ материала других балтийских языков по крайней мере частично подтвердил общепалтийский характер противопоставления баритонированных и подвижных парадигм. Так, работы Я. Эндзелина показали, что существование двух акцентуационных парадигм у имен с долготным корнем отражено в латышском языке; противопоставление акцентуационных парадигм преобразовано здесь в интонационное противопоставление в начальном слоге (см. подробнее § 26). Таким образом, становится вероятным существование аналогичного противопоставления в „пра-латышском“ и для слов с краткостным корнем, хотя в этом случае оно не отражено как противопоставление интонаций. С другой стороны, исследования Эндзелина позволяли на основании латышских данных предположить для литовского позднюю утрату противопоставления акцентуационных парадигм в ряде именных категорий (например, для прилагательных с основой на -o/d-). Это предположение было подтверждено впоследствии данными старолитовских акцентированных текстов, где такое противопоставление частично сохранялось. Акцентологическое истолкование графики древнепрусского Эхириндума, предложенное Ф. Ф. Фортунатовым и Э. Бернскером (ср. § 35), содержало указания на существование в древнепрусском двух противопоставленных акцентуационных парадигм по крайней мере у имен с диакрифлексовой интонацией корня.

Внутрибалтийские данные, таким образом, подтверждали древность изученного Соссюром литовского распределения. Однако связь этого распределения с индоевропейским противопоставлением двух акцентуационных парадигм могла быть доказана, очевидно, лишь путем непосредственного сопоставления акцентуации балтийских имен, восходящих к образованиям индоевропейского периода, с акцентацией соответствующих имен в других индоевропейских языках. Такие сопоставления делались еще Г. Хиртом и А. Бецценбергером. Однако Бецценбергер,

пришедший одновременно с Соссюром к реконструкции двух акцентуационных парадигм в литовском, не смог дать, опираясь на факты внешнего сопоставления, удовлетворительного объяснения связи балтийских и индоевропейских парадигм (А. Вехзенбергер. Рец. на кн. „Der indogermanische Akzent“, стр. 297—301)¹⁷. Хирту удалось лишь наметить удачное объяснение баритонезы в группе имен, имеющих окситонированные соответствия в других индоевропейских языках (см. § 31). В большинстве же случаев он оперировал произвольно отобранными отдельными фактами.

Расширение акцентологических исследований в первой четверти XX в. не привело к существенным сдвигам в интересующей нас области. Главное, не была значительно увеличена материал внешнего сопоставления. Так, рассмотрением незначительного количества слов ограничился в 1916 г. Я. Эндзелли; они послужили ему основанием для пессимистического вывода: „... путем сопоставления с родственными языками не можем доказать сохранения в балтийских языках старого различия между окситона и баритона“¹⁸. Аналогичный вывод делает в 1923 г. Н. Ван-Вейк: „... обнаруживается, что между отдельными литовскими парадигмами и акцентуационными классами других индоевропейских языков нельзя установить никаких прочных связей“¹⁹. В том же смысле высказывается Э. Ниеминен („за исключением отдельных случаев, где может идти речь об индоевропейском различии в акцентуации, представленное в литовском распределение -о-основ между баритонированным и подвижным акцентуационными классами основывается на осуществленном в дописьменную эпоху перераспределении лексики, распределенной в индоевропейском совершенно иным образом“ и К. Буга²⁰.

¹⁷ Уменьшению акцентуационных отношений -о-основ, категорий, где можно опираться на наибольшее количество точных соответствий в других индоевропейских языках, долгое время мешало широкое распространение взглядов Н. Шмидта, объяснявшего балтийское окончание Nom. Pl. -о-основ -ai как первоначальное окончание имен среднего рода. Поскольку для множественного числа среднего рода характерно специфическое нахождение места ударения, исследователи были лишены возможности опираться на решающие показания форм множественного числа при изучении акцентуации -о-основ. Возвращения, восходящие к теории Шмидта, продолжали тяготеть над многими исследователями даже после появления упоминавшейся выше книги Э. Ниеминена, посвященной критике этой теории (ср., например, во многом исправительную рецензию Э. Зиттига на кн. Ниеминена: ZSlPh, Bd. VI, 1929—1930, стр. 284—289).

¹⁸ И. Эндзелли. К литовской акцентуации имен. пад. мн. ч. основ на -о-. — ИОРЯС, XXI, 2, 1916, стр. 299.

¹⁹ N. van Wijk, Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam, 1923, стр. 51; ср. разбор сопоставлений Beudendorpсra, стр. 45—51.

²⁰ Ср. Nieminen Ausgang, стр. 167; К. Буга. Рец. на кн.: J. Plakis. Dazi attistības pusesmi latviešu un lāišu akcenta vēsturē. — Tz. kн. 2, 1924, стр. 474.

Таким образом, ведущие акцентологи-балтисты этого периода фактически отказались от попыток подтвердить путем сопоставления с другими индоевропейскими языками истинность теории Соссюра. Основным их аргументом, помимо идеи Э. Ниеминена о возможности балтийского акцентуационного перераспределения (предполагалось, очевидно, что закономерности этого перераспределения установить нельзя), служили ссылки на наблюдающиеся в ряде случаев несоответствия акцентуационных парадигм в других индоевропейских языках (типа греч. *ἀγρός* — др.-инд. *ágras* 'поле'). Ясно, что соображения такого рода не могут быть достаточно вескими. Все упомянутые выше авторы реконструировали вслед за Соссюром две балтийские акцентуационные парадигмы — баритонированную и подвижную (или окситонированную); они молчаливо признавали это состояние отражением аналогичной индоевропейской системы, но отказались от сопоставления акцентуации отдельных образований индоевропейского периода в балтийском и других индоевропейских языках, поскольку система каждого языка могла в принципе отражать некоторую сумму акцентуационных инноваций, отличающую ее от индоевропейской системы (в данном случае имеется в виду перевод отдельных слов в другую акцентуационную парадигму). При этом упускалось из виду, что подобное изменение точки зрения требует лишь переноса внешнего сравнения в другую плоскость: оно должно стать сравнением равноправных систем, а не системы исходной и производной от нее. Полный же отказ от внешнего сопоставления означает на деле отказ от защиты соссюрианской концепции.

Неоднократно декларируемый агностицизм представителей классической балтийской акцентологии в этом вопросе привел лишь к тому, что более полное внешнее сопоставление было предпринято уже с целью опровергнуть положения Соссюра. Мы имеем в виду акцентологическую концепцию Е. Куриловича (ср. ее последнее изложение: J. Kurylowicz. *L'accentuation des langues indo-européennes*. 2-е éd. Wrocław-Kraków, 1958, стр. 169—203; сфр. III, 2. *La flexion nominale*). Эндзелин, Ван-Вейк, Буга говорили о невозможности доказать преемственность между индоевропейской и балтийской системами акцентуационных парадигм путем внешнего сопоставления; Курилович делает такое сопоставление, чтобы доказать отсутствие преемственности: "... между индоевропейским противопоставлением окситонированные основы : баритонированные основы и балто-славянской флексией немотивированных основ — пропасть (*un abîme*), создавшаяся в результате полного исчезновения в балто-славянском этого индоевропейского противопоставления"²¹. Эндзелин и Ниеминен отказывались объяснить причины акцентуаци-

²¹ J. Kurylowicz. *L'accentuation des langues indo-européennes*, стр. 197.

онного перераспределения в балтийском; Курилович подробно описывает процессы, приведшие, по его мнению, к устранению индоевропейского противопоставления двух акцентуационных парадигм в балто-славянском. Нерешительность в разработке соссюрианской концепции, отказ от ее детальной проверки внешним сопоставлением привели к созданию теории, противоположной по направленности.

Изложим коротко основные идеи Е. Куриловича по интересующей нас проблеме. Модифицируя гипотезу Соссюра, он принимает оттягивание ударения со срединных слогов с кратким гласным в „сильных надеждах“ окситонированных основ на согласный. Поскольку, по мнению Куриловича, акцентуация баритонированных основ на согласный опирается (*est fondée*) на акцентуацию окситонированных основ, а акцентуация слов с долготным корнем — на акцентуацию слов с краткостным корнем, индоевропейское противопоставление „баритонированная а. п. — окситонированная а. п.“ заменяется в балто-славянском не связанным с ним генетически противопоставлением „подвижная а. п. у имен с краткостным корнем — баритонированная а. п. у имен с долготным корнем“. „Вот целая область, где балто-славянский не может дать нам никаких указаний относительно акцентуации индоевропейских прототипов“²². Аналогичное преобразование пережили основы на гласный. Акцентуационная кривая подвижной парадигмы должна была здесь первоначально отличаться от акцентуационной кривой основ на согласный; так как основы на гласный опираются (*sont fondées*) на консонантные основы, они восприняли акцентуационную кривую этих последних. Таким образом, и здесь „... стерто всякое различие между древними *oxytona* и *barytona*“²³. Имена среднего рода, опирающиеся (*fondés*) на имена мужского рода, также распределяются по двум парадигмам в зависимости от структуры корня (краткостный или долготный корень); в этой категории подвижная а. п. первоначально отличалась от подвижных а. п. имен мужского и женского рода, представляя баритонезу в Nom. Sing. Итак, немотивированные в балто-славянском имена перешли в баритонированный акцентуационный тип, если они имели долготный корень, и в подвижный акцентуационный тип, если корень был краткостным. Имена с краткостным корнем и баритонированной а. п. отражают, как правило, мотивированные образования; имена с долготным корнем и подвижной а. п. — это первоначально мотивированные окситонированные образования, утратившие мотивированность до действия закона Фортунатова — де Соссюра в литовском и переведенные в подвижный акцентуа-

²² J. Kurylowicz. L'accentuation des langues indo-européennes, стр. 174.

²³ Там же, стр. 175.

ионный тип после того, как эта закономерность начала действовать²⁴.

Выше было указано, что Курналович привел значительный фактический материал для доказательства своей концепции. Однако его сопоставления опираются, как правило, на акцентуационные данные литовского литературного языка и, следовательно, нуждаются в тщательной проверке. Концепция Соссюра также никогда не подвергалась проверке путем систематического сопоставления акцентуации балтийских слов и идентичных им образований других индоевропейских языков. Решение в пользу той или иной теории (или отклонение обеих теорий) возможно только после проведения такого сопоставления. Не предваря результатов сопоставления, которому посвящена I часть нашей работы, мы лишь напомним читателю, какую картину распределения литовского материала следовало бы ожидать, исходя из теории Соссюра или из теории Курналовича. В первом случае (соссюрианская концепция) ожидаем, что большинству имен, представляющих в литовском баритонированную а. п. (1 и 2 а. п.), соответствуют баритонированные образования других индоевропейских языков, а основная масса имен с подвижной а. п. (3 и 4 а. п.) имеет соответствия в родственных языках в виде образований с подвижно-окситонированной а. п. Во втором случае (концепция Курналовича) литовские имена с подвижной а. п. и краткостным корнем (4 а. п. или 3 а. п. для многосложных слов) и имена с баритонированной а. п. и долготным корнем (1 а. п.) должны соответствовать в равной степени баритонированным и окситонированным образованиям других индоевропейских языков; литовские баритонированные имена с краткостным корнем (2 а. п., 1 а. п. для многосложных слов) и имена с подвижной а. п. и долготным корнем (3 а. п.) должны быть, как правило, балто-славянскими или балтийскими производными, не имеющими точных соответствий в других индоевропейских языках.

§ 2. Об акцентуации литовских диалектов и памятников литовского языка. Для установления исходной акцентуационной парадигмы имени в литовском чрезвычайно важны данные об акцентуации слова по диалектам, так как показания литературного языка, в основу которого легли южные говоры западноукштайтского диалекта, далеко не всегда первоначальны. Выше было отмечено, что распределение отдельных слов по акцентуационным парадигмам в литовском зачастую неравно в говорах. Анализируя такого рода колебания, удастся выяснить, что акцентуационной инновацией, как правило, является вытеснение первоначальных баритонированных парадигм подвижными. В некоторых типах именных основ (например,

²⁴ Там же, стр. 200, 212—213.

прилагательных с основой на -o/a-) подвижный акцентуационный класс полностью вытеснен баритонированный на всей территории литовского языка; в других случаях такой процесс охватывал значительную часть говоров (ср., например, отсутствие слов с баритонированной а. п. у -i-основ и основ на согласный с краткостным корнем во многих диалектах). По-видимому, процессом распространения подвижных а. п. начались на юго-востоке литовской языковой области (современные южнолитовские дзукские говоры); они захватили прежде всего прилегающие к этому району с северо-востока, севера и запада восточноукштайтские, центральноукштайтские и западноукштайтские говоры. Наиболее архаическое состояние сохранилось в окраинных северо-западных и западных жемайтских говорах (а также в исчезнувших к настоящему времени западноукштайтских говорах б. Прусской Литвы), с одной стороны, и в окраинных восточноукштайтских и восточнолитовских дзукских говорах — с другой. Не случайно именно в этих районах сохранилась до настоящего времени баритонированная а. п. у прилагательных с основой на -u/i-. Говоры, лежащие в основу литературного языка, принадлежат, таким образом, к числу говоров со значительным количеством акцентуационных инноваций, хотя они не представляют крайности в этом отношении. Естественно, что при определении первоначальной акцентуационной парадигмы литовского слова мы будем ориентироваться в первую очередь на говоры с архаической акцентуацией²⁵. Данные об акцентуации имен по диалектам разбросаны в довольно многочисленных описаниях отдельных говоров и записях диалектных текстов. Кроме этих материалов, мы частично использовали с разрешения сотрудников Института литовского языка и литературы данные картотек Словаря литовского языка и Литовского диалектологического атласа²⁶.

²⁵ С другой стороны, данные о сохранении баритонированной а. п. в говорах со значительным распространением подвижности будут служить warning указанием на то, что такая акцентуация сохранена в большинстве литовских говоров.

²⁶ Во избежание усложнения набора мы обыкновенно не приводим в тексте работы литовских диалектных форм, ограничиваясь указанием на акцентуационную парадигму. Заметим, что определение акцентуационной парадигмы по записям, сделанным в севернолитовских говорах с оттягиванием ударения, частичным (с краткого конечного слога на предыдущий долгий) или полным (с краткого или циркумфлексированного конечного слога на предыдущий или на начальный слог слова), как правило, возможно лишь при достаточно высокой точности диалектологической записи. Интонация слога, на который ударение перекинута вторично, в целом ряде случаев отличается от интонации слога с первоначальным ударением; это различие не всегда, однако, передается в записях текстов. Принципы акцентуации некоторых жемайтских и укштайтских говоров с оттягиванием ударения изложены в ряде статей издания Института литовского языка и литературы *Lietuvių kalbotyros klausimai* (t. I—III, Vilnius, 1957—1960). Образцы именных парадигм в говоре с частичным оттягиванием ударения (восточноукштайтский говор района Debeikių) даны в статье: O. Sedelskytė. Debeikių tarmės daiktavardžių

Акцентуация литовского литературного языка представлена в целом ряде словарей и грамматик. Наиболее полные нормативные издания такого рода — *Lietuvių kalbos rašybos žodynas* (Каунас, 1948) и *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas* (Vilnius, 1954). Показания литературного языка приобретают особую важность в случае отсутствия данных диалектов и акцентированных памятников. Понятно, что специальный интерес для нас представляет литературная акцентуация грамматистов и лексикографов, чьи труды сохраняют в какой-то степени определенную диалектную окраску; ведь именно в акцентуации диалектная окраска удерживается всего прочнее, нормализаторские тенденции захватывают эту сторону языка всего позже. В этом смысле чрезвычайно важны данные грамматик и словарей Ф. Куршата (район Tilsit — Tilsa, западноукштайтский говор 6. Прусской Литвы), А. Барановского (район Anykščiai, средний восточноукштайтский говор), К. Ялиуса (район Kvėdarna, юговосточный жемайтский говор), А. Юшкевича (район Veliuona, срединный западноукштайтский говор), Я. Яблонского (район Griškabūdis, южный западноукштайтский говор), Ю. Шлапеласа (говоры юговосточной Литвы).

При определении первоначальной акцентуационной парадигмы литовских слов источником перворазрядной важности являются старолитовские акцентированные памятники. Здесь первое место как по древности, так и по обилию материала принадлежит переводам М. Даукши — *Katechismas* (Vilnius 1595) и в особенности *Postilla Catholica* (Vilnius 1599). Эти памятники представляют уникальный для старолитовского случая применения сплошной акцентовки. Важность показаний переводов Даукши увеличивается еще тем обстоятельством, что в них отражена не только акцентуационная система родного центральноукштайтского говора Даукши (район Dotnava) со значительным количеством инноваций, но и гораздо более архаичная жемайтская акцентуация. Данные о распределении имен по акцентуационным парадигмам в языке Даукши были с достаточной полнотой собраны П. Скарджюсом (P. Skardžius. *Daukšos akcentologija*. Kaunas, 1935); мы часто будем при-
влекать материалы этой работы. Система акцентовки, примененная Даукшей (сплошная акцентовка, постановка знаков ^ˈ и независимо от интонации подударного слога) использована еще в анонимном катехизисе 1605 г., отражающем акцентуацию юговосточных (виленских) говоров (издание: *Katechizm Ledzmy w przykładzie wschodnio-litewskim z wydania wileńskiego z*

Įskaičiavimas (MADA, t. 1 (14), 1958, стр. 198—207), образцы именных парадигм в говоре с полным оттягиванием ударения (западноукштайтский говор района Šakyna) — в статье: A. Janaitytė. *Šakynos tarmės daktavardžio kaltyba* (LKK, t. III, 1960, стр. 98—110).

г. 1605. Wydał ... Dr. Jan Bystróż, Kraków, 1890). Некоторые данные об акцентуации центральноаукштайтских говоров с частичным оттягиванием ударения²⁷ содержит анонимная грамматика 1737 г. (издание: *Universitas linguarum magni ducatus Lithuaniae ... edidit ... Joannes Rozwadowski. Cracoviae 1896*). В этом памятнике впервые систематически отмечено различие интонаций: подударные циркумфлектированные долгие *ē, o, ā, i* отмечаются знаком [˘], подударные полудолгие *e, a, u, i* и эти же гласные в составе циркумфлектированных дифтонгических сочетаний — знаком [˘] (по-видимому, это обозначение средней интонации — *vidurinė priegaidė* — отмечасмой во многих диалектах; знак [˘] обозначает также краткий подударный в конечном слове), подударные акутированные долгие *ē, o, ā, i* и гласные *e, a, u, i* в составе акутированных дифтонгических сочетаний — специальным шрифтовым обозначением (антиква), см. J. Rozwadowski, цит. работа, стр. 236.

Многочисленные акцентуированные памятники Прусской Литвы, изданные в Кенигсберге (лит. *Karaliaučius*). Первым изданием такого рода является, вероятно, грамматика Д. Клейна 1653 г. — *Grammatica Litvanica ... edita à M. Daniele Klein ..., Regiomonti* (издание: *Pirmoji lietuvių kalbos gramatika 1653 metai. Vilnius, 1957*); акцентуированные книги издавались в Кенигсберге в течение последующих двух веков. Во всех этих памятниках акцентовка спорадическая. Как правило, знак ударения [˘] здесь ставится только над подударными *e, a* и этими же гласными в составе акутированных дифтонгических сочетаний²⁸. Таким образом, знаком [˘] отмечаются лишь подударные долгие *e, a* (краткие *e, a*, удлиненные в литовском, долгие *e, a* в первой части нисходящих дифтонгических сочетаний)²⁹. Этот способ акцентовки позволяет обнаружить в большинстве случаев только имена с баритонированной а. п. В ряде кенигсберг-

²⁷ Предположительно — область между районами *Velionys* (на юге) и *Radviliškis* (на севере), см. J. Rozwadowski. *Der litauische Akzent in der „Universitas linguarum Lithuaniae“*. — IF, Bd. VII, 3—4, стр. 236.

²⁸ Ср. A. Bezzenberger. *Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache*. Göttingen, 1877, стр. 18—19. Более подробное описание акцентовки Д. Клейна дано Т. Бух (T. Buchienė, J. Palionis. *Pirmosios prausdintos lietuvių kalbos gramatikos*, — цит. издание грамматики Клейна, стр. 47—59). Знак [˘], изредка употребляемый Клейном для обозначения краткого гласного или дифтонга в конечном слове, обычно не встречается в подавляющей массе реально-языкового содержания и появляется вновь лишь в грамматических и лексикографических сочинениях Ф. Рунга и П. Рунга (1747), Г. Остермейера (1791) и К. Мидалье (1800). Знак [˘], употребляющийся во всех кенигсбергских памятниках, не является знаком ударения; он служит указателем ряда грамматических форм (*Gen. Pl., Gen. Sing. -a-основ* и т. п.), ср. A. Bezzenberger, цит. рец. — BB, XXI, стр. 301; T. Buchienė, J. Palionis, цит. раб. стр. 50—51.

²⁹ В редких случаях знаком [˘] отмечаются *e, a* в циркумфлектированных дифтонгических сочетаниях. В части примеров здесь следует предполагать диалектные варианты с акцентом, ср. § 4 (*ranka*), § 21 (*šventas*).

ских изданий применено специальное обозначение кратких (неудлиненных) *a*, *e* — удвоение согласного, стоящего после этих гласных, ср., например, Acc. Sing. *rāsq* (= *rāsqa*), но Gen. Sing. *ražsōs*²⁰ (= *ražōs*) в Молитвеннике 1705 г.²¹ Поскольку краткие *a*, *e* обычно представлены в безударном слоге, в памятниках такого рода можно обнаружить и окситонированные формы слов с *a*, *e* в корне; это несколько компенсирует односторонность данных, полученных на основании анализа размещения знака *ˊ*; так, можно восстановить 2 а. п. на основании Gen. Pl. *pādū* (= *pādūq*) и 4 а. п. — на основании Gen. Pl. *laggā* (= *laggū*). Многочисленность акцентуированных текстов Прусской Литвы²² позволяет получить довольно подробные сведения об акцентуации значительной диалектной области²³, хорошо сохранившейся до конца 18 века древние акцентуационные отношения (кенигсбергские тексты свидетельствуют, например, еще о частичном сохранении баритонированной а. п. у прилагательных с основой на -*o/a-*). Эти памятники дают возможность проследить постепенное и весьма недавнее в ряде случаев распространение акцентуационных инноваций (введение подвижных парадигм). Так, имена *tēnklas*, *vēidas*, *dōiktas* и другие, представлявшие подвижную а. п. в говорах Прусской Литвы в середине 19 века (по данным Ф. Куршата), засвидетельствованы, как правило, с баритонированной а. п. в памятниках 17—18 вв.

Данные диалектов, литературного языка и акцентуированных памятников являются основными источниками при восстановлении первоначальной акцентуационной парадигмы литовского слова. Важные дополнительные сведения дает изучение акцен-

²⁰ Примеры из памятников даются в упрощенном написании.

²¹ На эту особенность графики (по данным словаря Хаака 1790 г.) указал А. Барановский (Заметки о литовском языке и словаре. — СвОРЯС, LXV, 9, стр. 13). Наше внимание обратил на нее В. А. Дыбо (на материале Библии 1735 г.).

²² Большинство этих текстов не учитывалось до сих пор в акцентологических исследованиях. Специальная работа посвящена лишь акцентуации К. Донелайтиса, использовавшего описанную выше систему обозначений (Т. Висб. Die Akzentuierung des Christian Donelaitis. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961; в этом издании дается также краткое описание акцентуации Д. Клейна, Ф. Рунга и П. Рунга, см. стр. 6—11).

²³ Среди этих памятников, отражающих акцентуацию западноукштайтских говоров Прусской Литвы, особняком стоит Новый Завет 1701 г. (Novum Testamentum Lithuanicum... Kęsgalaukuje... 1701), изданный в Кенигсберге, но составленный с помощью священников евангелических общин Великого Княжества Литовского (ср. соответствующее свидетельство И. Берената в предисловии к Библии 1755 г., — Biblia... Kęsgalaukuje 1755, Vorrede, стр. 9). Это издание представляет западноукштайтский или центральноукштайтский говор с частичным оттягиванием ударения (ср. Acc. Pl. *grābus*, *dōis*, *mišius*, Instr. Sing. *mēdžius*, *trėdžius* и т. п.; знак *ˊ* обозначает в этих случаях, вероятно, краткий подударный гласный). Интересна близость этого говора к говору грамматика Universitas Irgu-

туации производных слов и рано оторвавшихся от парадигм форм слова (наречные образования); в этих случаях часто сохранены акцентуационные отношения, утраченные исходным именем. Следует однако помнить, что только часть словообразующих формантов даст в современном языке производные с местом ударения, зависящим от акцентуационной парадигмы исходного слова. Число таких формантов больше в старолитовском (например, в языке Даукши) и в ряде окраинных диалектов. Накоренное ударение в такого рода производных указывает на баритонированную а. п. исходного имени, ударение на словообразующем форманте (по крайней мере, для части случаев) — на подвижную а. п. исходного имени.

Мы ограничиваемся здесь кратким обзором литовских данных, поскольку только литовские данные будут рассматриваться в первых разделах работы. Сведения о латышском и древнепрусском материале, имеющем значение для реконструкции акцентуационных парадигм, будут даны ниже (см. §§ 26, 35).

Имена с краткостным корнем

1. Основы на -a-

§ 3. Принцип акцентуационного распределения. Индоевропейское противопоставление *-a*-основ с баритонированной и подвижно-окситонированной а. п. сохраняется в литовском как противопоставление имен с баритонированной а. п. и имен с подвижной а. п. В части диалектов (в ряде случаев и литературном языке) некоторые первоначально баритонированные имена переведены в подвижный акцентуационный класс. Как правило, однако, древние отношения сохранены на значительной территории. Индоевропейские имена с подвижно-окситонированной а. п. представляют в литовском повсеместно подвижную а. п.

§ 4. Литовские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования.

Лит. (устар.) *ašvā* 'кобыла', ст.-лит. также *ašua*, 2 а. п. по данным словарей, ср. Trautmann BS 72, LKRŽ, DLKŽ. Такая же акцентовка у жемайтского гидронима *Ašvā*, см. Skardžius ŽD 13¹.

¹ Здесь и ниже страницы при ссылках указываются только для изданий несловарного типа или для словарей, где отыскание слова по какому-либо признаку затруднено. Цифры после сокращенного названия источника указывают том и страницу.

< **akpa* 'кобыла'; ср. др.-инд. (RV) *áśva* 'кобыла'. Соответствующее образование мужского рода также было баритонированным: др.-инд. (RV) *áśvas* 'конь', germ. **ēhwaz* 'конь' (др.-сканд. *for*, др.-англ. *coh*).

Лит. *liaukā* 'железа, миндалина', мн. ч. *liaikos* 'болезнь желез (у свиней)'. 2 а. п. отмечена в северном западноукштайтском говоре района Šakupa (карт. LKŽ). Такая акцентуация является литературной нормой, см. Кам., LKRŽ, DLKŽ. В жемайтских и восточноукштайтских говорах широко представлен перевод слова в 4 а. п. (по данным карт. LKŽ), отраженную и в некоторых словарях, ср. Šlap. LL, NS (4 или 2 а. п.).

< **leuka* 'белая опухоль'; ср. греч. *λεῖκη* 'белые лишай или струпья, кожная болезнь'.

Лит. *vieta* 'место'. 2 а. п. у Даукиши (15х, см. Skardžius DA 86³) и в Катехизисе 1605 г. (Loc. Sing. *widtoy* 40, см. Bystrofi 51). Такая же акцентуация представлена у Донелайтиса (3х, см. Buch AD 44), повсеместно по диалектам (в том числе в южнолитовских даукских — район *Matcinkonys*, см. Doritsch 64) и в литературном языке (Kur. Gr. 179, Явн. Гр. 72, Šlap. LL, Jabl. I 75, Кам., LKRŽ, DLKŽ).

< **pōita* 'выгон, место пастбы скота'; ср. germ. **waīþo* 'пастбище; место охоты' (др.-в.-нем. *weida*, др.-англ. *waþ* 'охота').

Лит. *dujā* 'мелкозернистая почва, пыль; мелкий дождь, ситничек', мн. *dūjos* 'газ'. 2 а. п. отмечена по данным карт. LKŽ в окраинных северножемайтских (Urupa), восточноукштайтских (Kriņčinas) и западноукштайтских (Marijampolė) говорах. Перевод слова в 4 а. п., представленный уже у Даукиши (Loc. Sing. *dujojė*, см. LKŽ II 558), отражают большинство говоров и литературный язык (Šlap. LR, Кам., NS, DLKŽ). Отмеченное Куршатам *dūja*, -os (Kur. LD), по-видимому, — результат контаминация *dujā* с вторичной -s-основой *dūje*, известной по диалектам.

< **dhūja* < **dhūha* 'пыль, мельчайшие частицы чего-либо'; ср. греч. *θία*, (конич.) *θιά* 'благовонное курение, финнам', *θιά* (у Теофраста) 'африканская туя (дерево, сжигаемое для получения благовоний); первоначальное значение греческого слова, собственно, 'благовонная пыль'.

Лит. *rankā* 'рука'. 2 а. п. у Даукиши (6х, см. Skardžius DA 86), Донелайтиса (3х, см. Buch AD 44), повсеместно по диалектам (в том числе в южных даукских говорах — *Ramaškonys*, см.

³ Можно предполагать, что Даукиша были известны говоры, переводившие слово в 4 а. п. У него встречается четыре раза форма Gen. Sing. *wietōs* и один раз производное *wietlīnkā* (Instr. Sing.), предполагающее 4 а. п. у исходного имени (рядом с этим четыре раза отмечены формы от **wietlīnka*, см. Skardžius DA 53).

LKK III 181) и в литературном языке (Kug. Gr. 179, Явн. Gr. 92, Šlap. LL, Jabl. I 74, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ)³.

< **urónka* 'нечто изогнутое, искривленное'; ср. герм. **wirónho* 'угол' (др.-сканд. *gō, gā*, др.-шведск. *urā*, датск. *uraa*); в германском представлено также окситонированное образование **wrangō* (др.-сканд. *gryg* 'шпангоут')⁴.

Лит. *mušė, mušis* 'муха'. 2 а. п. широко представлена по диалектам (в том числе в южных дзукских говорах — Jaskonys, см. карт. LKŽ); такая акцентуация — норма современного литературного языка (Kam., LKRŽ, DLKŽ). Вариант с 4 а. п. отмечен в западноукштайтских говорах (Virbalis, Griškabodis), что согласуется с данными Kug. LD (двойную акцентуацию допускает также NS; Šlap. LL: *mušė* — 4 а. п., *mušis* — 2 а. п.⁵).

< **māsiā* 'муха, мошка'; ср. греч. *μύις*, (монич.) *μύις* 'муха'.

Лит. *miگل* 'туман'. 2 а. п. отмечена в южнолитовском дзукском районе Margekonys (карт. LKŽ, записал в 1942 г. J. Savickas); на такую же акцентуацию указывает вторичная -с-основа *miگل* (2 а. п.) в западножемайтском районе Kretingalė. Вариант с 4 а. п. широко распространен по говорам (в том числе в восточно-укштайтских — район Salakas). Слово неизвестно большинству

³ Такая же акцентуация, по-видимому, у Д. Клейна (Loc. Sing. *gānkoje, Rānkoje*, Invtr. Pl. *Rānkomis*, Loc. Pl. *Rānkomis*, см. Klein Comp. 13, 21, 22), хотя знак ' предполагает обычно актуальную интонацию подударного слова. Любопытно, что во всех перечисленных выше случаях знак употреблен в падежных формах, где ожидается первое ударения на последующий акцентуруемый слог по закону Фергюлатова—де Сосюра (**gānkoje* > **gān-koje* и т. п., ср. днал. *gānkā*, *gānkāi(r)* < **gānkāi-pi*) и где обычно предполагают введение баритонезы по аналогии (ср. Skardžius DA 135—136). Формы с закономерной баритонезой Клейн дает без знака ' (Dat. Sing. *gān-koj, Acc. Sing. gānkā, Nom. Pl. gānkom*). Если аналогическое введение баритонезы произошло в период, когда еще был актуален перенос ударения по закону Фергюлатова—де Сосюра, баритонизированными упомянутые падежные формы могли быть лишь при актуальной интонации подударного слова. Таким образом, формы, отмеченные Клейном, могут отражать древние отношения, утраченные в результате интонационного выравнивания в парадигме.

⁴ Семантическое развитие 'нечто изогнутое' > 'рука' обычно, ср., например, герм. *arma* 'рука, верхняя часть руки' (гот. *arma* и т. п.) при лит. днал. *arimas* 'изогнутые спицы, между которыми вставляется дышло'. Возможное заимствование из кельтского лит. (позднее) *brōnso* 'рука' предполагает, что указанный семантический переход не был ограничен балтийским и славянским. Приведенная этимология Н. Миклоша требует переосмысления отмеченной обычно связи лит. *gānkā* с глаголом *gākti* 'собирать'; в этом случае глагол следует рассматривать как древнее производное с первоначальным значением 'действовать рукой'. Что касается семантического отношения ряда исследователей к правилу Ф. Андема (н.-е. **ur-* > балт. и слав. **r-*), то оно остается простым предположением до тех пор, пока не будет обнаружен другой балтийский и славянский рефлекс достаточно широко представленного в индоевропейском начальном **ur-*.

⁵ В литовском диалекте с 4а-основой отражена корневая основа **mu-*, ср. лит. днал. *mušis*, Gen. Pl. *mušių, mušių*.

жемайтских говоров, где скорее всего ожидали бы распространения варианта со 2 а. п. (здесь употребляется *rūkās* 'туман'). 4 а. п. — литературная норма (Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ)*.

< **mighlā* 'туман'; ср. греч. (гомер.) ὀμίχλη 'туман'.

Лит. *sulā* 'березовый (кленовый) сок'. На первоначальную баритонированную а. п. указывает акцентуация производного прилагательного *sūlīnis* (район Dovydai, см. Skardžius ŽD 247), ср. противопоставление *ėglinis, vīstīnis, kiaūlinis, drūskinis, leūtīnis* (от имен со 2 а. п.: *ėgle, vištā, kiaulė, druskā, lentā*) — *šikšninis, kaktinis, dieninis, skarinis, meškinis* (от имен с 4 а. п.: *šikšnā, kaktā, dienā, skarā, meškā*). Слово переведено в 4 а. п. повсеместно по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских — Salantai — и восточноукштайтских — Duselos — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 178, Явн. Гр. 92, Jabl. I 75, Kam., NS, DLKŽ).

< **sūlā* 'род напитка'; ср. др.-инд. (RV) *sūrā* 'опьяняющий напиток'.

Лит. *blusā* 'блоха'. 2 а. п. у Даукши (1х, см. Skardžius DA 85), Донсаляйтиса (1х, см. Buch AD 41), повсеместно по диалектам (в том числе в южнолитовских латукских говорах — Leipalingis, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. LD, Šlap. LR, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **bhlūsā* 'блоха'; ср. греч. ψύλλα 'блоха' < **phsūsā*⁷; последняя форма, возможно, представляет метатезу из **sphūsā*, что восходит к **s-bhlūsā*, форме с „s подвижным“, параллельной образованию **bhlūsā*.

Лит. *kuprā* 'спина'. 2 а. п. представлена в большинстве говоров (в том числе в центральных западноукштайтских — Jurbarkas — и центральных восточноукштайтских — Subačius, см. LKK III 166, Skardžius DA 89). Вариант с 4 а. п. отмечается в западнжемайтском районе Priekulė (также 2 а. п.) и соседних районах бывшей Прусской Литвы (карт. LKŽ); на ту же диалектную область указывают данные Ф. Куршата (Kur. Gr. 178 — 4 а. п., но Kur. LD — 2 а. п.). Такая же акцентуация, вероятно, известна и восточнолитовским говорам (Šlap. LL — 4 а. п.). В литературном языке более обычна 2 а. п. (Kam., NS, LKRŽ; DLKŽ — 2 или 4 а. п.).

* Приводимые Ф. Куршатом формы с -g- латин *myglā, mygliā, mygliš* (Kur. Gr. 175, Kur. LD), вероятно, отражают заимствование слова из диалектов, знающих удлинение кратких *i, u*.

⁷ Греческое -s в ψύλλα вместо ожидаемого -c (др.-инд. -ā), по-видимому, вторично, как в случаях типа аттич. πρύχλ при гомер. πρύχλ, ср. Schwyzler I 476; диалектное аттическое удвоение отражает, вероятно, -āh < -as- (ср. Schwyzler I 284). Таким образом, отпадает необходимость реконструировать для ψύλλα исходную -sā-основу **bhlūsā* < **bhlūsā*, как это часто делают (ср., например, Boisacq 1078).

< **kūprā* 'горб'; ср. germ. **hūfraz* 'горб; спина' (др.-в.-нем. *houar*) < **kūpros*⁵.

§ 5. Литовские имена с подвижной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-окситенированной а. п.

Лит. *algà* 'плата, жалованье'. 4 а. п. представлена у Даукиши (3х, см. Skardzius DA 87), Донслайтиса (3х, см. Buch AD 44), в словаре Нессельмана (Nesselmann: III. Sing. *Algón* 4), по диалектам (в том числе в жемайтских — *Švėkšna* — и восточно-аукштайтских — *Salamiestis*, *Vabalninkas* — говорах, см. AX II 318, LM 32, 81) и в литературном языке (Kur. Gr. 177, Явн. Gr. 72, Šlap. LL, Jabl. I 75, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **alg^hhā* 'плата, вознаграждение'; ср. греч. ἀλγή 'заработок'.

Лит. *kaina* 'цена'. Вариант с 4 а. п. (*kainā*) представлен в южных западноаукштайтских говорах (Senkus 84) вплоть до Немана на севере (ср. колебания между 4 и 1 а. п. в районе Skirsnemūnė, по данным карт. LKŽ); такая акцентуация известна и восточнолитовским говорам (Šlap. LL: 4 или 1 а. п.). Вариант с 1 а. п. (*kāina*) господствует в большинстве диалектов и литературном языке (Юшк. AP, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Этот вариант отражает метатонию типа *vařnas* 'ворон': *vārna* 'ворона', частую в -а-основах (соответствующая -о-основа мужского рода сохранена в латыш. *cienš* 'почет, уважение'), и должен считаться вторичным.

< **k^ooinā* 'пена, плата, цена'; ср. греч. ποικί 'выкуп; пеня; кара'.

Лит. *žala* 'вред, ущерб', *vandens žala* 'водянка'. 4 а. п. представлена у Даукиши (4х, см. Skardzius AD 88), по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских говорах — *Mosėdis*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **ghaldā* 'желчь; нечто испорченное, неприятное, вредное'; ср. греч. χολή 'желчь; яд; злоба'.

Лит. *lentā* 'доска'. 4 а. п. представлена повсеместно по диалектам (в том числе в жемайтских — *Kuršėnai* — и восточно-аукштайтских — *Dusetos* — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 177, Явн. Gr. 72, Šlap. LL, Jabl. I 75, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **lentā* 'дерево с мягкой древесиной; доска'; ср. germ. **lindō* 'липа' (др.-в.-нем. *linta*, др.-сакс. *linda*, др.-англ. *lind*) < **lentā*.

⁵ В суффиксальных образованиях такого рода едва ли можно предположить противопоставление -й- и -о-основ по месту ударения, так что допустимо восстановление баритокарированного **kūprā* на основании германских данных.

Лит. *tautà* 'народ'. 4 а. п. у Даукиши (5х, см. Skardzius DA 88) и в литературном языке (Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **teutà* или **toutà*; ср. герм. *þiudō* 'народ' (гот. *þiuda*, др.-в.-нем. *diota*, др.-сакс. *thioda*, др.-фриз. *thiade*, др.-англ. *þeod*) < **teutā*.

Лит. диал. *srauvà* 'течение (в реке); кровотоечение'. 4 а. п. по данным Šlap. LL, Skardzius ŽD 38, LKRŽ.

< **sroyd* 'течение'; ср. греч. *ῥοή* 'поток, течение' < **sroyd*.

Лит. *samdà* 'аренда'. 4 а. п. можно предполагать в языке Даукиши на основании форм производного **samdingkas* (4х, см. Skardzius DA 54). Такая же акцентуация по диалектам (в том числе в юго-восточных жемайтских говорах — Raseiniai, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, NS, DLKŽ).

< **somdhà* < **somdhHd* 'договор'; ср. др.-инд. *samdhd* 'договор, обещание; намерение' (Böhtlingk VII 42).

Лит. *sakà* 'сказка, легенда; сказ'. 4 а. п. по данным Šlap. LL, NS, DLKŽ.

< **sokd* 'нечто рассказанное'; ср. герм. **sazō* 'рассказ' (др.-в.-нем. *saga*, др.-англ. *sagu*; ср. др.-сканд. *saga* < **sazōn*, жен. р.).

Лит. *rasà* 'роса'. 4 а. п. у Даукиши (1х, см. Skardzius DA 88) и в памятниках Прусской Литвы (Gesangbuch 1685 г.: Loc. Sing. *Rassoje* 100_м, так же в издании 1705 г.: Gebetbüchlein 1705 г.: Gen. Sing. *rassōs* 99; Biblia 1735 г.: Gen. Sing. *rassos* 506а⁹). Такая же акцентуация по диалектам (в том числе в западно-жемайтских — Dovilai — и восточноаукштайтских — Dusetos — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 178, Явн. Gr. 92, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **rosà* 'влага; роса'; ср. др.-инд. (RV) *rasd* 'мифическая река, обтекающая вселенную; влажность' < **resd*.

Лит. *skalà* 'лучина, дрань, щепà'. 4 а. п. представлена повсеместно по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских — Plungė — и восточнолитовских даукских — Šalakis — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. LD, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **skalHd* 'нечто отколотое, отщепленное'; ср. др.-инд. (RV) *kald* 'частичка, кусочек' < **kalHd*¹⁰ (соответствующее балтийскому образованию без *„s подвижного“*).

Лит. *tarpa* 'урожай; рост (растений)'. Вариант с 4 а. п. (*tarpà*) обычен в диалектах (см. карт. LKŽ) и литературном языке

⁹ Во всех приведенных примерах на безударность первого слова указывает ударением и, ср. § 2.

¹⁰ Форму с ларингальным (*H*) после *l* восстанавливаем перед отсутствием удвоения *-o-* (из *-o-*) в древнеиндийском, что возможно лишь в закрытом слоге; ср. лит. *skūti* 'расщепляться' < **skHlH-s*.

(Kur. LD, Kam., LKRŽ, DLKŽ¹¹). Ю. Шляпелне допускает вариант с метатонией — 1 а. п. (*tārpa*) наряду с 4 а. п. (Šlap. LL.).

< **torpā* 'нужда, недостаток; нечто нужное, полезное'; ср. germ. **þarbō* 'нужда; недостаток' (гот. *þarba*, др.-в.-нем. *darba*).

Лит. диал. *vieka* 'сила, энергия'. 4 а. п. (*vičkā*) отмечена, по данным Ф. Куршата (Kur. LD 495), в районе Stallurėnai — Stalurėnai. Более обычен вариант с 1 а. п. *vieka* (Boga II 647), представляющий результат метатонии¹².

< **uoikā* 'жизненная сила'; ср. germ. *waigō* (др.-сканд. *veig*, жен. р. 'сила; крепкий напиток').

Лит. *spandā* 'нажим, давление; печать, кнопка'. 4 а. п. по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских говорах — Kretinga, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. LD, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ),

< **spoudā* 'нажим; напряжение' ср. греч. *σπῶδῃ* 'усилие, рвение; поспешность'.

Лит. *brankā* 'набухание (семян)'. 4 а. п. по диалектам (см. LKŽ I 819) и в литературном языке (Kur. LD, Šlap. LR, Trautmann BS 36, NS, DLKŽ).

< **bronkā* 'набухание; сжатие'; ср. germ. **branzōn*, жен. р. (др.-сканд. *branga* 'зажим'), вероятно, германское преобразование *-ā*-основы **bronkā*.

§ 6. Отклонения от описанного распределения. В ряде случаев такие отклонения — лишь следствие недостаточной точности сопоставления. Так, др.-инд. (AV) *tāpra* 'место для асания, постель' — *poten instrumenti* и может отличаться акцентуационно от *poten actionis*, представленного в лит. *talpā* 'емкость, вместимость' (4 а. п. по диалектам и в литературном языке).¹³ Неправильна идентификация лит. *kapkā* 'мука; пытка' (4 а. п.) с germ. **hānhō*, реконструированным на основании глагола др.-сканд. *hā* 'мучить' < **hānhōn* (WP I 401); ведь этот глагол можно с такой же степенью вероятности проинтерпретировать от *-o*-основы муж. или ср. рода **hānhō(z)*. Точно так же в основе др.-англ. *þroh* 'зависть, недовольство' может лежать не germ. **þrānhō*, сопоставимое с лит. *trąšā* 'навоз, перегной' (4 а. п. по диалектам и в литературном языке), а образование

¹¹ В словарной статье (DLKŽ 840) ошибочно указана 2 а. п. вместо 4. На 4 а. п. указывает приводимый пример: *Be lietovs nera —da* (т. е. *torpā*, Gen. Sing.).

¹² К. Буга (см. там же) отрицает существование варианта *vičkā*. Однако ссылаясь на Ф. Куршата на определенный диалект заставляет думать, что в данном случае (как и в случае с формой *močē*, см. § 30), Буга допустил ошибку, легко объяснимую недостаточным знакомством с говорами Прусской Литвы.

¹³ Не желая, впрочем, возможности, что отмеченная 1а форма *talpā* (см. Bāhtlingk — Roth III 236) ошибочна, и существует только *tāpra*, муж. р. (форма, обычная в санскрите).

мужского или среднего рода: древнеанглийское слово засвидетельствовано только в глаголах, и его род неизвестен.

Следует отклонить и распространенное отождествление лит. *žakà* 'ветка' (4 а. п. в памятниках Прусской Литвы¹⁴, повсеместно по диалектам и в литературном языке, см. Кур. Gr. 178, Явн. Gr. 92, Šlap. LL, Кам., LKRŽ, DLKŽ) с др.-инд. (RV) *śákha* 'ветвь'. Глухой придыхательный *-kh-* в исходе основы указывает на сочетание *-kff-* с *-ff-*, усвоенным из косвенных падежей парадигмы основ на *-eff-* типа *pánthās*, Gen. *pathās*; ср. § 25.

Действительные отклонения от описанного выше акцентуационного распределения можно обнаружить в следующих случаях:

Лит. *gijà* 'вить в основе'. 2 а. п. отмечена в западноукшайтском говоре района Jurbarkas (LKK III 166). Как правило, по говорам (в том числе в жемайтских говорах — Gardamas, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Кур. Gr. 177, Явн. Gr. 92, Šlap. LR, Вил., NS, LKRŽ, DLKŽ) 4 а. п. Если 2 а. п. первоначальна, литовские данные не согласуются с показаниями древнеиндийского, где представлено окситонированное *jīd* 'тетива' (ср. *jīd-uṇas* 'имеющий быстроту тетивы' в RV).

Лит. *kriušà* (также *kriušà*) 'град, снежная крупка'. 4 а. п. представлена по диалектам (в том числе в жемайтских говорах — Alsėdžiai, Varniai, Švėkšna, Kvedarna, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Кур. LD, Явн. Gr. 92, Šlap. LL, Кам., LKRŽ, DLKŽ). Эти данные не согласуются с показаниями германских языков, где можно реконструировать баритонированное **hrūsōn*, жеп. р. (др.-в.-нем. *gosa* 'лед, ледяная корка', др.-англ. *hruze* 'земля'), представляющее, вероятно, преобразование *-d*-основы.

Ясно, что единичные отклонения такого рода не позволяют усомниться в выдвинутом выше принципе акцентуационного распределения.

§ 7. Поздние процессы выравнивания акцентуационных парадигм в литовском. Итак, индоевропейское противопоставление баритонированной и подвижно-окситонированной а. п. *-d*-основ было сохранено в литовском как противопоставление баритонированной и подвижной а. п. До действия закона Фортунатова — де Соссюра здесь колония баритонеза противопоставлялась подвижности. Такую систему нельзя назвать устойчивой, так как в падежах, где была представлена баритонеза в подвижной парадигме, противопоставление двух акцентуационных парадигм нейтрализовалось (ср. например, Dat. Sing. *rāsai*,

¹⁴ Явной опечаткой является отмеченный в грамоте 1804 г. Gen. Pl. *Szákka* (PVG 486): удвоение *kk* указывает на безударность предшествующего слога (ср. Gen. Pl. *žakka* NT 1735 г. 20а, *Szákku* у Довейлайтиса, см. Buch AD 42).

Acc. Sing. *rāsq*, как *āšuai*, *āšuaq*). Уже в этот период в ряде диалектов, по-видимому, начался процесс смещения двух а. п. и обобщения подвижной а. п. В результате передвижения ударения на акцентированный слог число падежей с одинаковой акцентуацией в обеих парадигмах увеличилось (ср. Nom. Sing. *āšvā* < **āšvā*, как Nom. Sing. *rašā* < **rašā*) и, главное, в баритонированной а. п. возникли окситонированные падежные формы. Теперь нейтрализация двух акцентуационных парадигм не была связана с баритоневой падежной формы. Это обстоятельство должно было еще ускорить процесс смещения двух парадигм.

Существуют литовские говоры, отражающие ряд последовательных стадий вытеснения баритонированной а. п. Этот процесс начинался в единственном числе, где в четырех падежных формах противопоставление акцентуационных парадигм нейтрализуется (Nom., Dat., Acc. и Instr.: *āšvā*, *āšuai*, *āšuaq*, *āšvā*, как *rašā*, *rāšai*, *rāsq*, *rašā*), и лишь позднее распространялся на множественное число, где есть только две такие формы (Nom и Acc.: *āšvuos*, *āšvās*, как *rāšos*, *rašās*). Так, в западноукштайтских говорах бассейна р. Митува, по данным Э. Гринавецкиене (E. Grinaveckienė. Mituvos upyno tarmės daiktavardis. — LKK, t. III, 1960, стр. 162) представлены такие стадии процесса: 1) *egle* 'ель' — 2, реже 4 а. п. в Sing., 2 а. п. в Pl.; 2) *musia* 'муха' — 4 а. п. в Sing., 2 а. п. в Pl.; 3) *cirvė* 'веревка', *leva* 'черемуха' — 4 а. п. в Sing., 2 или 4 а. п. в Pl. В дзукском южнолитовском районе Marcinkonys слово *žvaigždė* 'звезда' представляет 4 а. п. в Sing., но 2 а. п. — в Pl. (Doritsch CCXXXVI); аналогичное состояние для слова *dūja* 'пыль' отмечено в южном дзукском диалекте района Nočia и для слова *dirva* 'нива' — в западноукштайтском диалекте района Geistarai (карт. LKŽ).

Из изложенного материала видно, что область, где сохраняются первоначальные акцентуационные отношения, различна для различных слов. Вероятно, направление каждой такой изоглоссы в значительной мере определялось семантическими и словообразовательными связями, а также степенью употребительности каждого отдельного слова.

2. Основы на -o- мужского рода

§ 8. Принцип акцентуационного распределения. Основы на -o- мужского рода в восточнобалтийских языках, как известно, отражают индоевропейские образования мужского и среднего рода. Эти две категории еще различались в диалекте древнепрусского Эльбингского словаря как имена с конечным -(i) и -il соответственно. Процесс утраты среднего рода в восточнобалтийских диалектах еще не прошел в период балтийско-финских контактов. Заимствованные в прибалтийскофинский имена среднего рода, как правило, имеют конечный -a (см. подробнее § 13),

в то время как старые *masculina* регулярно отражены с конечным -*as*, ср. финск. *täivas* 'небо' — лит. *dievas* 'бог' (др.-пр. *Deuvis* Voc. 1), финск. *vallas* 'сошник' — др.-пр. *Wagnis* Voc. 244, финск. (Kalevala) *tarvas* 'сказочное животное' — лит. *taūras* 'бык' (др.-пр. *Tauris* Voc. 648), финск. *hammas* 'зуб' — лит. *žąmbas* 'грань' (греч. γράτος 'шип'), финск. *raslas* 'дрова' — лит. *strąsdas* (греч. στρόβη; 'воробей'), ср. еще эрзячск. *kardax* 'двор' — лит. *gąrdas* 'загон' (гот. *gards*). Поскольку акцентуация -*o*-основ среднего рода в индоевропейском имеет свои особенности, -*o*-основы *masculina* и *neutra* целесообразно рассматривать отдельно.

Литовские основы на -*o*-, восходящие к образованиям мужского рода, сохранили индоевропейское противопоставление двух акцентуационных парадигм; и в этой категории оно представлено противопоставлением баритонированной и подвижной а. п.

§ 9. Литовские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования.

Лит. *žąmbas* 'край, грань: пола одежды'. 2 а. п. отмечена, по данным карт. LKŽ, в жемайтских (Mosėdis, Kvėdarna) и центральноукштайтских (Kėdainiai) говорах; шире по говорам распространен вариант с 4 а. п. Литературная норма колеблется между 2 (Šlap. LL, Kam.) и 4 а. п. (LKRŽ, DLKŽ).

< **žąnbhos* 'выступающий край, зубец; зуб'; ср. др.-инд. (RV) *jāmbhas* 'зуб', греч. γράς 'гвоздь, шип'. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает финск. *hammas*, вепс. *hambas* 'зуб' с исходным -*as*.

Лит. *rātas* 'колесо; круг, ободок'. 2 а. п. представлена у Даукши (1х, см. Skardžius DA 32), в кенигсбергских изданиях (Ruhig DL: Instr. Pl. *Rātais* 13a; Donelaitis 2х, см. Buch AD 15; Nesselmann: Nom. Pl. *Rātai*, Instr. Pl. *Rātais* 430), повсеместно по диалектам (в том числе в южных даукских говорах — Rataškonys, см. LKK III 184) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Šlap. LL, Jabl. I 197, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **rātHos* 'колесо'; ср. др.-инд. *rāthas*, муж. р. 'повозка', герм. **rāpa*, ср. р. 'колесо' (др.-в.-нем. *rad*, др.-сакс. *rath*, др.-фриз. *reth*); первоначальность мужского рода в балтийском подтверждают финск. *ratas* 'колесо', карельск. *ratas*, эст. *ratas*.

Лит. *saikas* 'сосуд — мера сыпучих тел'. 2 а. п. представлена у Даукши (1х, см. Skardžius DA 32) и по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских — Šalantai — и южных западноукштайтских — Virbalis — говорах, см. Skardžius DA 37). Шире распространен по говорам вариант с 4 а. п. (см. карт. LKŽ), господствующий в литературном языке (Kur. Gr. 152, Янн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **sdikos* 'сосуд'; ср. germ. **sāihaz* 'чан' (др.-сканд. *sār*, др.-англ. *sā*, муж. р.).

Лит. *kaĩkas* 'домашний дух; душа некрещеного ребенка; нечистая сила'. 2 а. п. представлена по диалектам (северо-западные жемайтские — *Mosėdis, Salantai* — и центральноаукштайтские — *Šėta* — говоры) наряду с 4 а. п. Аналогичные колебания в литературном языке (2 а. п. — Юшк. ЛР, *Šlap. LL, Fulst, LKRŽ, DLKŽ*; 4 а. п. — Кам., NS).

< **kāukos* 'оборотень'; ср. др.-инд. (RV) *kōka-yātus* 'злой дух (*yātus*) в образе животного, называемого **kōkas*'¹⁵. На первоначальность мужского рода в балтийском указывает др.-пр. *Saxx Voc. II* 'черт'.

Лит. *sāras* 'соломинка, былинка'. 2 а. п. отмечена в словаре Нессельмана (*Nesselmann: Nom. Pl. Szėrai* 513) и по диалектам (в юго-восточных жемайтских — *Šilalė*, западноаукштайтских — *Magijampolė* — и некоторых восточноаукштайтских — *Vabalninkas* — говорах, см. карт. LKŽ). Вариант с 4 а. п. широко представлен в восточноаукштайтских районах. В литературном языке колебания: 2 а. п. — Кур. Gr. 154, Яви. Gr. 86, Кам., LKRŽ; 4 а. п. — *Šlap. LL, DLKŽ*.

< **kāpas* 'нечто измельченное, раздробленное'; ср. др.-инд. (RV) *tāpas* 'речной насос'.

Лит. *ardai*, мн. ч., 'жерди для просушки льна'. 2 а. п. представлена, по данным карт. LKŽ, в жемайтских и соседних аукштайтских говорах (*Plungė, Rietavas, Raseiniai, Naujamiestis*). В большинстве аукштайтских районов известен вариант с 4 а. п. Смешанная парадигма *ardai*, Gen. *ardų*, отмеченная в западно-жемайтском районе *Vaškai*, засвидетельствована также у Ф. Куршата (Кур. LD). Литературной нормой является 4 а. п. (*Šlap. LR, Кам., LKRŽ, DLKŽ*).

< **ārdhas* 'нечто отделенное, отщепленное; сторона, половина'; ср. др.-инд. (RV) *ārdhas* 'сторона, место'¹⁶.

¹⁵ Предполагают, что др.-инд. **kōkas* — звукоподражательное по происхождению название кукушки (*Grazmann* 352) или вола (*Mauthofer* I 268); оба эти предположения гадательны. Славянское название оборотня, аналогичное литовскому и древнеиндийскому, **kāks* можно предполагать на основании оборотов типа *скри. на кукоу дом, на кукоу лето, болг. на кукоу ден, на кукоу лето* 'когда раз свистит'.

¹⁶ Семантически это объяснение вполне удовлетворительно, ср. слав. **rodъ* 'половина, сторона' при др.-инд. *phalati* 'лопается'. Неясно, почему Э. Френкель (*Frenkel LEW* 15) предпочитает объяснить лит. *ardai*, латыш. *ārdī* 'балки в куше для просушки белья' как заимствования, восходящее в конечном счете к прибалтийскофинскому образованию (финск. *arfa*, Pl. *arfat*, карельск. *arfo* 'приспособление для сушки сетей'). Обратное направление заимствования, предположенное еще В. Томасом (*Thomas* 112, так же *Kallma* IB 91—92), несомненно, вероятнее. Прибалтийскофинская форма с окончанием -а закономерно отражает балтийское мн. ч. на -ai, ср. финск. *katoa*

Лит. *jauai*, мн. ч. 'хлеба, зерновые'. 2 а. п. засвидетельствована в ряде памятников Прусской Литвы, ср. Biblia 1735 г.: Dat. Pl. *jėwams* 509₂₀ (также в издании 1755 г.); грамота 1794 г.: Nom. Pl. *Jāwai* (PVG 411); Nesselmann: *Jāwai* 37. Распространение варианта с 4 а. п. началось весьма рано; такая акцентуация отмечена уже у Даукши (2х, см. Skardžius DA 34) и в некоторых кенигсбергских изданиях (Gebetbüchlein 1685 г.: Dat. Pl. *jawāms* 105₂₁; Ruhig DL: Nom. Pl. *Jawai* 24b; Mielcke Gr.: Dat. Pl. *jawāms* 181). 4 а. п. представлена повсеместно в современных диалектах (в том числе в жемайтских — Šilalė, Vieikšniai — и в восточноукштайтских — Čedasai, Kupiškis — говорах, см. LM 310, 350, 22, 431) и литературном языке (Kur. Gr. 152, Янн. Гр. 86, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< *jāwas < *jāuHos 'злак'; ср. др.-инд. (RV) *yāvas* 'хлеб, зерновой злак; поле, засеянное зерновыми'¹⁷.

Лит. *sārnas* 'сон, сновидение'. 2 а. п. представлена в словаре Нессельмана (Nesselmann: Nom. Pl. *Sāpnai* 455). На первоначальную баритонированную а. п. слова указывает акцентуация производного *sāpnininkas* 'толкователь снов', известная говорам Прусской Литвы (NT 1701 г.: Nom. Pl. *sāpnininkai* 415b₁₆; Nesselmann: *Sāpnininkas* 455; Kur. LD: *sāpnininkas*). При подвижной а. п. исходного слова ожидали бы *sapnininkas*, как в современном литературном языке, ср. противопоставление в языке Ф. Куршата (Kur. Gr. 157—160): *balnininkas* (*baļnas*, 4 а. п.), *kaklininkas* (*kāklas*, 4 а. п.), *samdininkas* (*samdā*, 4 а. п.) — *giri-ninkas* (*giriā*, 2 а. п.), *knūgininkas* (*knūgā*, 2 а. п.), *daržininkas* (*daržas*, 2 а. п. в северо-западных жемайтских говорах, см. Skardžius DA 55) Вторичная акцентуация — 4 а. п. — отмечается уже у Даукши (3х, см. Skardžius DA 34), представлена по диалектам (в том числе в жемайтских говорах — Skuodas, Žemaičių Kalvarija, Raselniai, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Янн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< *sārpnas; ср. др.-инд. (RV) *svārpnas* 'сон'. На первоначальное образование мужского рода указывают еще авест. (гаты) *x'afna-*, муж. р., лат. *zomlis* 'сон'.

Лит. *vālas* 'конский волос; веревка из конского волоса'. 2 а. п. представлена в словаре Нессельмана (Nesselmann: Nom. Pl. *Valai* 47), в южных жемайтских говорах (Tauragė, Stačioniai, см. карт. LKŽ). Более обычен в диалектах вариант с 4 а. п.,

'шерсть; волосы', *harja* 'щетка; грива' при лит. *vašrai* 'волосы', *šeriai* 'щетки'.

¹⁷ Реконструкция *jāuHos объясняет отсутствие удлинения -o- в древнеиндийском (в закрытом слоге) и акутовую интонацию лит. *jāuJās* 'овин' < *jauHjos.

являющийся литературной нормой (Kur. LD, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **uólos* 'конский волос'; ср. др.-инд. (RV) *udras* 'волосы в хвосте лошади'.

Лит. *uŭšas* 'крюк'. 2 а. п. представлена, по данным карт. LKŽ, в южных жемайтских (Vaškai — также 4 а. п., Kvėdarna) и некоторых западноукштайтских (Paežerėliniai) говорах. Вариант с 4 а. п. обычен в западноукштайтских говорах и литературном языке (Kur. Gr. 153, Явн. Gr. 88, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **ólkos* 'крюк'¹⁸; ср. греч. *ῥυκος* 'кривой наконечник стрелы'.

Лит. диал. *tālas* 'опухоль'. 2 а. п. представлена у Г. Несельмана, ссылающегося на рукописный кенигсбергский словарь Бродовского (Nesselmann: Nom. Pl. *Tālai* 89); вариант с 4 а. п. засвидетельствован словарями Рунга и Мильке (Rubig DL: *Tālai* 179b; Mieleke DL: *tālai* 237) и известен по диалектам (карт. LKŽ; так же LKRŽ).

< **tólos* 'нечто натянутое; нечто набухшее'; ср. греч. *τόνος* 'натянутая струна; натяжение'.

Лит. *karpas* 'отрезанный кусок ткани; зарубка, паз; рубег'. 2 а. п. отмечена в западноукштайтском говоре района Skirsnėmė (карт. LKŽ) и подтверждена данными LKRŽ. 4 а. п. шире распространена по говорам и является литературной нормой (Явн. Gr. 86, Юшк. AP, Šlap. LL, NS, DLKŽ).

< **kórpas* 'нечто отрезанное, отломанное'; ср. герм. **skárfaz* (ср.-н.-нем. *scharf*, муж. р. 'черепок', см. Barber 75) < **skórpas* (вариант с „я подвижным“).

Лит. *laukas* 'поле'. На первоначальную баритонированную а. п. указывает акцентуация наречия *laukan* 'наружу' (по происхождению — форма III. Sing.); по диалектам такая форма представлена наряду с окситонированным *laukai*. Показательно, что акцентуация *laukan* сохранена главным образом в жемайтских и западноукштайтских диалектах, где утрачены формы иллатива и где *laukan* воспринимается как наречие, не связанное с парадигмой имени *laukas*. Распространение формы *laukan* в говорах Прусской Литвы подтверждают данные Донелайтиса (см. Buch AD 17) и Куршата (Kur. LD). В восточноукштайтских говорах, где формы иллатива сохранены, такая связь ощущалась, и форма *laukai* была окситонированной как обычный иллатив к *laukas*, 4 а. п. Само слово *laukas* представляет подвижную а. п. в современных диалектах (в том числе жемайтских — Kuočiai, Telšiai, Plungė — и восточноукштайтских — Biržai, Krinčinas, Subačius — говорах, см. LM 250, 359, 370, 86, 102, 104) и в ли-

¹⁸ Начальный *o-* в литовском, как в *uólos* 'волос' < **ólos* (греч. *οῖος* 'сливца — на игральном востях').

тературном языке (Kur. Gr. 152, Яви. Gr. 87, Jabl. I 73, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **lōnkas* 'открытое пространство, поле'; ср. герм. **lōnhas* 'лут, поросшее кустарником пространство' (др.-в.-нем. *lōh*, муж. р., др.-сакс. *lō*, муж. р., др.-англ. *lēah*, муж. р.) наряду с **lōnha*, ср. р. (др.-в.-нем. *lōh*, ср. р., др.-сакс. *lō*, ср. р.). На первоначальность мужского рода указывает лат. *lacus* 'священная роща'¹⁹.

Лит. *šūlas* 'деревянный столб; клепка, дощечка для бочки'. На первоначальную баритонированную а. п. указывает акцентуация производного *šūline* (жемайтские говоры, см. Skardžius DA 77), *šūlinis* (говоры Прусской Литвы, см. Doritsch 74) 'колодезь', собственно 'сделанный из досок' (вторичный перевод в подвижную а. п. в восточноукштайтском *šulingis*, *šulngis*). При подвижной а. п. исходного слова ожидали бы **šūlinis*, ср. *skalinis* (*skalà*, 4 а. п.), *skarinis* (*skarà*, 4 а. п.) — *pūsinis* (*pūse*, 2 а. п.), *raistinis* (*raistas*, 2 а. п.), см. Skardžius ŽD 257. Слово *šūlas* усвоило 4 а. п. повсеместно по диалектам (в том числе в юго-восточных жемайтских — *Šilalė* — и восточноукштайтских — *Debeikiai* — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Яви. Gr. 87, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **ksūlos* 'деревянный столб, полено'; ср. греч. (гомер.) *ξύλον* 'пень, столб' < **ksūlom* (ср. еще греч. *ξύλικος* 'деревянный': лит. *šūlinis*). В балтийском, в отличие от греческого, представлено образование мужского рода, ср. др.-пр. *Sulis* Voc. 196 'клепка'.

Лит. *paštas* 'сильнейший гнев, ярость'. 2 а. п. отмечена в северном восточноукштайтском районе *Gružiai* (карт. LKŽ). 4 а. п. представлена у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 20), по говорам и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **nārtisos* 'душевное волнение'; ср. греч. (аттич.) *νόσος* 'недуг; страдание' < **nōrtos*²⁰.

Лит. *vakarai* 'вечер', мн. ч. *vakarai* 'вечера; запад'. 1 а. п. представлена у Даукши (3х; у Даукши засвидетельствовано также производное **vākarinė* 'ужин', указывающее на 1 а. п.; см. Skardžius DA 42, 109) и в памятниках Прусской Литвы (*Gesangbuch* 1685 г.: Ad. Sing. *wākarop* 115₁₉; NT 1701 г.: *wākarop* 115₁₉₋₂₀; NT 1735 г.: Gen. Pl. *wākarā* 10b₂₀, 104a₄₀, 106a₅; Biblia 1735 г.: Gen. Pl. *wākarā* 92b₁₈, Instr. Pl. *wākarais* 178a₁₉, так же в нава-

¹⁹ Др.-инд. *lōka* 'открытое пространство' едва ли указывает на параллельное окситонированное образование, так как более древней формой в RV является *plōka* (Grazspann 1187—1188); эта форма восходит, вероятно, к словосложению **plu-lōka* 'открытое поле' в *i*-диалекте (ср. Mayrhofer I 112), ср. аналогичное образование *g*-диалекта *pru-lōka* 'занимающий большое пространство' (RV).

²⁰ Гомер. *νόσος*, предполагающее скорее **nōrtos*, объясняется как гиперформализм, введенный при переписке вместо *νόσος*, см. Szwyzer I, 308, WP II 333.

нин 1755 г.; Naack: *wākarais* 141b; Mielecke Gr.: *wākarais* 146; Nesselmann: *Wākarai* 'запад' 46; перевод в 3 а. п. отмечает Ruhig DL: Nom. Pl. *Wakarai* 173a и Donelaitis 3x, см. Buch AD 23). Такая акцентуация сохранена в части жемайтских говоров (Sa. lantai, Plungė, Švėkšna, см. Skardžius DA 45) и отмечена К. Явни-сом (*vākarai* 'запад', но *vakarai* 'вечер', см. Явн. Гр. 20). Следы баритонезы сохраняет и Kur. DL 15 (*iB wākara* 'с за-пада' при Nom. Pl. *wakarai*). Вариант с 4 а. п. представлен в большинстве говоров и литературном языке (Kur. Gr. 158, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **uakʷagos* 'вечер'; ср. греч. (гомер.) ἑσπερος 'вечер' < **uēskʷe-gos*²¹.

Лит. *alkas* 'священная роща (устар.); лесистый холм'. По диалектам колебания между 2 (восточноукштайтский район Skapiškis) и 4 а. п. (северозападный жемайтский район Gudeliai), см. карт. LKŽ. Аналогичные колебания и в литератур-ном языке: 2 а. п. — NS, LKRŽ, DLKŽ, 4 а. п. — Fulst).

< **alkos* 'священная роща, храм'; ср. герм. **alhas* 'храм' (др.-н.-нем. *alah*, др.-англ. *ealh*)²².

Лит. *kāras* 'могила; могильный холм'; мн. *kapai* 'кладбище'. 2 а. п. представлена в словарях Рунга, Мильке и Нессельмана (Ruhig DL: *kāpai* 121b; Mielecke LD: *kāpai* 159; Nesselmann: *Kāpai* 178); на такую акцентуацию указывает и производное *kāpinė* 'кладбище' (ср. Ruhig LD: *kāpinės* 54). Перевод слова в 4 а. п. отражен уже в памятниках Прусской Литвы (Gesang-buch 1685 г.: Gen. Pl. *kappā* 108₇, 501_{1a}, 514_{1c}; NT 1735 г.: Gen. Pl. *kappā* 11b₃; Naack: Nom. Pl. *kappai* 47b); такая же акцентуация господствует в говорах (в том числе жемайтских — Mosėdis, Kretinga, Salantai — и восточноукштайтских — Šuba-čius, Siesikai, см. карт. LKŽ) и литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., Bat., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **kāros* 'нечто выкопанное, вскопанное'; ср. греч. (Геспод) *καίρος* 'время вскапывания виноградников', вероятно, < **uakʷos*

²¹ Индоевропейское название вечера обычно реконструируется как **uēreǵos* на основании греч. ἑσπερος, лат. *vesper*, др.-ирл. *feccor*, валл. *uchter*, причем связь его с лит. *vākaros*, слав. **uēterь* остается неясной. Более перспективной кажется реконструкция м.-е. **uē-akʷagos* и варианты без «з подмижного» **uē-akʷagos*; обобщение вокализма *u-* или *o-* осуществля-лось уже по диалектам. Тогда греч. ἑσπερος объясняется как преобразование исходного **uēreǵos* < **uēakʷagos*; лат. *vesper* можно рассматривать как за-имствование из оскоко-умбского с закономерным *p* < **kʷ*; италийские формы восходят к **uēakʷagos* (др.-ирл. *feccor*) и **uēakʷagos* (валл. *uchter*); нако-нец, арм. *gider* 'ночь', не получающее объяснения из формы с *-ar-* (*ar* > арм. *ṛ*), хорошо согласуется с предложенной реконструкцией, предпо-лагая исходное **uēakʷeros* (*akʷ*) > арм. *ṛ*, ср. арм. *ṛel* 'аривей'; греч. *σπερς* 'аривей', см. Brugmann I, 1, 581).

²² В германском представлены также следы корневой основы **alh-* (гот. *alhs*).

(к *skāints* 'копая') с ф под влиянием отношений *tārsi*, мн. ч. 'погребение': *šāpča* 'погребаю', см. *Boisacq* 870—871, WP II 560. В греческом представлена форма с „з подвижным“. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает вст. *kaabaš* 'могильный холм', финск. *kaapas* 'островок среди болота', если это заимствование из балтийского (ср. *Kalima* IB 126).

Лит. *kuāras* 'дыхание; запах, дух'. 2 а. п. представлена у Довелайтиса (Iх, см. *Buch* AD 15) и по диалектам (в том числе в юговосточных жемайтских — *Vainutas* — и восточно-аукштайтских — *Kuriškis* — говорах, см. LM 319, 446). В большинстве диалектов и литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ) обычна 4 а. п.

< **kuāras* 'дуновение, дыхание' (-о-основа муж. р. или -es/-o-основа ср. р.); ср. глоссы Гесихия (HAL II 408) *kāto*; *φυχῆ*, *πνῆμα* ('дыхание, дуновение').

§ 10. Литовские имена с подвижной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-оксентонированной а. п.

Лит. *aūlas* 'голенщик'. 4 а. п. представлена по диалектам (в том числе в жемайтских — *Gargždai* — и восточноаукштайтских — *Rokiškis* — говорах, см. LKŽ I 404, карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 151, Явн. Гр. 86, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **aulós* 'полый стержень, трубка'; ср. греч. *αὐλός* 'трубка, полый стержень; свирель, флейта'. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Aulis* Voc. 141 'берцовая кость'.

Лит. *sakai*, мн. ч. 'смола'. 4 а. п. представлена в кенигсбергских изданиях (*Biblia* 1735 г.: Gen. Pl. *sakkā* 177b, так же в издании 1755 г.; *Ruhig* LD: *Sakkai* 126a; *Nesselmann*: *Sakai* 452), по диалектам (в том числе в восточноаукштайтских говорах — *Pandėlys*, *Dusetos*, *Panemunėlis*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **smakʰós* 'сок растений'²³; ср. греч. *σπῆς* 'бродильный сок' < **smis* (ср. *копачиш* в надписях, см. *Boisacq* 708) < **smakʰds*. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Sackis* Voc. 598 'смола'.

Лит. *diēvas* 'бог'. 4 а. п. представлена у Даушки (многократно, см. *Skardžius* 34, 133²⁴) и в Катехизисе 1605 г. (*Ad. Sing. Diešṽr* 39, см. *Bystroń* 51). Такая же акцентуация по говорам

²³ Балт. *z* < *y*-*o*. др., как в лит. *žirnis* 'соя', *sesuo* 'сестра'.

²⁴ Наряду с оксентонированными формами *diēvas* на -*p(i)*, указывающими на 4 а. п. (21x), у Даушки отмечаются и труднообъяснимые *букито*-нированные формы типа *diēṽr* (16x), *diēvĩr* (6x), ср. *Skardžius* DA 135. Здесь можно думать о выравнивании акцентуации по Gen. Sing. *diēvo*.

(в том числе в восточноаукштайтских — Subačius, см. LM 107) и в литературном языке (Kur. Gr. 151, Явн. Гр. 86, Šlap. LL, Jabl. I 73, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **deivós* 'божество, бог'; ср. др.-инд. (RV) *devás* 'бог'. На первоначальность мужского рода в балтийском указывает др.-пр. *Deiwis* Voc. I 'бог' и финск. *taiwas* 'небо' с конечным -*as*.

Лит. диал. *miėgas* 'сон (как состояние)'. 4 а. п. по диалектам (в том числе в восточноаукштайтских говорах — Kupiškis, см. TŽ III 405) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **meiǵhás* 'нечто туманное, неясное'; ср. др.-инд. (RV) *meghás* 'облако'.

Лит. диал. *vaĩkas* 'рогатина для просушки кож'. 4 а. п. по диалектам (см. карт. LKŽ) и по данным DLKŽ.

< **poĩkós* 'нечто, служащее для натягивания, растягивания'; ср. греч. *ólkós* 'ворот', *ólkai*, мн. ч. 'поводья' < **spolkós* (вариант с «*s* подвижным»).

Лит. *strāzdas* 'дроуд'. 4 а. п. у Донелайтиса (Iх, см. Buch 17), по диалектам (в том числе в западных жемайтских говорах — Saugai, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **strozdhós* 'небольшая птица'; ср. греч. *στρουθός*, муж. и жен. р. 'воробей' < **strozdhós* с диссимилятивной утратой -*s*- и заместительным удлинением²⁵. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает финск. *gastas* 'дроуд'.

Лит. диал. *gāpas* 'пастух'. 4 а. п. по данным LKRŽ.

< **ghonfhós* 'некто бьющий, погоняющий; орудие, которым бьют, гонят'; ср. др.-инд. (RV) *ghanás* 'разрушитель; дубина'²⁶.

Лит. *gaiprai*, мн. ч. 'оспа'. 4 а. п. представлена в литературном языке (Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Отмеченная в восточнолитовском дяукском говоре района Tverečius 3 а. п. (Otrębski WNT I 219), вероятно, вторична (ср. ниже замечания об аналогичном варианте слова *stambas*).

< **gouprós* 'нечто разрушенное, захваченное насильем; след разрушения, болезнь'; ср. germ. **raubāz* (др.-п.-нем. *roub* 'грабеж; добыча').

Лит. *stambas* 'стебель, кочерыга'. 4 а. п. отмечена, по данным карт. LKŽ, в западноаукштайтских (Jurbarkas, Griškabūdis) и дяукских (Liškiava) говорах. Поскольку вариант с 3 а. п., как правило, представлен в говорах, лежащих за пределами

²⁵ Аггич. *strozdhós* отражает, вероятно, вторичное оттягивание ударения, отмеченное в ряде случаев в этом греческом диалекте, ср. Wheeler 115; Schwyzler I 383.

²⁶ Баритонизованное греч. *πόλος* 'убийство; жертва убийства, труп' представляет *possep actionis* (в помете *acti*), закономерно противопоставленное по месту ударения отраженному в балтийском и древнеславянском *possep agentis* (в помете *instrumenti*).

зоны с частичным оттягиванием ударения, но недалеко от границы этой зоны (Pandėlys, Dusetos, Vilkija), его можно объяснить междиалектным заимствованием. 4 а. п. слова в говорах с частичным оттягиванием ударения (Nom. Pl. *stambai*, Acc. Pl. *stambūs* < **stambūs*) была воспринята при заимствовании слова в говоры, не знающие оттягивания ударения, как 3 а. п. (Nom. Pl. *stambai*, Acc. Pl. *stambūs* > *stambūs*). Вариант с 4 а. п. был, вероятно, известен Куршату (ср. Kur. LD 402: Acc. Pl. *stambūs*). 3 а. п. — литературная норма (Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< **stombās* 'стебель растения'; ср. др.-инд. *stambās* 'куст' (Böhtlingk VII 200).

Лит. *maišas* 'мешок'. 4 а. п. представлена у Даукши (2а, см. Skardžius DA 34), в большинстве современных диалектов (в том числе в западножемайтских — Dovilai — и восточноукштайтских — Dusetos, Zarasai — говорах, см. карт. LKŽ) и литературном языке (Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Говорам Прусской Литвы был, по-видимому, известен вторичный вариант с 3 а. п., ср. Mielcke DL: *maišas* 398, Nesselmann: *Maišzas, Māšzas* 389, так же Kur. LD (*maišas* 'сетка для сена'). Этот вариант можно объяснить как заимствование из говоров с частичным оттягиванием ударения (как *stāmbas*, см. выше) или, скорее, следуя за К. Бутой, видеть здесь влияние форм жен. р. *maiša* 'сетка для сена' (Kur. DL I 636b), *maiše* 'большой мешок', где метатония закономерна.

< **moizās* 'баранья шкура с шерстью; мешок из шкуры'; ср. др.-инд. (RV) *mežās* 'баран' (первоначально 'баранья шкура')²⁷.

Лит. диал. *baišgas* 'ливень'. 4 а. п. по диалектам (LKŽ I 524, карт. LKŽ) и данным DLKŽ²⁸.

< **bhangās* 'разрушение; нечто, несущее разрушение'; ср. др.-инд. *bhangās* 'поломка; волна' (Böhtlingk—Roth V 175—176).

Лит. *žarais* 'врасыпную, вразброд' (Kur. LD), по происхождению — Instr Pl. от **žāras*, 4 а. п. (ср. Nesselmann: *Žāras* 'порядок; направление' 539).

< **ghorās* 'порядок (при движении)'; ср. греч. χορός 'круговой танец, хоровод'.

Лит. *dāgas* 'аной, жаря; жатва, урожай'. 4 а. п. по данным Kur. Gr. 151, NS, LKŽ, LKRŽ.

²⁷ Гадательно распространенное предположение о связи др.-сканд. *meizs* (< **meizaz*) с лит. *maišas*, др.-инд. *mežās* (см. обоснование этого сближения: O. Schrader. *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*, Bd. I, Lief. II. Berlin—Leipzig 1920, стр. 629). Протулируемое основное значение 'мешок, корзина из шкуры' не согласуется с семантикой слова *meizs*, обозначающего прежде всего 'деревянный ящик'.

²⁸ LKRŽ 168 ошибочно указывает 2 а. п. Эта ошибка исправлена при переработке словаря, ср. LKRŽM 66 — 4 а. п.

< **dhog'hós* 'жаркое время'; ср. др.-инд. (ŚB) *nīdāghās* 'жаркое время года'. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Dagis Voc.* 13 'лето'.

§ 11. Отклонения от описанного распределения. К числу минимых отклонения следует отнести сопоставление лит. *beĩdras* 'приятель, соучастник' (2 а. п. у Даукиши, по диалектам и в литературном языке) с греч. *τετδερς* 'тесть; зять' (первоначально 'связанный родством'); окситонеза греческого слова явно возникла относительно поздно по аналогии с каким-то другим образованием (вероятно, *τεμδς* 'свекор' или *τετδρ* 'теща'), так как первоначально окситонированное **τετδερς* должно было быть преобразовано по закону Уилера в **τετδερς*. Лит. *bādas* 'голод' (2 а. п., по данным памятников, ср. Nom. Pl. *bādaĩ* NT 1701 г. 45a₂, 84a₂₃, 144a₂₂₋₂₃, NT 1735 г. 69a₂₂; в современном языке обычно 4 а. п.), вероятно следует сопоставлять не с др.-инд. (RV) *bādhis* 'притеснение', но с др.-инд. (по данным лексикографов) *bādhas* 'нажим, сила' (Böhtlingk IV 220). Различие в акцентуации между лит. *tuaiĩkas* 'спертый воздух, духота' (2 а. п. наряду с 4 а. п. по диалектам и в литературном языке) и герм. **þwanzas* 'нажим, сжатие' (др.-в.-нем. *þwang*, др.-фриз. *þwong*, ср.-н.-нем. *dwang*) объясняется, по-видимому, стремлением противопоставить *potĩna acti* и *potĩna actionis* по месту ударения.

Наконец, лит. *laiĩgas* 'тур, дикий бык' (4 а. п.) едва ли можно непосредственно сопоставлять с греч. *ταĩρς* 'бык', поскольку это слово, видимо, заимствовано из догреческого индоевропейского языка (как указывает -χ- вместо ожидаемого -ρ-, ср. -en- в герм. **þingaz*, др.-сканд. *þiorr*) и не отражает собственно греческую акцентуацию³⁹.

К числу действительных отклонений, обычно принадлежат случаи, когда в литовском представлены имена с 4 а. п. в соответствии с баритонированными образованиями других индоевропейских языков. Во всех случаях такого рода следует иметь в виду тенденцию к раннему обобщению подвижной а. п. у -о-основ мужского рода; следы первоначальной акцентуации могут быть полностью стерты, в особенности если отсутствуют данные акцентуированных текстов.

Лит. *viĩkas* 'водка'. 4 а. п. у Даукиши (5x, см. Skardžius DA 35), Донелайтиса (7x, см. Buch AD 18), повсеместно по диалектам (в том числе в жемайтских — *Kuršėnai* — и восточноли-

³⁹ Если считать индоевропейское название быка заимствованным из сепитских языков (сепит. **daĩga*), акцентуацию греческого слова можно сопоставлять с литовской. Такая гипотеза удовлетворительно объясняет греческий и италийский (лат. *laĩgas*) вокализм; труднее дать с этой точки зрения объяснение упомянутым выше германским формам.

товских двуязычных — Tverečius — говорах, см. LM 328, Otrębski WNT I 216) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Явн. Gr. 87, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ). Такая акцентуация не согласуется с баритонезой др.-инд. (RV) *ufkas* 'волк', греч. *λύκος* (с метатезой < **u[kʰas]* 'волк'.

Лит. *māzgas* 'узел; цветочная завязь'. 4 а. п. по данным Kur. DL 697 а, Šlap. LL, Kam., NS, Fulst, LKRŽ, DLKŽ. Такая акцентуация не согласуется с баритонезой греч. *μβουξ* 'молодой побег'.

Лит. *sėšuras* 'свекор'. 3 а. п. по данным Kam., LKRŽ, DLKŽ. Литовская акцентуация не согласуется с баритонезой др.-инд. (RV) *śwásuras* 'свекор', germ. **swēhuras* (др.-в.-нем. *swēhar*, др.-англ. *swēor*). Аналогичное отклонение в греч. *ἰσὺρ* 'свекор' обычно объясняют влиянием *ἰσὺρά* 'свекровь', ср. Wheeler 59.

§ 12. Поздние процессы выравнивания акцентуационных парадигм в литовском. Первоначальное распределение -о-основ мужского рода по двум акцентуационным парадигмам отражало соответствующее индоевропейское распределение и было идентично распределению -а-основ. Поздние процессы выравнивания двух акцентуационных парадигм были в рассматриваемой категории весьма сильными и привели к более широкому распространению вариантов с подвижной а. п., чем это имело место у -а-основ. Мы отмечали выше, что в ряде случаев исконная баритонированная а. п. сохранена только акцентуированными памятниками; в подавляющем большинстве случаев такая акцентуация утрачена многими говорами и литературным языком.

Интенсивность процессов выравнивания двух парадигм именно у -о-основ становится понятной, если учесть, что в ед. числе -о-основ с краткостным корнем произошло (если оставить в стороне отсутствующие во многих говорах формы вторичных падежей) полное акцентуационное совпадение баритонированной и подвижной а. п. Первоначально в ед. числе различие по месту ударения между двумя парадигмами существовало в Instr. Sing. и Nom. Sing.: в подвижной а. п. эти формы были окситонированными. Окситонеза Instr. Sing. -о-основ в подвижной а. п. сохранена у имен с акцентуированным корнем в ряде говоров (*darbė*, 3 а. п., но *kāulė*, 1 а. п.)²⁰. После переноса ударения по закону Фортунатова — де Соссюра это противопоставление было нейтрализовано у имен с краткостным корнем (*zambė*, как *aulė*). Первоначальные отношения в Nom. Sing. сохраняют основы на -*i/o*- (например, *gaidys*, 3 а. п. < **gaidijās*, но *kartīs*, 2 а. п.

²⁰ В другой части говоров и литературном языке в Instr. Sing. подвижной а. п. была введена баритонеза (*dárbe*): совпадение в ед. ч. 2 и 4 а. п. обусловило здесь аналогичное совпадение 1 и 3 а. п.

< **kaŕtiŕas*) и членные прилагательные мужского рода (*piktāsīs* < **piktās̃jis*). В обоих случаях процессы стяжения прошли до того, как ударение с -а- в конечном слоге было перенесено на предшествующий слог (**diēvās* > *diēvas*, **piktās* > *piktas*). Этот процесс оттягивания ударения, установленный Э. Ниеминеном (Nieminen Ausgang 155), следует, вероятно, рассматривать как процесс фонетический. Он прошел достаточно рано — до сокращения конечных акутированных гласных (*ziemā* < **ziemā* сохраняет окситонезу, но **diēvās* > *diēvas*) и до удлинения *e*, *a* под ударением (**dagās* > *dāgas* > *dāgas* с удлинением). Можно предполагать, что именно этот процесс, устранивший акцентуационное противопоставление двух парадигм в важной падежной форме (Nom. Sing.) и приведший к почти полному совпадению этих парадигм в сд. ч., сыграл важную роль в ускорении процессов акцентуационного выравнивания, характерных для первоначальных -о-основ мужского рода в литовском.

3. Основы на -о- и -оэ/еэ- среднего рода

§ 13. Судьба -о-основ и -оэ/еэ-основ среднего рода в балтийском. Первоначальные образования среднего рода с основой на -о- в балтийском можно выделить, опираясь на данные древнепрussкого и прибалтийскофинских языков. В Эальбингском словаре древнепрussкие *neutra* засвидетельствованы с окончанием Nom.-Acc. Sing. -*an* (< **-om*), в то время как *masculina* имеют окончание Nom. Sing. -(i)*s* (< **-os*). При заимствовании в прибалтийскофинский восточнобалтийские -о-основы *neutra* давали имена с конечным -а, в отличие от -о-основ мужского рода, отраженных как имена с конечным -*as* (см. § 8), ср. финск. *lunka* 'отставание коры от дерева' — лит. *lūnkaš* 'лыко' (др.-пр. *Lunkan* Voc. 644), финск. *kela* 'катушка, мотоцикл' — др.-пр. *Kelan* Voc. 295 'колесо', финск. *heinä* 'сено' — лит. *šiėnas* (слав. **sěno*), финск. *vaŕa* 'воск' — лит. *vāškaš* (герм. **wahsa*, ср. р.), финск. *kaula* 'шея' — лит. *kāklas* (др.-инд. *sakrām* 'колесо'), финск. *silta* 'мост' — лит. *tiltas* (др.-инд. *tir-thām* 'брод')³¹.

Данные прибалтийскофинских языков позволяют предположить, что в восточнобалтийском окончании Nom.-Acc. Sing. -о-основ ср. рода было (в отличие от древнепрussкого) -а (конечное -*an* сохранилось бы в финском, ср. финск. *raimel* 'па-

³¹ Предположение о том, что финские имена на -а могут восходить к балтийским образованиям среднего рода было выдвинуто еще В. Томсеном (Thomsen 112); он допускала, однако, что такие имена отражают также образования мужского рода, восходя к форме Acc. Sing. на -*an* (так же Kalima 1В 77—78). Средний род восстанавливал, исходя из финских данных, и К. Бура (ср. К. Бурга, *Šis-tas ir Neturŕiq ir indoeuropŕiebiš senovės*, — Т2, кн. II, 1924, стр. 104).

стух' < вост.-балт. **raimēn-* при лит. *pietaib, piemetės*). Окончание -а сохранено в современном литовском у прилагательных ср. рода, ср. лит. *gėra* (ср. р.) при др.-пр. *labban* (ср. *sta ast labban* в Дихиридиуме). Непосредственное отражение конечного -а у существительных можно видеть в формах типа *lizdā*, жен. р. 'гнездо' (< **lizda*, ср. р. < **nizdom*; в литовском обычно *lizdas*, муж. р.), сохраняющихся в окраинном говоре рыбаков Прусской Литвы (*Gerullis—Stang* 28). По-видимому, следует принять гипотезу Э. Ниеминена, объясняющего -а из местоменинного окончания -od, рано заменившего первоначальное -om (*Nieminen Ausgang* 2—3; ср. также R. Garbe. *Szyrwid's Punkty Kazań (Punkty Sakimu) vom Jahre 1629. Göttingen, 1885, стр. XLI*). Эта гипотеза позволила Ниеминену выдвинуть удовлетворительное объяснение процесса замены имен среднего рода (-о-основ) именами мужского рода в восточнобалтийском. Как только осуществлялось сокращение конечных акутированных гласных, формы Nom.-Acc. ед. и Nom.-Acc. мн. ч. среднего рода совпали фонетически (Nom.-Acc. Sing. **lizda* и Nom.-Acc. Pl. **lizda* < **lizda*). Старые формы Nom.-Acc. Sing. были поэтому заменены соответствующими формами мужского рода, что привело к устранению категории среднего рода сперва у существительных с основой на -о-, а затем и в других типах основ³².

На достаточно раннем этапе развития в класс -о-основ среднего рода вошла часть имен полностью утраченного всеми балтийскими языками класса -os/es-основ среднего рода. Другая часть этого именного класса, как известно, была преобразована в -i-основы (и, далее, в -jo-основы), ср. лит. *debesis* 'небо', *puvėsis* 'гнилое дерево', *grūvėsiat* 'развалины' и т. п. Можно предполагать, что перевод в -i-основы был связан с обобщением суффикса косвенных падежей -es-, в то время как включение в -о-основы опиралось на форму Nom.-Acc. Sing. с суффиксом -os (балт. -as). Во всяком случае, некоторые -os/es-основы среднего рода первоначально были включены в восточнобалтийском в класс -о-основ среднего рода и уже вместе с осталь-

³² Построение Ниеминена выгодно отличается от других попыток объяснить процесс устранения образований среднего рода. Е. Курилович, восстанавливающий окончания Nom.-Acc. среднего рода существительных с основой на -о- как -ap, допускает аналогичное объяснение только для -о-основ прилагательных; средний род у существительных был устранен, по его мнению, позднее в результате отсутствия этой категории у определяемых (*Kurylowicz Accentuation* 217). Если ли такая гипотеза согласуется с фактом полного отсутствия релятивов среднего рода именно у существительных и существовании таких релятивов в системе прилагательных. Принципиально недоказуемо предположение Я. Эндзеллини о возможности замены окончаний среднего рода окончаниями мужского рода первоначально в уменьшительных образованиях среднего рода от имен мужского рода (*J. Endzelin. Przyuczynki do historii języków bałtyckich. I. O zaniku rodzaju nijakiego. — Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski, vol. 2, Cracoviae 1928, так же Endzelinus LVG 395*).

ными именами этого класса были позднее переведены в категорию *-o*-основ мужского рода, ср. лит. *pašias*, муж. р. 'поросенок' < вост.-балт. **parša* (такую форму предполагает южн.-вост. *parh* < **parha*) < **pārkaš*, ср. р. (герм. **fārhaš*, ср. р.). Таким образом, эта именная категория должна рассматриваться вместе с *-o*-основами среднего рода.

Относительно недавний перевод *-o*-основ *neutra* в мужской род подтверждается различным отражением первоначальных основ среднего и мужского рода на *-ijo-*. Здесь старые имена мужского рода представляют стяжение в Nom. Sing. на *-ijas* и Acc. Sing. на *-ijan* (**gaidijas* > *gaidis*, **gaidijan* > *gaidin*, ср. лит. *gaidys*, *gaidi*). В Nom.-Acc. Sing. среднего рода на *-ija* такого стяжения не произошло (**medija* > *medja*), так что при более позднем переводе слов среднего рода в мужской они стали отягчаться от исконных слов мужского рода фонетически (*mēdžias*, *mēdžių*, но *gaidys*, *gaidi*)²².

§ 14. Принцип акцентуационного распределения. Противопоставление двух индоевропейских акцентуационных парадигм у *-o*-основ среднего рода сохранено лучше, чем у *-o*-основ *masculina*. Здесь баритонированную а. п. представляет большинство литовских диалектов; процесс смещения двух парадигм в этой категории проявляется весьма слабо. Неудивительно поэтому, что *-o*-основы *neutra* оказались единственным классом имен, на материале которого была предпринята успешная попытка установления связи между литовским и индоевропейским распределением имен по акцентуационным парадигмам.

Опираясь на выводы Э. Ниеминена, установившего, что значительное количество литовских *-o*-основ с баритонированной а. п. восходит к старым *neutra* (Nieminen Ausgang 140—142, 167—170), Дж. Бонфанте сформулировал в 1931 г. такую закономерность: "...индоевропейские баритонированные имена ср. рода сохраняют баритонезу в литовском; ...индоевропейские окситонированные имена ср. рода остаются окситонированными в литовском" (G. Bonfante. Una nuova formulazione della legge di F. de Saussure. — StB, vol. I, 1931, стр. 88). Неточность формулировки (следует говорить о литовской подвижной, а не окситонированной а. п.) и недоказательный характер ряда сопоставлений Бонфанте, по-видимому, помешали многим исследо-

²² Эта особенность рефлексии старых *neutra* была обнаружена Ф. Зоммером (F. Sommer, Die indogermanischen *id-* und *io-*Stämme im Baltischen. Leipzig, 1914, стр. 243—244); в своих объяснениях Зоммер исходит из окончания Nom.-Acc. Sing. ср. р. *-ai*, что требует объяснения аналогией форм типа Acc. Sing. *gaidi* (при *mēdži*). В рецензии на книгу Зоммера Н. Эндзелюс показывал, что *-ijo*-основы *neutra* могут быть включены и в тип на *-u-* в Nom. Sing., если достаточно влиятельны формы мн. ч. (Н. Эндзелюс. Заметки о балтийских именных основах на *-ija* и *-jo*. — РФВ, т. 76, стр. 309).

вателям принять это правило. В 1934 г. Е. Курилович, вероятно, не знаяший тогда работы Бонфанте³⁴, приходит к выводу, почти тождественному выводу итальянского ученого: „Итак, *о-основы* ср. рода сохраняли свою прежнюю акцентуацию. Старые баритонированные двусложные образования, как правило, включаются во 2 а. п., окситонированные двусложные образования — в 4 а. п.“ (J. Kuryłowicz. *Ślady rzeczowników nijakich w języku litewskim*. — *Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego*, 4, Kraków, 1934, стр. 21). В книге „*L'accentuation des langues indo-européennes*“ (стр. 195—196) Курилович отказался от такого вывода, что было вызвано не обнаружением каких-либо новых данных, а общей концепцией этого труда. Предполагая совпадение индоевропейских баритонированных и окситонированных образований (немотивированных в балтийском) в одном (подвижном) акцентуационном классе, Курилович вынужден принимать аналогичное совпадение для имен среднего рода. *Neutra* имели, по его мнению, особого рода подвижную парадигму с баритонезой в Nom.-Acc. Sing.; после утраты среднего рода баритонеза Nom. Sing. обусловила преобразование этой парадигмы в баритонированную (таким образом, сохраняется идея Ниемирена о баритонированности большинства старых *neutra*). Наличие первоначальных имен среднего рода и среди образований с подвижной а. п. теперь Курилович оставляет без объяснения: „... как ни объясняй различие между (старыми) именами ср. р., представляющими 2 и 4 а. п., например, различной хронологией перехода *neutra* > *masculina*, ясно, что не удастся дать объяснение каждому отдельному случаю“ (Kuryłowicz *Accentuation* 196).

Приводимые ниже данные демонстрируют необоснованность отказа от „правила Бонфанте—Куриловича“. Основы среднего рода на *-o-* (в том числе перешедшие в этот класс *-o-* *ez*-основы) хорошо отражают индоевропейское противопоставление двух акцентуационных парадигм.

§ 15. Литовские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования.

Лит. *saĩtas* 'привязь; веревочная ручка ведра', ст.-лит. *saĩtai*, мн. ч. 'тюрьма'³⁵. 2 а. п. представлена у Даукши (3х, см. Skardzius DA 32), широко известна по диалектам (жемайтские, западноаукштайтские и восточноаукштайтские говоры, см. Skard,

³⁴ Впрочем ссылая на эту работу при рассмотрении акцентуации старых *neutra* отсутствует и во втором издании книги Куриловича „*L'accentuation des langues indo-européennes*“, несмотря на то, что в 1958 г. статья Бонфанте была известна Куриловичу (он критикует ее в другой связи на стр. 197).

³⁵ Вероятно, калька польск. *więzła* 'оковы', *więzienie* 'тюрьма'.

zius DA 38, карт. LKŽ); вариант с 4 а. п. отмечен на крайнем юге западноаукштайтского района и является нормой литературного языка (Šlap. LL, Skardžius ŽD 321, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< *sōitom 'привязь'; ср. germ. *sdiþa (др.-н.-нем. *zeid* 'шнур', ср. р.). Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Largasaytan* Voc. 446.

Лит. *mēdžias* 'лес', в двухских диалектах 'дерево', *mēdis* 'дерево', по диалектам — 'лес'. Слово *mēdis* представляет 2 а. п. у Дзукши (2х, ср. еще 3х производное **mēdelis*, см. Skardžius DA 76, 82), в Катежинисе 1605 г. (Ad. Sing. *mēdziop* 26, см. Bystroń 43), Universitas 1737 г. (см. Universitas 7) и в изданиях Прусской Литвы (Klein Gr. 13, 64, 154; Klein Comp. 13, 107; Gesangbuch 1685 г.: Nom. Pl. *mēdžei* 108₁₂, так же в издании 1705 г.; NT 1701 г.: *mēdis* 4a₂₀, 11b, и т. п.; Gen. Pl. *mēdziū* 145a₁₂; Biblia 1735 г.: *mēdis*, *mēdžei*, *mēdziū* 3a, 3b и т. п.; Haeck: *mēdis* 60a; Donelaitis 5x, см. Buch AD 30). Такая акцентуация известна почти повсеместно по диалектам (в том числе в южнолитовских двухских — Marcinkonys, см. Doritsch CCXXIV) и в литературном языке (Kur. Gr. 163, Ян. Gr. 97, Šlap. LL, Jabl. I 74, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). По правдоподобному предположению Э. Френкеля, в литовском контаминировали первоначальное образование среднего рода с собирательным значением **medhiom* 'лес' и образование мужского рода **medhios* 'дерево' (E. Fraenkel, Morphologisches und Etymologisches. — LP, t. 4, 1953, стр. 90, так же Fraenkel LEW 425)*. Вероятно, эти два образования первоначально различались и акцентуационно: барионированному **mēdiþa*, ср. р., противостояло **medžiās*, муж. р., с подвижной а. п. Последняя форма объясняет окситонезу Loc. Sing. и III. Sing. в ряде центрально-аукштайтских, восточноаукштайтских и двухских говоров, ср. Loc. Sing. *medj*, *mēdy* < **medj* в районах Linkuva, Joniškis (LM 147, 184) и Ramaškonys (LKK III 186), III. Sing. *medžiaĩ* в районах Anykščiai (LM 459, ср. так же Baranowski OT 6), Debeikiai (MADA I (4), 1958, 200) и Kargaudai (карт. LKDA) (Подвижную а. п. исходного слова предполагает также производное *mēdinis* 'деревянный' в говорах, различающих два акцентуационных типа производных на -*inis* (см. Otrębski WNT I 175; так же в восточноаукштайтском районе Gelvonai, см. LKK III 37).

< **medhiom* 'середина; нечто, находящееся посередине'; ср. др.-инд. (RV) *mādhyam* 'середина', греч. μέσος, (впич.) μέσος 'середина'. Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Median* Voc. 586 'лес' и отсутствие стяжения

* Впрочем, семантика первоначальных образований среднего и мужского рода могла быть иной. Так, в говоре двухского района Linkmenys *mēdis* — 'растущее дерево', в то время, как *mēdžias* (*mēdžios*) — 'срубленное дерево; лесоматериал' (LKK II 167).

в лит. *mėdžias*, латыш. *meis* 'лес' < *medžas*. Кажущийся необычным семантический переход 'середина' > 'лес, дерево' подтверждается отмеченной К. Бугой параллелью: терм. **widuz* 'лес, дерево' (др.-сканд. *vidr*, др.-англ. *widu*) — лит. *vidūs* 'внутренняя часть' (Буга II 252). Возможно, этот переход основывается на том, что леса издавна являлись естественной границей, некоей (ср. WP I, 314)³⁷.

Лит. *sapnis*, *sapnys* 'сон, сновидение'. Вариант со 2 а. п. (*sāpnis*) отмечен по данным карт. LKŽ в юго-восточных жемайтских (Kvėdarna, так же Янн. Гр. 82) и центральноаукштайтских (*Sėduva*, *Ročionėliai*) говорах. Такая акцентуация была известна и западноаукштайтским говорам Прусской Литвы (Kur. DL II 156a: Loc. Sing. *sāpnij*). Вариант с 4 а. п. (*sapnys*) шире распространен по диалектам (в том числе, в жемайтских — *Gargždai*, *Kuliai* — и восточноаукштайтских — *Dusetos* — говорах, см. LM 367, 376, карт. LKŽ) и известен наряду с вариантом со 2 а. п. в литературном языке (NS: 2 или 4 а. п.; LKRŽ — 4 а. п.).

< **sprpn̥lom* 'сновидение'; ср. др.-инд. (AV) *spṛaṇyat* 'греза'. Первоначальность среднего рода подтверждает греч. *ἐνὸπιον* 'сновидение', лат. *somnium* 'сон'. В литовском в образовании ср. р. ожидали бы **sapnias*. Форму на -*is*, следуя за Эндасанном, можно объяснить влиятельностью форм мн. ч. в парадигме (ср. примеч.³⁸).

Лит. *tinklas* 'сеть, невод'. 2 а. п. представлена у Даукши (1x Instr. Pl. *tinklais* наряду с *tinklāis* 1x, см. Skardžius DA 32), по диалектам и в литературном языке (Kur. DL I 440, Šlap. LL, Kam., DLKŽ). Вариант с 4 а. п. широко распространен в западноаукштайтских и восточноаукштайтских говорах (см. Skardžius DA 38) и засвидетельствован уже у Донслайтиса (1x, см. Buch AD 18).

< **tāp̥lom* 'нечто растянутое, натянутое'; ср. др.-инд. (RV) *tāntram* 'ткацкая основа' < **tēn̥lom*. Первоначальность среднего рода в блатийском подтверждает др.-пр. *Sasitinklo Voc. 697* 'снаки на зайца', представляющее, вероятно, Nom.-Acc. Pl. имени среднего рода.

Лит. *pādas* 'подошва, подметка; галильный пол, под печи'. 2 а. п. представлена в памятниках Прусской Литвы (Biblia

³⁷ С вост.-балт. **medija* 'лес', несомненно, связано финно-угорское название леса (финск. *metä*, вст. *metä*, эстонск. *metä*), которое В. Томсен считал заимствованием из блатийского (Thomsen 112; ср. познания Я. Каллима, *Kallima* IB II). Было бы однако преждевременным высказывать предположения о характере этой связи. Заметим только, что данный случай не единичен, но стоит в ряду других примеров (ср., например, мансийск. *rut* 'котел' — лит. *ruošas* 'горшок'), собранных недавно Б. А. Серебрянниковым (Б. А. Серебрянников. О некоторых словах исчезающего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к блатийским языкам. — MADA 1, 1957, стр. 69—72).

1735 г.: Nom. Pl. *pádai* 'ступни' 305a, Instr. Pl. *pádais* 309b; Biblia 1755 г.: Nom. Pl. *pádai* 294a, Gen. Pl. *pádū* 292b, Instr. Pl. *pádais* 268b; Nesselmann: Gen. Pl. *pádū* 275), по диалектам и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Явн. Gr. 86, Šlap. LL, Jabl. I 73, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **pódom* 'часть ноги, расположенная на земле; земля под ногой'; ср. греч. *παῖς* 'почва, земля' < **pédom* (но др.-инд. [RV] *padám* 'шаг; след; место' восходит к окситонированному варианту **pedóm*). Первоначальность среднего рода подтверждают авест. *paša-*, ср. р. 'шаг; место' (< **podom*), авест. *paša-*, ср. р. 'след ноги' (< **pedom*), лат. *oppidum* 'местность'.

Лит. *pašas* 'поросенок', диал. 'боров'. 2 а. п. представлена у Довелайтиса (3х, см. Buch AD 15), по диалектам (см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Явн. Gr. 87, Šlap. LL, Jabl. I 73, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Только в южном дяукском говоре района Zietela отмечены колебания между 2 и 4 а. п. (LKK III 198).

< **pórkas*, ср. р. 'поросенок; боров'; ср. germ. **fārhas*, ср. р. 'свинья' (др.-в.-нем. *farah, farh*, ср. р., Pl. *farhir*; перевод в муж. р. в др.-англ. *fearh*; см. Barber 11, Kluge St. 42). Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает юж.-вст. *paħr* 'боров' < **parha* с конечным -а (Kalima IB 145)²⁶.

Лит. *jaiķas* 'приманка'. 2 а. п. представлена в юго-восточном жемайтском говоре района Gardamas (карт. LKŽ). Вариант с 4 а. п. господствует в большинстве говоров (в том числе в жемайтских говорах — Kvedarna, Švėkšna, Žygaičiai, Kruopiai, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LR, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **éukos*, ср. р. 'нечто приятное; нечто приличное'; ср. др.-инд. [RV] *ákas*, ср. р. 'удовольствие; место, приятное для жилья, жилье'.

Лит. диал. *kátas* 'край одежды', чаще мн. ч. *kutai* 'сшивающиеся края одежды'. По диалектам представлены, по данным карт. LKŽ, 2 а. п. (в северо-западных жемайтских — Kėtinga, восточноаукштайтских и восточнолитовских дяукских говорах — Kupiškis, Tverėčius) и 4 а. п. (юговосточные жемайтские — Raseiniai, западноаукштайтские — Seinai, Vilkauskis — и восточные дяукские говоры — Švenčionėliai). 4 а. п. указывают также NS, DLKŽ.

< **kátos*, ср. р. 'оболочка'; ср. греч. *κότξ*, ср. р. 'вместилище, оболочка; полость; выпуклость'.

Лит. *lāpas* 'лист'. 2 а. п. представлена в кенигсбергских изданиях (Ruhig LD: Gen. Pl. *Lāpū* 74b; Ruhig DL: Nom. Pl.

²⁶ В лат. *rošņs* 'свинья' представлен перевод слова в -о-основы муж. р.

lápai 42a; Donelaitis 1x, см. Buch AD 15; Nesselmann: Nom. Pl. *Lápai* 549)³⁹, повсеместно по диалектам (карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Янн. Gr. 86, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **lāpos*, ср. р. 'анст, лепесток, растительная ткань'; ср. греч. *λάπος*, ср. р. 'оболочка, стручок' < **lēpos*. На существование аналогичной -os/es-основы в славянском указывает производное **lepestь* 'лепесток'. В балтийском вокализме корня изменен, вероятно, под влиянием соответствующей -o-основы муж. р. (ср. греч. *λόπος*; 'кожища, шелуха').

§ 16. Литовские имена с подвижной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п.

Лит. *kraujas* 'кровь'. 4 а. п. представлена у Даукиши (1x, см. Skardžius 76), Донелайтиса (1x, см. Buch AD 33), в Прусской грамоте 1769 г. (Instr. Pl. *Kraujėis*, см. PVG 283), повсеместно по диалектам (карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Янн. Gr. 87, Юшк. AP, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **kroujōm* 'кровь, нечто кровавое; сырое мясо'; ср. др.-инд. *kraugām* 'труп, сырое мясо' (Böhtlingk II 114); на окситонезу указывает также безударность первого члена словосложения *krauga-vāhanas* 'развозящий трупы' (RV). Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает форма Nom. Sing. на -ias и др.-пр. *Craugo* Voc. 160 'кровь' (вероятно, форма мн. ч. ср. р., идентичная лит. *kraujai*, мн. ч. 'кровь', ср. Nieminen Ausgang 174).

Лит. *laikas* 'время, срок'; 'конец, смерть' (в оборотах типа *laiką rado* 'скончался'). 4 а. п. по диалектам (в том числе в юго-восточных жемайтских — Raseiniai — и восточноукштайтских — Dusetos, Utena — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **laik^oom* 'нечто оставшееся'; ср. греч. *λοιπόν* 'оставшаяся или остающаяся часть (например, оставшийся срок), остальное, остаток'⁴⁰.

Лит. *slākas* 'капая; пятно'. 4 а. п. представлена у Даукиши (2x, см. Skardžius DA 35), по диалектам (в том числе в жемайтских говорах — Kėdarna, см. карт. LKŽ) и в литературном

³⁹ Ошибочным, вероятно, является написание *lappė* (Gen. Pl.) в Библии 1755 (1774₂₂₂, 177b — 2x); в издании 1735 г. слова в тексте нет.

⁴⁰ Слово отражает индоевропейскую субстантивацию прилагательного **laik^odi* 'оставшийся' (греч. *λοιπός* 'оставшийся; предстоящий', лит. *likėsi*, латыш. *likē* 'названный'). Более позднюю субстантивацию представляют греческие образования муж. р. *λοιπός* 'будущее', *λοιπός* 'потомки, потомство'.

языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

<*sklokóm или *klókóm (вариант без „s подвижного“) ‘скопление жидкости’: ср. герм. *slagā (др.-сканд. slag, ср. р. ‘дождевая вода’) <*sklokóm (ср. WP II 602).

Лит. *sraipnas* ‘крыло’. 4 а. п. представлена у Даукши (3х, см. Skardžius DA 34), Донслайтиса (4х, см. Buch AD 17), по диалектам (в том числе в жемайтских — Kurišėnai, Veiviržėnai — и восточноаукштайтских — Skapiškis, Vabalninkas — говорах, см. LKK III 63, LM 339, 51, 81) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 84, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

<*spornóm ‘крыло; перо’: ср. др.-инд. (RV) *parṇám* ‘крыло’ <*pornóm (форма без „s подвижного“). Первоначальность среднего рода подтверждает авест. *par³na-*, ср. р. ‘перо; крыло’.

Лит. *lįzdas* ‘гнездо’. 4 а. п. представлена по диалектам (в том числе в восточноаукштайтских говорах — Kuriškis, см. LM 411) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ)⁴¹.

<*nįzdám <*aisdóm ‘гнездо’ с заменой начального *n-* на *l-*; ср. др.-инд. *nīdām* (также *nīdās*, муж. р.; род слова в RV определить нельзя, ср. Grassman 741) ‘место отдыха скота; гнездо’. Первоначальность среднего рода подтверждают герм. **nesta* ‘гнездо’ (др.-в.-нем. *nest*, ср. р., др.-англ. *nest*, ср. р.) и слав. **gnězdo* (по лат. *nidus*, муж. р. ‘гнездо’).

Лит. *kąklas* ‘шея’. 4 а. п. представлена у Даукши (1х, см. Skardžius DA 34)⁴², по диалектам (в том числе в восточно-литовских даукских говорах, см. Otrębski WNT I 176) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 86, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

<*k³ok³lóm ‘что-то вращающееся; колесо’⁴³, ср. др.-инд. (RV) *śakrām* ‘колесо’. Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает финск. *kaula*, (диал.) *kakla* ‘шея’ с конечным *-a*⁴⁴.

⁴¹ Акцентуация Nom. Pl. **lįzdai* (1х), которую следует предполагать, исходя из метрики, у Донслайтиса (см. Buch AD 15), вероятно, является своего рода поэтической вольностью.

⁴² Опечаткой следует, по-видимому, считать форму Gen. Pl. *kąklū* в Биб-лии 1755 г. (319^а₂₂₉, 319^а₂₃₁); в соответствующем месте издания 1755 г. нахо-дим *kąklū* без звиня.

⁴³ Ср. слав. **vorŭ* ‘шея, ворот’ при **vorŭrŭ* ‘вертеть’.

⁴⁴ Если ли прав А. Мейе, считавший форму среднего рода поздним извлечением из собирательного образования **k³ok³lā* (ср. Balasq 531). Основанием для этого предположения были греческие отношения Sing. *κάλος* → Pl. (гомер.) *κάλαι* и др.-инд. *śakrāḥ*, муж. р., отмеченное наряду с *śakrām* (Pl. только *śakrāḥ*). Однако баритонеза *κάλος* явно указывает на позднее формирование этого образования: отсутствует ожидаемое противопоставление по месту ударения с формой *κάλαι*. С другой стороны, в RV представлены только две формы, указывающие на *śakrāḥ*, наряду с многократными Nom. Sing. *śakrām* (см. Grassman 429). Род авест. *śakra-* опреде-

Лит. *lāgas* 'ноготь'. 4 а. п. представлена в изданиях Прусской Литвы (Biblia 1735 г.: Gen. Pl. *naggū* 155b, 808a; Ruhig DL; Nom. Pl. *Nagai* 98a; Donelaitis 4x, см. Buch AD 17), по диалектам (в том числе в северо-западных жемайтских — Plunge — и восточноаукштайтских — Kupiškis, Vabalninkas — в говорах, см. LM 372, 421, 82) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 86, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **noghóm* 'ноготь': ср. др.-инд. *nakhām* (также *nakhās*, муж. р.; род слова в RV определить нельзя) 'ноготь' с неясным гаухим придыхательным (ср. др.-инд. [RV] *naghamārās* 'уничтоженный чесоткой' с закономерным *-gh-*) < **neghóm* или **noghHom*.

Лит. *šimtas* 'сто, сотня'. Колебания между 4 и 2 а. п. отмечаются в акцентуированных памятниках (у Даукши 6x формы с 4 а. п., 2x — форма со 2 а. п., см. Skardžius AD 35, 41; Ruhig DL 104a — 4 а. п.) и в литературном языке (4 а. п. — Kur. Gr. 263, Явн. Гр. 156, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ; 4 или 2 а. п. — Jabl. I 88; 2 а. п. — Bat.). Аналогичные колебания представлены в диалектах. Материалы карт. LKDA (акцентуации слова *šimtas* посвящен вопрос программы атласа 281b) позволяют не только установить географическое распространение обоих вариантов⁴⁵, но и дают определенные указания на первоначальное значение акцентуационного различия. В ряде пунктов на границе зон со 2 а. п. (Pl. *šimtai*) и 4 а. п. (Pl. *šimtai*) слово *šimtas* представляет 2 а. п. в составе названий сотен, но имеет 4 а. п., употребляясь как существительное ('сотня'), ср. Sudargas (п. 490): *devyni šimtai*, но *jų tef(n) šimtai* 'их там сотни'; Slavikai (п. 510): *da, trys šimtai*, но *jų tef(n) šimtai*; Panošiškes (п. 614): *šimtai*, Gen. Pl. *šimtų*, но при счете *šimty*; Žverynas (п. 633): *šimtai*, встречается и *šimtai*, но только при быстром счете; аналогичное распределение было отмечено нами у уроженцев центральноаукштайтского района Kaišiadorys и восточноаукштайтского района Dusetos. Перечисленные говоры, по всей вероятности, сохраняют первоначальное акцентуационное распределение: обобщение 4 или 2 а. п. в обоих положениях вторично. Таким образом, можно утверждать, что древняя акцентуация существительного *šimtas* — 4 а. п.,

лечь на текста нельзя; X. Бартоломе (Bartholomae 576) указывает мужской род, вероятно, следуя за традиционным толкованием; он поступал так даже в тех случаях, когда оно было явно ошибочным, ср. Bartholomae Vorwort XXII. Иллиропейскую древность среднего рода подтверждают германские образования **h²eg²u²la* (др.-англ. *hweogol*, *hwogol*, ср. р.) и **h²eh²u²la* (др.-сканд. *hjöf*, ср. р., др.-англ. *hwof*, ср. р.), где колебания ударения объясняются иллиропейским акцентуационным противопоставлением единственного и множественного числа имен среднего рода (см. Hirt Akzent 243).

⁴⁵ Зона со 2 а. п. охватывает южные западноаукштайтские и южнолитовские даукские говоры.

в 2 а. п., характерная для сочетаний *du* (*trys, keturi* и т. п.) *šimtai*, отражает, вероятно, акцентуацию мн. числа ср. р., противостоявшего ед. числу по месту ударения (ср. § 18).

< **kṛtām* 'сто'; ср. др.-инд. (RV) *śatām* 'сто', герм. **hunda* 'сто' (гот. *hunda*, мн. ч. ср. р., др.-в.-нем. *hundert*, ср. р., др.-сакс. *hundert*, ср. р.). Первоначальность среднего рода подтверждают слав. **sto*, лат. *centum*, греч. *ἑκατόν*, авест. *sata-*, ср. р.

§ 17. Отклонения от описанного распределения. В ряде случаев отклонения мнимые. Так, лит. *būtas* 'сени, делящая кухня; жилье' (2 а. п. по диалектам и в литературном языке), отражающее старое neutrum (ср. др.-пр. *Buttan* Voc. 193 'дом'), нельзя сопоставлять непосредственно с греч. *φύτον* 'растение, побег; создание, тварь', так как в первом случае представлен помет actionis ('существование' > 'жилье'), а во втором — помет agentis ('нечто существующее, растущее'). Лит. *vazis, važys* 'саночки с сиденьем' (по диалектам 2 и 4 а. п.) несопоставимо с др.-инд. *vahyāt* 'вьючное седло', поскольку в балтийском отражено старое образование мужского рода (ср. др.-пр. *Wessis* Voc. 308 'саночки'). Наконец, лит. *plākas* 'охалпка сена, захваченная граблями' (2 и 4 а. п. по диалектам) не связано с герм. **flaga* (норв. диал. *flag*, ср. р. 'открытое море'), а является производным от лит. *plākti* 'бить, трепать' (норвежское слово связано с норв. *flaa* 'открытый', ср. Falk-Torp I 231).

Число действительных отклонений невелико.

Лит. *pīštas* 'палец; палец ухвата'. 2 а. п. представлена повсеместно по диалектам (в том числе в южноантовском диалекте района Marcinkonys, см. Doritsch CCXXVI) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Явн. Gr. 86, Šlap. LL, Кат., NS, LKRŽ, DLKŽ). На первоначальный средний род слова в балтийском указывает др.-пр. *Pirsten* Voc. 115 'палец'. Литовская акцентуация не согласуется с окситонированным др.-инд. (RV) *prsthām* 'хребет'.

Лит. *skietas* 'бердо'. 2 а. п. представлена по диалектам (наряду с 4 а. п.) и в литературном языке (Явн. Gr. 86, Кат., LKRŽ, DLKŽ; Šlap. LL указывает *skietas*, 1 а. п., с вторичной метатонией, отраженной также в латыш. *šķiēts* 'бердо'). На первоначальный средний род в балтийском указывает др.-пр. *Stagtan* Voc. 423 (вместо *Seagtan*). Литовская акцентуация не согласуется с окситонированным герм. **skidā*, ср. р. 'полено' (др.-в.-нем. *scit*, др.-фриз. *skid*, др.-англ. *scitd*) < **skeitām*.

Лит. *giūnau* 'щиколотка'. 4 а. п. представлена по диалектам (в том числе в восточноукштайтских говорах — Dusetos, Pandėlys, Svedasai, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (NS, LKRŽ, DLKŽ). Такая акцентуация не согласуется с баритоновой в гласе Гесхия $\gamma\acute{\alpha}\rho\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\ \acute{\iota}\alpha\omicron\ \tau\acute{\eta}\varsigma\ \kappa\acute{\alpha}\tau\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \sigma\iota\delta\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma,\ \delta\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$

трифки (кусок железа внутри ступиды, трущийся об ось), см. HAL I 416.

§ 18. Акцентуация множественного числа образованных среднего рода. Данные греческого, древнеиндийского и, частично, германских языков позволяют предположить, что собирательные формы на -ō, употреблявшиеся в индоевропейском как формы множественного числа -o-основ среднего рода, были противопоставлены по месту ударения формам единственного числа (ср. др.-инд. *sakránt*: греч. *xálā*, греч. *χάρον* 'сухожилие': *mirá* 'тетива', см. подробнее Hirt Akzent 243—246). Выше мы отмечали, что следы такого противопоставления сохранились в литовском в слове *simfas*: первоначальная баритонеза множественного числа, противостоящая окситонезе единственного, удержалась в названиях сотен (*trys simtai* и т. п.). Аналогичным реликтом является, вероятно, парадигма Sing. *mėdis* (2 а. п.) — Pl. *mėžė* < **medžiai* (4 а. п.) в некоторых жемайтских говорах (Gargždai, Endriejavas, Veiviržėnai, см. TŽ IV 105). В западно-аукштайтских говорах бывшей Прусской Литвы и соседних районов (Marijampolė) представлена парадигма Sing. *spalīs* 'волосок оческов' (4 а. п.) — Pl. *spāliai* 'очески, кострика' (2 а. п.), см. Kur. DL I 441a, Kur. LD, карт. LKŽ, так же у Кам.⁴² И в этом случае в литовском отражено индоевропейское противопоставление Sing. **spoliām* (ср. лат. *spolium* 'ободранная шкура') — Pl. **spolia*, ср. глоссы Гесихия *σπίλια* *παράπλομα ἐρίδα ἀπὸ τῶν σκελετῶν πρῶτον* ('шерсть, выщипываемая с ног овец'), см. HAL IV 67.

Реликтовый характер такого рода примеров понятен. Замена среднего рода мужским неминуемо привела к устранению акцентуационного противопоставления единственного и множественного числа. Как мы видели выше, акцентуация единственного числа, как правило, была распространена на всю парадигму. Однако в тех случаях, когда единственное число было утрачено в восточнобалтийском до замены среднего рода мужским, первоначальная акцентуация множественного числа сохранилась. Таким образом, акцентуационные парадигмы имен *pluralia tantum* в литовском (старые *neutra*) соответствуют акцентуационным парадигмам множественного числа -o-основ среднего рода в индоевропейском и противоположны акцентуационным парадигмам единственного числа соответствующих имен.

Лит. *linai*, мн. ч. 'лен'. 4 а. п. представлена в словаре Рунга (Rubig LD: *Linnai* 786), по диалектам (в том числе в восточно-аукштайтских — Kupiškis, Utena, см. Doritsch CCXXIII) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Jabl. I 73, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ).

⁴² В других диалектах и литературном языке 2 а. п. обобщена в ед. ч.

< **linā*, мн. к **linom* 'лен'; ср. греч. λίον 'лен'. Древность формы pluralis tantum ср. р. в балтийском подтверждает др.-пр. *lyllo* (Grūnau) < **linā* (ср. Trautmann AP II 371)⁴⁷.

Лит. *plaušai* 'мочало'. 4 а. п. представлена по диалектам (в том числе в северозападных жемайтских говорах — *Salantai*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kug. LD, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). В западноукштайтском районе Segėdžius отмечена 3 а. п. (карт. LKŽ), объясняющаяся, вероятно, заимствованием слова из соседних диалектов с частичным оттягиванием ударения, ср. § 10 (*stambas*).

< **ploušā*, мн. ч. к. **ploušom* 'волокнистая поверхность'; ср. герм. **flūsa*, ср. р. 'руно' (ср.-в.-нем. *vlūs*, ср. р., др.-англ. *fleos*, ср. р.) < **plēužom*.

Лит. *raišai* 'сажа, коноть'. 4 а. п. представлена у Донелайтиса (2х), по диалектам (в том числе в жемайтских говорах — *Plungė*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kug. DL II 1396, Kam., NS, DLKŽ).

< балт. **raišā* к **raiša*, ср. р. < **raīkos*, ср. р. 'красящее вещество'; ср. др.-инд. (RV) *reśas*, ср. р. 'краска; облик, форма'.

Лит. *lipai*, мн. ч. 'клей'. 4 а. п. по диалектам (в том числе в восточноукштайтских говорах — *Užpaliai*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, NS, LKRŽ, DLKŽ).

< балт. **lipā* к **lipa*, ср. р. < **lipos*, ср. р. 'клеякое, липкое вещество'; ср. греч. λίπος, ср. р. 'жир, сало'.

Лит. *namai*, мн. ч., '(жилой) дом'. 2 а. п. представлена в ряде памятников Прусской Литвы (Gesangbuch 1685 г.: Instr. Pl. *namais* 234₁₀ наряду с формами 4 а. п. Nom. Pl. *nammai* 219₁₀, Gen. Pl. *namtū* 219₁₀; Gebetbüchlein 1685 г.: Gen. Pl. *namtū* 180₂₀, Loc. Pl. *namtūse* 12₁₀, 29₁₀, 97₁₀, 99₁₀, 179₁₀; в издании 1705 г. во всех этих случаях знак отсутствует). В более поздних памятниках, слово, как правило, имеет 4 а. п. (Ißguldimas 1750 г.: Gen. Pl. *namtū* 205; NT 1735 г.: Nom. Pl. *nammai* 100a, *namai* (= *nammai*) 13b, Loc. Pl. *namtūose* 5b, *namtū* 'домов' 12a; Biblia 1735 г.: Nom. Pl. *nammai* 504b, Gen. Pl. *namtū* 116b, b, 307a, Dat. Pl. *namtūms* 116b, 607a, Instr. Pl. *nammais* 116a, Loc. Pl. *namtūse* 307a, так же в издании 1755 г.: Навек: *Nammai* 64a; Ruhig LD: *Namai* 92b; Donelaitis 7x, см. Buch AD 17; Nesselmann: *Namai* 414. 2 а. п. была известна и Даукше (1x *namai*), хотя в большинстве случаев у него представлена 4 а. п. (9x, см. Skardžius DA 34, 133)⁴⁸. 4 а. п. отмечена и в Ка-

⁴⁷ Образование pluralis tantum — общебалтийское, ср. еще латыш. *linā*, мн. ч. 'лен'. Лит. *linas*, латыш. *linz* 'одно растение льна' — формы, навеянные полнее из множественного числа.

⁴⁸ Данные венгисбергских изданий не позволяют считать форму *namai* у Даукши (ср. еще *namtūse* с двойным ударением) простой ошибкой, как думает П. Скарджиус (Skardžius DA 41).

техивисе 1605 г. (Gen. Pl. *patūi* 13, см; Bystroń 35). Такая акцентуация господствует по диалектам (в том числе в жемайтских — *Telšiai*, *Salantai*, восточнолукшайтских и восточноантовских двуязычных — *Dusetos*, *Tveredius* — говорах, см. LM 355, 393, LX II 368, Otrębski WNT I 220) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Яви. Gr. 87, Šlap. LL, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **patā*, мн. ч. к **patām* 'местопребывание'; ср. греч. *παρά*, муж. р. 'местопребывание, обиталище; пастбище' < **patās*. На первоначальное образование мн. ч. ср. р. **patā* в балтийском указывает форма III. Pl. *patān* < **patā-nā*. (Ср. J. Schmidt. Die Pluralbildung der indogermanischen Neutra. Weimar 1889, стр. 39).

Лит. *laĩrai*, мн. ч. 'отдирающаяся кожа, кора'. 2 а. п. по данным DLKŽ (*laĩras*, ед. ч., отмеченное в этом словаре, — вероятно, позднее извлечение из мн. ч.).

< **laura*, мн. к **laurām* 'растительная ткань'; ср. герм. **lauba* 'листва' (др.-в.-нем. *laub*, ср. р.; ср. др.-сакс. *lof*, ср. р.) наряду с **laubāz* 'лист' (гот. *laufs*, Gen. *laubis*).

§ 19. Поздние процессы выравнивания акцентуационных парадигм в литовском. Мы уже отмечали, что старые -о-основы среднего рода сохраняют первоначальную акцентуационную парадигму в литовском лучше, чем -о-основы masculina. По-видимому, в тот период, когда имена среднего рода были переведены в мужской род, процесс обобщения подвижной а. п. у старых имен мужского рода уже шел в ряде диалектов; старые -о-основы neutra были частично охвачены этим процессом только после перехода в -о-основы мужского рода. Можно предполагать, что до включения в класс masculina -о-основы среднего рода сохраняли в единственном числе противопоставление колонных парадигм — окситонированной и баритонированной. Иными словами, подвижной парадигме -о-основ мужского рода соответствовала окситонированная в единственном числе и баритонированная во множественном числе парадигма -о-основ среднего рода. Баритонированной парадигме -о-основ мужского рода соответствовала баритонированная в единственном числе и окситонированная во множественном числе парадигма -о-основ среднего рода. Такое состояние хорошо согласуется с показаниями славянских языков (см. § 47).

4. Другие типы основ

§ 20. Принцип акцентуационного распределения. Объединение оставшихся нерассмотренными выше типов основ оправдывается тем обстоятельством, что во всех этих типах основ вытеснение баритонированного акцентуационного

класса подвижным осуществлено наиболее полно: во многих диалектах и литературном языке баритонированный тип отсутствует полностью. Однако данные ряда окраинных диалектов и акцентуированных памятников дают возможность и в этом случае установить существование баритонированных имен, отражающих индоевропейские баритонированные образования. В условиях обобщения подвижной а.п. доказательно, естественно, лишь сохранение индоевропейской баритонемы. Имена, представляющие подвижную а.п., отражают индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а.п. или являются результатом позднего введения подвижной а.п. в первоначально баритонированных образованиях.

§ 21. Прилагательные с основой на -o/a-. В этой категории имен подвижная а.п. обобщена в настоящее время на всей территории литовского языка. Однако в акцентуированных памятниках (у Даукиши и в особенности в кенигсбергских изданиях) еще сохраняется противопоставление двух акцентуационных парадигм. Памятники Прусской Литвы хорошо отражают постепенное вытеснение баритонированной а.п. сначала в нечленных, а затем и в членных формах прилагательных. Этот процесс можно проследить на акцентуации частого в памятниках прилагательного *gēras* 'хороший', ср. *Gesangbuch* 1685 г.: нечленные формы муж. р. Dat. Sing. *gerram* 54_{1a}, Loc. Sing. *gerrame* 288_{1a}, 336_{1a}, членные формы муж. р. Nom. Sing. *gėrasis* 27₁, 583₁₁, *gėrassis* 70₁, Gen. Pl. *gerrujá* 586_a, Instr. Pl. *gėraiseis* 314_{1a}, наречие *gerray* 82₁, 233₁₁, 255 и т. п., *gėray* 235₁₁, 381₂, 399 и т. п.; *Gebetbüchlein* 1685 г.: нечленные формы муж. р. Loc. Sing. *gerrame* 99_{1a}, Gen. Pl. *gerrá* 170_a, Instr. Pl. *gerrais* 76_a, членные формы муж. р. *gėrassis* 139₁₁; NT 1735 г.: нечленные формы Gen. Pl. *gerrá* 20b, 10a, 304a, 315b, Loc. Pl. *gėrúse* 213b, наречие *gerray* 204, 320b; *Biblia* 1735: нечленные формы Gen. Sing. fem. *gėrās* 131b, 132a, 174b, *gėrās* 174b, 175a, Dat. Pl. fem. *gėrams* 156a; Грамота 1738 г.: Gen. Pl. *gėrujá* (LVG 124) и т. п. Аналогичные данные акцентуированных памятников позволяют установить первоначальную баритонированную а.п. у ряда прилагательных, восходящих к индоевропейским баритонированным образованиям.

Лит. *sėnas* 'старый'. Баритонированная а.п. представлена у Даукиши (2x Nom. Sing. masc. *sėnasis*) наряду с подвижной а.п. (3x в нечленных формах прилагательного, ср. 7x наречие **sėniāi*, 2x производное **sėniūmas*, см. Skardžius DA 165, 149, 175, 63). Лучше сохраняют баритонированную а.п. памятники Прусской Литвы, ср. *Gesangbuch* 1685 г.: Nom. Sing. masc. *sėnasis* 55₁, Loc. Sing. *sėname* 58_{2a} (так же в издании 1705 г.), *sėnamejeme* 443_{1a}, наречие *sėnei* 427₁, но *sėnnay* 487₁₁, 558_a, 561₂; *Gebetbüchlein* 1685 г.: Dat. Sing. masc. *sėnamai* 73_{1a}, Loc.

Sing. *sename* 30₁, 31₄, 36₂₀, но Gen. Pl. *senai* 121₁₇, нареч. *senai* 128₁₆; Rubig Betr.: нареч. *senai* 80; Kat. Katechismas: Loc. Sing. masc. *sename* 62₂₀, нареч. *ne senai* 43₂ (но NT 1735 г.: Dat. Pl. masc. *senaiem's* 6b, нареч. *senai* 16a; Biblia 1735: Gen. Pl. *senai* 180a₁₆, так же в издании 1755 г.: 18guldinas 1750 г.: Loc. Sing. masc. *sename* 202, 502; Donelaitis: Gen. Sing. fem. **senos*, см. Buch. AD 70)⁴⁹.

< **senos* 'старый'; ср. др.-инд. (RV) *śanas* 'давний; старый', греч. *ἐτος* 'прошлогодний'.

Лит. *aĩtras*, дмал. *aĩtaras* 'другой, второй'. Баритонированная а. п. сохраняется у Даукши (11х наряду с девятью формами, указывающими на подвижную а. п., см. Skardžius DA 183—184). Первоначальность такой акцентуации подтверждает широко представленное по диалектам (западноаукштайтские, жемайтские и восточноаукштайтские говоры) наречие *pūsaiĩtros* 'полтора', сло-восложение с Gen. Sing. fem. *aĩtros*, 2 а. п. (по диалектам известно и *pūsaiĩtrās*, отражающее подвижную а. п.). Баритонированную а. п. до сих пор сохраняло прилагательное *aĩtaras*, известное в юго-восточных даукских говорах, ср. Nom. Sing. fem. *aĩtara* (Dieveniskės), *pūsaiĩtarų* (Gervėčiai), см. Arūnas 22, 18.

< **aĩt(o)ros* 'другой, второй'; ср. др.-инд. (ŚB) *āntaras* 'другой, отанный от ч.-л.', герм. **anþaraz*, 'другой, второй' (гот. *anþar*, др.-сканд. *anþarr*, др.-в.-нем. *andar*, др.-сакс. *ōdar*, др.-англ. *ōder*).

Лит. *paĩjas* 'новый'. На 2 а. п. указывает форма Loc. Sing. *paĩjete*, отмеченная один раз у Даукши (наряду с Loc. Sing. *paĩjamė* 2х, см. Skardžius DA 149).

< **paĩjos* или **neũjos* 'новый'; ср. др.-инд. (RV) *pāujas* 'новый', греч. (ионич.) *νέος*; < **neũjos*.

Лит. *dėšinas* 'правый'. На первоначальную баритонированную а. п. указывает акцентуация производного *dėšinė* 'десница' в памятниках Прусской Литвы, ср. Gesangbuch 1685 г.: Gen. Sing. *dėšines* 117₄, Ad. Sing. *dėšinespi* 9₅; NT 1701 г.: Nom. Sing. *dėšine* 7b₂₀, 8b₃₁, Gen. Sing. *dėšines* 48b_{1,20}, 59b₁, 78b₁₀, Ill. Sing. *dėšinen* 54b₁₀; NT 1735 г.: *dėšine* 7b; Hassck: *Dėšine* 23a; Rubig LD: *Dėšinė* 25a. В современных говорах и литературном языке представлена вторичная акцентуация *dėšinė*.

< **dėksinas* 'правый'; ср. др.-инд. (RV) *dākṣinas* 'правый; южный'.

Лит. *sėkmas* 'седьмой'. На первоначальную баритонированную а. п. указывает Loc. Sing. *sėkmate*, отмеченный два раза в Библии 1735 г. (177b, 604a).

⁴⁹ Написания *Po senat, iš senai, Senai* у Нессельмана (Nesselmann 462) могут не указывать на 2 а. п., так как знаком *é* Нессельман в ряде случаев обозначал безударный *e* открытый (ср. Nesselmann Vorrede X).

< **séptmos* 'седьмой'; ср. греч. ἑβδομος 'седьмой' < **séptmos* с озвончением глухих и вставкой гласного (Frisk 435)²⁰.

Ст.-лит. *aštras* 'острый'. Баритонированную -a/i/- основу *aštras* (эта форма заменила первоначальную -o/-основу) предполагает наречие *āštrej*, отмеченное в словаре Рунга (Ruhig DL 131b). У Даукиши представлен уже окситонированный Instr. Pl. *aštrāis* (1x, см. Skardžius DA 148), ср. наречие **aštrei* у Донелайтиса (4x, см. Buch AD 117).

< **ákros* 'острый'; ср. греч. ἄκρος 'крайний, верхний'.

С другой стороны, можно отметить, что, например, лит. *tūš-dias* 'пустой', отражающее индоевропейское окситонированное образование **tuskjās* (ср. др.-инд. [RV] *tuschyās* 'пустой, ничтожный'), представляет только формы с 4 а. п. в языке Даукиши (2x, см. Skardžius DA 149).

От описанного распределения отклоняется акцентуация лит. *šventas* 'святой'. Баритонированные формы этого слова представлены у Даукиши (8x наряду с девятью формами с подвижной а. п., см. Skardžius DA 150, 164, 175; в Катехизисе 1605 г. только Gen. Sing. *švintās* 20, 30, 33, см. Bystroń 41, 45, 59). На баритонированную а. п. указывают и данные ряда изданий Прусской Литвы, ср. Gebetbüchlein 1685 г.: Nom. Sing. masc. *šventassis* 13₃₃, 87₂ (но Gesangbuch 1685 г.: Dat. Sing. masc. *šventām* 112₃₄; Donelaitis: Gen. Pl. **šventā*, Dat. Pl. fem. **šventoms* 2x, см. Buch AD 70); ср. Haack: *šventasis* 237. Знак ' в памятниках этого типа как правило указывает на акутированные дифтонгические сочетания (ср. § 2), так что допустима реконструкция ст.-лит. **šventas*, 1 а. п., при современном *šventas* 4 а. п. Форма с акутовой интонацией корня может быть первоначальной, так как для др.-инд. (RV) *śvāntās* 'дружественный' приемлема реконструкция с долготным слогом в корне. В этом случае лит. **švāntas* стоит в одном ряду с другими примерами оттягивания ударения на долготный корень (см. § 31).

§ 22. Основы на -i-. Основы на -i-, переведенные в большинстве диалектов и литературном языке в подвижный акцентуационный тип, сохраняют еще в памятниках и в ряде говоров баритонированную или смешанную а. п. с баритоневой и косвенных падежах. Так, название осота, представляющее в литературном языке 4 а. п. Nom. Sing. *ušnis*, Gen. *ušnies*, Dat. *ūsniai*..., Pl. *ūsnys*, Gen. *ušn(i)ų* и т. п. (Kur. LD, Kam., LKRŽ, DLKŽ), отмечено во многих западноукштайтских и восточноукштайтских говорах со смешанной а. п. Nom. Sing. *ušnis*, но Gen. Sing. *ūsnies*, Gen. Pl. *ūsn(i)ų* (см. Skardžius DA 118); по данным Шаапеласа (Šlap. LL), в восточноукштайтских говорах

²⁰ Др.-инд. *saptamā* 'седьмой', окситонированное, как другие порядковые числительные в древнеиндийском, вероятно, восходит к **saptamās*.

известна полностью баритонированная а. п. Nom. Sing. *ūsniš*, Gen. *ūsniš*; существование баритонированной а. п. подтверждает и материал Даукиши (2x Gen. Pl. *ūsnių* при *ūsnių* 1x, см. Skardžius DA 117). На основании такого рода фактов можно выделить в литовском целый ряд первоначально баритонированных *-i*-основ, отражающих индоевропейские баритонированные образования.

Лит. *pilis*, жен. р. 'замок'. Баритонированная а. п. Nom. Sing. *pilis*, Gen. *pilies* представлена в восточноукштайтском районе Dusetos (Buga II 187). Смешанная а. п. известна в западноукштайтских говорах бывшей Прусской Литвы, ср. Jurkschat (район Galbraščiai—Galbrasten): Nom. Sing. *pilis*, Gen. *pilies* 109, Loc. *pily* 131; Schleicher (район Kakschen): Nom. Sing. *pilis* 193, Gen. *piles* 192; ср. Kurschat DL I: *pilis* 269b, Gen. *pilies* 270b; так же NS³¹. Слово переведено в 4 а. п. по диалектам и в литературном языке (Kur. Gr. 196, Kur. LD, Šlap. LL, Кам., LKRŽ, DLKŽ).

< **p(t)lis* 'укрепленное место'; ср. греч. (кипрск.) *πτόλις*, жен. р. 'город, городская цитадель'³².

Лит. *dėšimtis*, жен. р. 'десять'. Баритонированная а. п. (*dėšimtis*, Gen. *dėšimtys*) представлена в памятниках Прусской Литвы вплоть до начала XIX в. (Klein Comp.: *dėszimtis* 43; NT 1701 г.; Gen. Sing. *dėšimties* 71b₁₈, Gen. Pl. *dėšimtų* 33a₇, 101a₂, 137a₂₁ и т. п., Dat. Pl. *dėšimtiems* 47a₂₋₃; Ruhig LD: *Dėšimtis* 25a; Ruhig DL: Gen. Pl. *Dėšimtų* 98b; Mielcke DL: *dėšimtis* 150; Грамота 1804 г.; Gen. Sing. *Dėšimties*, *dėšimties*, см. PŪG 487, 499). Смешанная а. п. Nom. *dėšimtis*, Gen. *dėšimtys* была известна (как архангская и диалектная акцентуация) Ф. Куршату (см. Kur. Gr. 262, Kur. LD 85; в говоре самого Куршата употреблялось только несклоняемое *dėšimt*); она сохранялась до последнего времени в некоторых говорах бывшей Прусской Литвы (Tilžė, см. карт. LKŽ) и в соседних западноукштайтских районах (например, в западной части говора капсов, см. LKK III 152). Вариант *dėšimtis* наряду с *dėšimtis* допускает и Šlap. LR. Перевод слова в подвижную а. п. (*dėšimtis*, Gen. *dėšimtys*) отмечен уже у Даукиши (4x, см. Skardžius DA 120); его отражает большинство диалектов и литературный язык (Явн. Gr. 156, Šlap. LL, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **dėkmtis* 'десятка, десять'; ср. герм. **téhundiz* (ар.-сканд. *flund*, жен. р. 'десятка').

Лит. *pats* 'сам', диал. 'супруг, муж' < **patis*. Баритонирован-

³¹ Представленное в словаре Рунга *Pilis, iš* (Ruhig LD 107b) может отражать как **pilis*, *pilies*, так и **pilis*, *piliš*.

³² Греч. *-olis* отражает диалектную (кипрскую или волийскую) рефлексацию *-l-*, см. Szwuyat I 344. О греческом начальном *π-* в соответствии с другими индоевропейскими языками см. Szwuyat I 325.

ная форма местоимения отмечена у Даукши (1х *pātis* наряду с 13 формами подвижной а. п., см. Skardžius DA 191). Первоначальность баритонированной а. п. подтверждает акцентуация словосложения *viēspātis* 'господь' у Даукши; здесь 12х отмечены баритонированные формы **viēspātis*, Gen. *viēspāties* (наряду с формами, предполагающими **viēspātis*, *viēspatiēs*, 3 а. п. и **viēspātis*, *viēspaties*, 1 а. п.), см. Skardžius DA 121; форма Gen. Sing. *wiēspātes* представлена также в Катехизисе 1605 г. (стр. 86) наряду с более обычным *wiēspātes*, см. Bystroń 77, 35, 40 и т. д. Перевод слова **pātis* в 4 а. п. был осуществлен рано и отражен уже у Даукши, в Катехизисе 1605 г. (см. выше) и в Universitas 1737 г. (стр. 20, 21).

< **pātis* 'супруг, господин'; ср. др.-инд. (RV) *pātis*, муж. р. 'господин; ваятель, защитник', греч. πόσις, муж. р. 'супруг'.

Лит. *naktis*, жен. р. 'ночь'. Баритонированная или смешанная а. п. была представлена в говорах Прусской Литвы, ср. NT 1735 г.: Gen. Sing. *nākties* 203a₁₈. Следы такой акцентуации сохраняет наречная форма *naktije* 'ночью' (первоначально Loc. Sing.), баритонированная у Даукши (1х *nāktije* наряду с *naktiē* 1х, см. Skardžius DA 117), в памятниках Прусской Литвы (Gesangbuch 1685 г.: *nāktije* 75; NT 1701 г.: *nāktije* 3a₂₀, 50b₂₁, 97a₂₂, *nāktij* 50b₃, 56b₂₄, 87a₂₅ и т. д.; NT 1735 г.: *nāktije* 202b; Biblia 1755 г.: *nāktije* 275a, 284b, *nāktij* 294a; Ruhig DL: *Nāktij* 72a; Donelaiitis 3х, см. Buch AD 60) и во многих восточно-даукштайтских и восточнолайтовских даукских диалектах (Subačius, Kupiškis, Vabalninkas, Pašvitinys, Kaltanėnis, см. Skardžius DA 119, LM 420, 79, 186, TŽ IV 545, LX II 368, 386, 387). Само слово *naktis* переведено в 4 а. п. уже у Даукши (2х Gen. Sing. *naktiēs*, см. Skardžius DA 117); такая же акцентуация в Universitas (стр. 12), грамматике Рунга (Ruhig Gr: Instr. Pl. *naktimis* 118), у Донелайтиса (2х, см. Buch AD 60), повсеместно по диалектам и в литературном языке (Kur. LD, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **nāktis* 'ночь'; ср. др.-инд. (RV) *nāktis*, Nom. Pl. 'ночи'²².

Лит. *ovis* 'овца'. Формы баритонированной а. п. представлены у Даукши (2х Gen. Pl. *ōwių*, 7х формы подвижной а. п., см. Skardžius DA 117). Обобщение подвижной а. п. отмечаем уже в Universitas (стр. 13), изданиях Прусской Литвы (Klein Gr. 64; Haack 237; Ruhig Gr. 30; Donelaiitis 4х, см. Buch AD 59), в современных диалектах и литературном языке.

< **ōwis* 'овца; баран'; ср. др.-инд. (RV) *ōwis*, жен. и муж. р. 'овца; баран', греч. (гомер.) ὄϊς, жен. и муж. р. 'овца; баран'.

²² М. Майрхофер (Mayrhofer II 121) полагает, что форма *nāktis* образована по аналогии с Nom. Pl. *rātris* (*rātri* 'ночь') и что, следовательно, для древнеиндийского можно реконструировать лишь основу **nākt-*. Параллельная *-i*-основа все же, вероятно, возникла еще в индоевропейский период; кроме балтийского и славянского, ее следы обнаруживаются в латинском (лат. Gen. *noctis*, Gen Pl. *noctium*) и в тохарском (тох. В. *nekcije* 'вечером').

Лит. *kirmis*, жен. р. 'червь; сказочный змей'. Смешанная парадигма *kirmis*, Gen. *kīrmies*, указывающая на первоначальную баритонезу, сохранена в говорах (см. Юшк. АР II 127). Слово переведено в 4 в. п. в литературном языке, в большинстве же диалектов представлены вторичные -ē- или -ijo-основы (*kīrmē* или *kīrmē; kīrmis*, Gen. *kīrmio*).

< **kfirmis* 'червь, змей'; ср. др.-инд. (AV) *kfirmis* 'червь, личинка'.

К этому списку можно добавить старую основу на -os/es- среднего рода, переведенную в балтийском в категорию -i-основ и сохраняющую следы баритонезы, характерной для образований на -os/es-.

Лит. *debesis*, жен. р. 'облако'. Баритонированная а. п. (*dēbesis*, Gen. *dēbesies*) представлена в ряде памятников Прусской Литвы (Klein Gr.: *dēbesis* 64; Gesangbuch 1685 г.: Gen. Pl. *dēbesiu* 416₂, 438₃, Instr. Pl. *dēbesimis* 197₃; Gebethbüchlein 1685 г.: Instr. Pl. *dēbesimis* 81₁₄, 133₂₀; NT 1701 г.: Loc. Pl. *dēbesie* 85a₁₇; Ruhig LD: *Dēbesis* 23b; в поздних изданиях засвидетельствованы формы с подвижной а. п., ср. NT 1735 г.: Loc. *debbesisse* 70a; Biblia 1735 г.: *debbesis* 114a₁₄, Gen. Sing. *debbesies* 114a₁₄, 128a, Instr. Sing. *debbesimi* 114a₁₂, Loc. Pl. *debbesisa* 806b, так же в издании 1755 г.: *Donelaitis* 3x, см. Buch AD 60). Такая акцентуация известна юго-восточным жемайтским и западным восточнолитовскими говорам (районы Gomaliai, Sidabravas, см. карт. LKDA). Обычно по диалектам (см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 197, Ян. Гр. 106, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ) обобщена подвижная а. п. (*debesis*, Gen. *debesies*).

< балт. **dēbesis* < **nēbhas*, ср. р. 'облако; небо' с заменой начального *n-* на *d-*; ср. др.-инд. (RV) *nābhas*, ср. р. 'туман; облако; влажность', греч. νέφος, ср. р. 'облако, туча'.

С другой стороны, следы баритонированной а. п. не обнаруживаются в литовском у слов, отражающих индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п., ср. лит. *mintis* 'ум; мнение; (диал.) запатка' (Katechismas 1605: Gen. Sing. *minties* 56, см. Bystroń 61) при др.-инд. (RV) *matīs*, жен. р. 'мысль, ум'. Менее доказательны сопоставления с литовскими словами, не отмеченными в акцентуированных памятниках, ср. лит. *kinis* 'агглов', *grandis* 'звено цепи' (в обоих случаях 4 в. п.) при др.-инд. *khañis*, жен. р. 'шахта, копь', др.-инд. *granthis*, жен. р., 'узел'.

Отклонение от описанного распределения, возможно, представляет лит. *dalis* 'часть', первоначально баритонированная а. п. (Klein Gr.: *dalis* 64; Грамота 1793 г.: Loc. Sing. *Dālīje*, см. PVG 356; но подвижная а. п. у Даукши, ср. Skardžius DA 117, так же Universitas 12, NT 1735 г. 212a) при др.-инд. *dalis*; од-

нако древнендийское слово отмечено только у лексикографов (см. Maughofer II 24), так что данные о его акцентуации ненадежны. Из слов, отражающих индоевропейские баритонированные образования, только ант. *šlaunīs* 'бедро' не сохраняет никаких следов баритонезы (ср. др.-инд. [RV] *śrōṇis*, жен. р. 'бедро; поясница'); ввиду отсутствия данных диалектов и памятников невозможно решить, представляла ли в этом случае в балтийском акцентуационная парадигма, отличная от древнендийской, или мы имеем дело с поздним обобщением подвижной а. п. в литовском.

§ 23. Основы на -ū-. Для -ū-основ, являющихся в индоевропейском своего рода аналогом -i-основ, можно, по-видимому, также предполагать первоначальное сохранение индоевропейской баритонированной а. п. в литовском. Действительно, в ряде литовских диалектов отражен процесс постепенного вытеснения баритонированной а. п. -ū-основ, аналогичный рассмотренному выше процессу устранения баритонированных -i-основ. Так, в соответствии с вариантом *viršūs*, Gen. *viršaus* 'верх' (4а. п.) в литературном языке и большинстве диалектов (такая акцентуация отмечена уже у Даукиши, см. Skardžius DA 124), смешанная а. п. *viršūs*, Gen. *viršaus* (ср. *usnis*, Gen. *ūsniēs*) засвидетельствована в говорах бывшей прусской Литвы и соседних западноукшайтских говорах Galbraščiai - Galbrasten, Serbenta - Serbenten, Kurschen, Kakschen, Garliava, Virbalis, Naumiestis, см. Jurkschat 59, Doritsch 38 - 39, Schleicher 129, 182, 203, 236, 240, Leskien - Brugmann 165, 'карт. LKZ; ср. Gen. Sing. **viršaus* у Домеляйтиса, см. Buch AD 61; так же Jurkschat DL I 154a). Можно еще отметить, что в ряде жемайтских и восточнолитовских диалектов (ср. Otrębski WNT I 257) говоров сохраняется баритонированная парадигма прилагательных с основой на -ū-.

Вместе с тем немногочисленные точные индоевропейские соответствия литовским основам на -ū- не дают достаточно надежных данных, подтверждающих весьма вероятную формулу 'литовские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования'. Так, акцентуация ант. (устар., диал.) *pėkus* 'скот' (2 а. п. 4х у Даукиши и в южном диалектном говоре района Zastėčiai, см. Skardžius DA 124, Baga II 223, Skardžius ŽD 54, NS) соответствует баритонезе др.-инд. (RV) *pāśu*, ср. р. 'скот'²⁴, germ. **fēhu*, ср. р. 'скот; деньги' (гот. *faihu*, др.-сакс. *fē*, др.-в.-нем. *fihu*, др.-сакс. *fēhu*, др.-англ. *fēo*); однако ант. -k- вместо закономерного *ś < k* заставляет думать

²⁴ Вариант *paśū* (Vajasaaneyi-Saṁhitā, см. Maughofer II 239) вторичен; см., вероятно, возник под влиянием *paśūs*, муж. р. 'одно животное, скотина'.

о заимствовании слова в балтийский из какого-то языка *centum*. С другой стороны, акцентуация лит. *medūs* 'мед' (подвижная а. п. у Даукши и в памятниках Прусской Литвы, см. Skardžius DA 124, Gesangbuch 1685 г. 327_o, Gebetbüchlein 1685 г. 11_o, NT 1735 г. 3b, Biblia 1735 г. 310a, 802b, Наваск 60, Ruhig Gr. 84, Ostermeyer 25, PVG 289, так же Nesselmann 390) не согласуется с баритонезой др.-инд. (RV) *módhi* 'сладкий напиток, мед', греч. μέθυ 'вино, брага'. Несоответствие акцентуации лит. *bėbrūs* 'бобер'⁵⁰ и др.-инд. (RV) *babhrūs* 'краснобурый, коричневый' объяснимо, так как в первом случае представлено существительное, во втором — прилагательное.

§ 24. Основы на согласный. Данные литовских говоров и акцентуированных памятников свидетельствуют о сохранении в этой категории основ индоевропейского противопоставления двух акцентуационных парадигм. Индоевропейские баритонированные образования обнаруживают следы баритонированной а. п. в литовском, несмотря на то, что тенденция к обобщению подвижной а. п. чрезвычайно сильна у основ на согласный.

Лит. *akmuo* 'камень'. Баритонированная а. п. (*akmuo*, Gen. *akmenes*) представлена у Даукши (17x, см. Skardžius DA 127), в Universitas (Gen. Pl. *akmenū* 10) и в памятниках Прусской Литвы (Gesangbuch 1685 г.: Instr. Sing. *akmenim* 427₁₅; NT 1701 г.: Gen. Pl. *akmenių* 100 a₁₅; NT 1735 г.: Gen. Sing. *akmen's* 115a₂₄, Instr. Pl. *akmenimis* 116a₂₅; Biblia 1735 г.: Instr. Sing. *akmenimi* 408b₁₀, Gen. Pl. *akmenū* 308b₁₅, 309a, Instr. Pl. *akmenimis* 103b₁₅; Biblia 1755 г.: Gen. Pl. *akmenū* 316a, Instr. Pl. *akmenimis* 314a; Ruhig Gr. 35; Loc. Sing. *akmenyje*, Gen. Pl. *akmenū*, Dat. Pl. *akmenims*, Instr. Pl. *akmenimis*, Loc. Pl. *akmenissa*, но Gen. Sing. *akmėn's*; подвижную а. п. отмечает Ostermeyer: Loc. Sing. *Akmenijė*, Loc. Pl. *Akmenissà* 30). Такую акцентуацию сохраняют окраинные восточнолитовские говоры (Dusetos, Kamaiai, см. Būga II 662, AX II 357, 373, Skardžius DA 128); ее допускает и Šlap. LR, Šlap. LL. Подвижная а. п. (*akmuo*, Gen. *akmenis*, *akmeis*) обобщена в большинстве говоров (см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 205, Яви. Гр. 107, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **akmon* 'камень': ср. др.-инд. (RV) *āstma*, муж. р. 'скала; каменный молот, наковальня', греч. ἄκμων, муж. р. 'наковальня'.

⁵⁰ Первоначально 2 а. п., ср. *Bėbrus* Mielcke DL 318, *Bėbrus*, Gen. *Bėbrūs* Nesselmann 324, так же в жемайтском рукописном словаре по данным карт LKŽ (но *Bėbrūs* в словаре Руига — Ruhig DL 73 b); на такую акцентуацию указывает и 2 а. п. у вторичной «-основы *bėbrūs* в северозападном жемайтском районе Gargždai в литературном языке, см. LKŽ I 575, NS, DLKŽ.

Лит. *sesuo* 'сестра'. Баритонированная а. п. представлена в Universitas 1737 г. (*sēsuo*, Gen. *sēsseries* 11). Первоначальность такой акцентуации подтверждает смешанная а. п. Nom. *sesuō*, Gen. *sēseres*, сохраненная в восточнолитовском даукском говоре района Kačergiskė (Nom. *sēsuo* < **sesuō*, Gen. *sēseres*, см. карт. LKDA) и отраженная, по-видимому, в грамматике Рунга (Ruhig Gr.: *Sessū*, Gen. *Sēsseries* 35; последняя форма, вероятно, представляет **Sēsseries* с удвоением -s- по аналогии с Nom. Sing.). Переделку баритонированной а. п. можно видеть и по вторичной -e-основе *sēsē*, Gen. *sēsēs*, известной в западноукштайтских говорах (см. MADA 2 (7), 169, Gerullis—Stang 89) и в литературном языке (Kur. Gr. 207, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ); из *sesuō*, *sēsēs* ожидали бы скорее **sēsē*. Перевод слова *sesuo* в подвижную а. п., представленный уже в памятниках Прусской Литвы (NT 1735 г.: Gen. Sing. *sesseres* 107b₃; Biblia 1735 г.: *sessū* 168a₂₄, Gen. Sing. *sessers* 168a₁₂, 196b, так же в издании 1755 г.), отражен в современных диалектах и в литературном языке.

< **smēsōr* 'сестра'; ср. др.-инд. (RV) *sudśā* 'сестра', греч. (гlossen Гесихия) ἱερ. θυγάτηρ, ἀμφίβη (‘дочь, родственница’³⁰), см. HAL II 131.

С другой стороны, лит. *duktė* 'дочь', отражающее индоевропейское окситонированное образование (ср. др.-инд. [RV] *duhitā* 'дочь', греч. Gen. Sing. θυγάτηρ³¹), не обнаруживает каких-либо следов баритонезы (4 а. п. отмечена уже у Донелайтиса, см. Buch AD 64). Раннее обобщение подвижной а. п. у основ на согласный в литовском объясняет случаи несоответствия акцентуации: лит. *mėlmiū* 'крестец' (чаще мн. *mėlmenys* 'мясо вокруг почек' с переводом в -i-основы), 3 а. п. — др.-инд. (RV) *mārma*, ср. р. 'незащищенная, уязвимая часть тела'; лит. *srantmū*, диал. *srīantmū* 'стрежень, сильное течение', 3 а. п. — греч. ῥέμα, ср. р. 'поток, река'³².

§ 25. Основы на -e-. В этой рсанктовой категории основ (-e < eH, ср. др.-инд. *pánthas*, Gen. *pathās* < **panteH*, Gen. *patHes*) в литовском удастся обнаружить отражение индоевропейских баритонированных образований.

Лит. *mentė* 'мешалка, мутовка; лопатка, короткое весло'. 2 а. п. представлена по диалектам (западноукштайтские районы, ср. LKK III 85, 162, Senkus 89, Gerullis—Stang 85) наряду с 4 а. п. Аналогичные колебания отмечаются в литературном языке

³⁰ Значение слова, вероятно, передано в глоссе неточно, ср. Frisk 530.

³¹ Акцентуация Nom. Sing. θυγάτηρ вторична, ср. Schwyzler I 381.

³² В обоих случаях акцентуация литовских корней в литовском вторична, ср. латыш. *mēlmeņi*, мн. ч. 'крестец, мясо вокруг почек', *srēdīme* 'поток; течение'.

(2 а. п. — Kur. LD, Kam.; 2 а. п. или 4 а. п. — NS; 4 а. п. — Kur. DL II 172a, Šlap. LL, LKRŽ, DLKŽ).

<*ménte <*ménteH 'мешалка'; ср. др.-инд. *mántha*, Instr. *mathā* <*ménteH, Gen. *matHés*; в литовском обобщена баритонизма падежей с полным вокализмом корня.

Лит. *sāke*, обычно мн. *sākes* 'внам'. 2 а. п. представлена в памятниках Прусской Антвы (Biblis 1735 г.: Dat. Pl. *Bakiems* 606b; Ruhig LD: *Szake* 147b; Donelaitis 1x, см. Buch AD 51; Nesselmann: *Szake* 510), по диалектам (в том числе в юго-восточных дзукских говорах — Rapaškonys, см. LKK III 185) и в литературном языке (Kur. Gr. 186, Яви. Gr. 103, Šlap. LL, Jabl. I 75, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

<*kōke <*kōkeH 'изогнутая ветвь'; ср. др.-инд. (RV) *sākha* 'ветвь' <*kōkeH с -kh- из форм косвенных падежей.

Имена с долготным корнем

§ 26. Отражение восточнобалтийской системы акцентуационных парадигм в латышском. Имена с долготным корнем представляют в литовском баритонизованную или подвижную а. п.; в этой группе имен не осуществлялся перенос ударения по закону Фортунатова—де Соссюра, так что здесь сохранился первоначальный характер акцентуационной кривой обеих парадигм.

Для имен с долготным корнем наши сведения об акцентуационной парадигме слова не ограничиваются, однако, литовским материалом. Чрезвычайно важные указания в этом отношении можно извлечь из интонационной характеристики начального слога соответствующего слова в латышском. Уже в 1899 г. Я. Эндзелин показал, что наиболее архаичная латышская акцентуационная система, сопоставимая с литовской, сохраняется в двух не связанных друг с другом областях — обширном районе в северо-восточной части центральнолатышского диалекта (Видземе, районы Cēsis, Valmiera, Sigulda, Valka) и меньшем по территории районе на пограничьи кураемского и центральнолатышского диалекта (граница Кураеме и Земгале, район Bludiena)¹⁰. Эти две группы говоров различают в начальном слоге слова три интонации, причем первоначально долготные слоги могут иметь плавную ~ или прерывистую ~ интонацию, а первоначально краткотные слоги (со структурой „краткий гласный + сонант“) имеют,

¹⁰ J. Endzelin. Über den lettischen Silbenaccent. — BB, Bd. 25, 1899; так же J. Endzelin. Des intonations lettonees. — RESI, vol. 2, 1922 и Endzelins LVG 34—41. Ср. карту современного распределения акцентуационных систем в латышских говорах — V. Dambis. Zemgallisko izloksņu intonācijas. — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1960, № 12 (161), стр. 38.

как правило, нисходящую интонацию $\sim$. Такая система существовала некогда во всех латышских диалектах. Позднее в диалектах западной Латвии прерывистая интонация $\sim$ совпала с нисходящей $\sim$ в западнолатышской прерывистой $\sim$. В восточнолатышских диалектах произошло совпадение плавной $\sim$ и нисходящей $\sim$ в восточнолатышской нисходящей интонации $\sim$. Как показала Эндзелени (см. Endzelīns LVG 40), следы первоначального различия трех интонаций еще сохраняются в некоторых западнолатышских говорах, где по-разному трактуются сочетания *ar*, *er* с первоначальной нисходящей или плавной интонацией (**ār* > *ār*, но **ar* > *ar*).

Я. Эндзелени установил, что в латышских говорах с тремя интонациями литовским именам и глаголам с долготным корнем и баритонированной а. п., как правило, соответствуют имена и глаголы с плавной интонацией $\sim$ на начальном слоге, а литовским именам и глаголам с долготным корнем и подвижной а. п. — имена и глаголы с прерывистой интонацией $\sim$ на начальном слоге. Прерывистая интонация (первоначально, возможно, восходящая) возникла, по Эндзелени, при оттягивании ударения на долготный слог в первоначально окситонированных формах подвижной а. п.: при сохранении старого места ударения в латышском возникала плавная интонация. Таким образом, в именах с долготным корнем и подвижной а. п. первоначально должны были существовать формы с обеими интонациями — плавной и прерывистой; впоследствии прерывистая интонация была обобщена во всей парадигме; в именах с долготным корнем и баритонированной а. п. могла, естественно, развиваться только плавная интонация.

Критика теории Эндзелени не была плодотворной. Основное возражение, выдвинутое Е. Куриловичем (Kurjłowicz Accentuation 342), сводилось к тому, что, принимая возникновение особой третьей интонации при оттягивании ударения только на первоначально акутированный слог, Эндзелени признает существование латентных (скрытых, представленных в безударных слогах) интонаций. Куриловичу, по-видимому, остались неизвестными данные некоторых северозападных жемайтских говоров с противопоставлением двух интонаций в первоначально акутированных слогах (интонация, возникшей в результате оттягивания ударения, и интонация старых подударных слогов) при сохранении одной интонации в первоначально циркумфактированных слогах⁶⁰; подобное распределение, полностью соответствующее распределению, предложенному Эндзеленим для латышского, опровергает возражение Куриловича *ipso facto*. Для объяснения упомянутых акцентуационных систем достаточно принимать количест-

⁶⁰ Ср. описание такой системы: J. Aleksandravičius, *Kirtis ir prielaidė Kretingos tarimeje*. — LKK, t. I, 1957.

венное различие между безударными слогами различного происхождения, не прибегая к идее „латентной интонации“⁶¹.

Процесс оттягивания ударения на начальный слог в латышском прошел рано: это общелатышский, охвативший все диалекты процесс. Следовательно, в латышском интонационном противопоставлении ~ и ' в начальном слоге отражено более древнее распределение имен по акцентуационным классам, нежели в современном литовском, где, как мы видели выше, активно шли процессы совпадения акцентуационных парадигм. В латышском отражено, например, противопоставление баритонированного и подвижного акцентуационного классов у прилагательных с основой на -о-, повсеместно утраченное в литовских диалектах и частично сохраненное лишь в некоторых литовских памятниках. Поэтому при рассмотрении имен с долготным корнем показания латышского языка являются решающими.

§ 27. Восточнобалтийские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования. Индоевропейские баритонированные образования, как правило, сохраняют баритонированную а. п. в восточнобалтийском; в латышском эти имена имеют главную интонацию ~ на начальном слоге, в литовском (по крайней мере, в части диалектов) представлена баритонированная а. п.

Латыш. *vilna* 'шерсть'⁶². Лит. *vilna* 'шерсть'; 1 а. п. представлена по диалектам и в литературном языке (Кур. LD, Явн. Гр. 79, Šlap. LL, Кам., LKRŽ, DLKŽ).

< **u/na* 'шерсть'; ср. др.-инд. (RV) *āṇa* 'шерсть'.

Латыш. *iēva* 'черемуха, *Prunus padus*'. Лит. *iėva* 'черемуха'; по диалектам представлены варианты с 1, 2 и 4 а. п.: 1 а. п. — в восточнозукштайтских и дяукских (Salakas, Utena, Kalnanēnai, Molētai), 2 а. п. — в северножемайских и соседних зукштайтских (Kuršēnai, Šakupa), 4 а. п. — в большинстве зукштайтских говоров, ср. LM 328, LKK III 162, карт. LKŽ; 4 а. п. является литературной нормой (Кур. Гр. 178, Явн. Гр. 92, Юшк. AP, Šlap. LR,

⁶¹ Тема самого Курловича о возникновении прерывистой интонации в безударном начальном слоге колонных окситонированных парадигм мотивированных имен, сохранявшихся в латышском, строится на целом ряде других гипотез этого автора; мы рассмотрим соотношение построений Курловича с фактическим распределением балтийского материала ниже (§ 34).

⁶² Латышские формы приводятся по словарю K. Mülenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīga, 1923—1925 (дополнения: *Papildinājumi un labojumi* K. Mülenbachs *Latviešu valodas vārdnīcai*, Rīga, 1934—1946), где акцентуированный материал собран и проверен Я. Эндзелином; сохранена и орфография этого издания. Слова, известные на большей части латышской территории, приводятся с акцентуацией говоров с тремя интонациями. Диалектные формы отмечаются как центральнолатышские (обе группы говоров с тремя интонациями), западнолатышские (говоры с совпадением ~ и ' в ') и восточнолатышские (говоры с совпадением ' и ' в ').

Кам., Ват, NS, LKRŽ, DLKŽ). Исходной акцентуацией в литовском следует считать 1 а. п. Переход слова во 2 а. п. становится понятным, если учесть, что первоначальное **jēua* в большинстве диалектов должно было дать **jēua* (< **jēua*). Такая форма (*jēua*, Gen. *jēuos*, 1 а. п.) отмечена в восточноаукштайтском районе Utena. В части говоров форма **jēua* могла возникнуть до того, как прошел процесс удлинения кратких подударных *e, a*. После удлинения парадигма **jēua*, Gen. *jēuos* (< **jēua, jēuos*) была, естественно, преобразована в обычную 2 а. п. (*jėuà*, Gen. *jėuos*). Перевод слова по диалектам в 4 а. п. осуществился позднее в связи с общей тенденцией к распространению подвижной а. п.

< **dīrā* или **dīrā* 'дерево с тонкими ветвями'; ср. греч. (Теофраст) *δῆ*, (ионич.) *δῆ*, *οῖη* 'рябина' < **dīrā*.

Латыш. *jēga* 'смысл, ум; снискалка'. В литовском представлена только вторичная акцентуация — *jėgà* 'сила', 4 а. п. (так по диалектам и в литературном языке, см. карт. LKŽ, Юшк. ЛР, Šlap. LR, NS, Кам., LKRŽ, DLKŽ).

< **jėg'a* 'зрелость, расцвет сил'; ср. греч. *ῥῆ* 'юношеская сила, юность'.

Лит. *pieva* 'луг'. 1 а. п. представлена у Донелайтиса (2х, см. Висх AD 40), повсеместно по диалектам (в том числе и южных двухских говорах, см. LKK III 120, LKK II 222) и в литературном языке (Kur. Gr. 180, Яви. Гр. 72, Šlap. LL, Jabl. I 75, Кам., Ват., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **pōiua* 'заливной луг'; ср. греч. (аттич.) *πῶ*, (эпич.) *πῶιη*, (дорий.) *πῶις* 'луг, пастбище; трава' < **pōiua*.

Латыш. *zārtis* 'щелок, щелочь'. Лит. *šármas* 'щелочь' известно только с вторичной 3 а. п. по говорам (данные западноаукштайтских — Jurbarkas — и южнолитовских двухских — Marginkonys, Liškiava — говоров, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, LKRŽ, DLKŽ).

< **kōramas* 'род глин; щелочь'; ср. греч. *κέραιος* 'горшечная глина' < **kēramos*.

Лит. диал. *jėujas* 'овин'. 1 а. п. представлена в жемайтских (Ploteliai, Darbėnai), восточноаукштайтских и восточнолитовских двухских говорах (Užpaliai, Tveredžius), см. LM 384, карт. LKŽ, Doritsch CXCP; такую же акцентуацию указывают Šlap. LL, NS.

< **jėuH(i)jas* 'хранилище для зерна'; ср. др.-инд. (RV) *gávīas* 'запас пшеницы'.

Лит. диал. *gūltas* 'место отдыха животных'. 1 а. п. представлена в северозападных жемайтских говорах (Mosėdis, Šalantai, см. LKŽ III 717, так же NS); отмеченный Шапеллисом (Šlap. LR) вариант *guĩtas*, вероятно, вторичен.

< *gáltos 'место асжки животных'⁶³; ср. герм. *kūlpaz (др.-швед. *kolder*, швед. *kull*, муж. р. 'детеныши одного помета' < др.-сканд. *kollr, ср. WP I 639, Falk—Torp I 532).

Латыш. *veids* 'вид, внешность'. Лит. *veidas* 'лицо', мн. *veidai* 'щеки'; 1 а. п. представлена у Даукши (1х, см. Skardžius DA 40) и в памятниках Прусской Литвы (Gebethbüchlein 1685 г.: Nom. Pl. *weidai* 103₂₄; NT 1701 г.: Ill. Sing. *weidan* 319b₄, 400a₁, Nom. Pl. *weidai* 426₂₄; NT 1735 г.: Nom. Pl. *weidai* 350a₂₀, Dat. Pl. *weidams* 350a₁₀); такая акцентуация сохраняется в северных центральноаукштайтских говорах (район Dovydai, см. Skardžius DA 40). Слово переведено в 3 а. п. в большинстве говоров (по говорам отмечен и вариант с 4 а. п.) и в литературном языке (Kur. Gr. 154, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

< *vēidos со вторичным удлинением в корне⁶⁴ < *vēidos, ср. р. 'вид; знание'; ср. др.-инд. (RV) *vēdas*, ср. р. 'знание', греч. *εἶδος*, ср. р. 'вид'.

Лит. *pirmas* 'первый'. 1 а. п. представлена у Даукши (9х, при 14 формах 3 а. п.; ср. **pirmiausis* 2х при **pirmybė* 1х, см. Skardžius DA 183, 170, 175). На такую акцентуацию указывает и отмеченное в западноаукштайтских говорах производное *pirminėkas* 'первый в ряду жнецов' (Skardžius 2D 141). Латышские данные противоречивы. Первоначальная акцентуация отражена в зап.-латыш. *pīrmais* 'первый'; неясны причины появления вариантов — центр.-латыш. *pirmais* (также зап.-латыш. *pīrmais*, вероятно, < **pīrmais*) и вост.-латыш. *pīrmais*.

< *přmas 'передний, первый'; ср. др.-инд. (RV) *pārvas* 'передний, прежний' < **přvas*⁶⁵.

Латыш. *melns* 'черный'.

< *mélanos 'черный'; ср. греч. **μέλανος*, предполагаемое на основании *μέλας* 'черный' (слово, вероятно, преобразовано по форме жен. р. *μέλανα*, ср. Boisacq 622, WP II 293); др.-инд. *malinás* 'черный', по-видимому, усвоило окситонезу формы жен. р. *malinī*.

Лит. *raišas* 'искривленный, искаженный'. 1 а. п. представлена у Даукши (6х при одной форме 3 а. п., см. Skardžius DA 142, 164).

< **gróikos* со вторичным удлинением (ср. литовский вариант *raišas*) < **gróikos* 'кривой; с изъяном'; ср. герм. **wráihaz* (швед. диал. *vrå* 'неприветливый, мрачный', др.-англ. *wrāh* 'упрямый'); греч. *ρῆιχός* 'искривленный' отражает окситонированный вариант **groíkos*.

⁶³ Ср. латыш. *gūlīz* 'место асжки' < **gūlīšas*.

⁶⁴ WP I 239 допускает влияние атематического презенса **veidmi*.

⁶⁵ Варианты с -m и -p после -r-, как лит. *kirmis* 'червь', слав. **čьrьmь* при слав. **čьrьmь*.

Лит. *antis* 'утка'. 1. а.п. представлена в словаре Рунга (Runig LD: *Antis* 5b), повсеместно по диалектам (в том числе и южнолитовских азукских говорах — Marcinkonys, см. Doritsch CCXIV) и в литературном языке (Kur. Gr. 196, Šlap. LR, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **andis* 'утка'; ср. герм. **andiz* (др.-англ. *ened* 'утка')⁶⁸.

Лит. *stomio* и *stuoio* (с вторичным и труднообъяснимым -по-, ср. Fraenkel LEW II 933—934) 'стан, фигура'. 1 а.п. представлена в словаре Мнялке (Mielcke DL: *Stomā* 36) и в восточноаукштайтском говоре района Pušalotas (карт. LKŽ). В большинстве говоров и литературном языке (Kur. LD, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ) слово усвоило подвижную а.п.

< **stāmōn* 'основа, опора'; ср. греч. στῆρις 'такая основа' < **stāmōn*, др.-инд. (RV) *sthāma*, ср. р. 'место' < **stāmp*.

К этому списку можно добавить случаи, когда индоевропейское баритонированное образование с долготным корнем сохранило в балтийском (по данным литовского) баритонезу, но по неизвестным причинам представляет циркумфлексовую интонацию корня вместо ожидаемой акутовой.

Лит. *dirvā* 'нива, пашня'. 2 а.п. представлена у Даукши (7х наряду с одной формой 4 а.п., см. Skardžius DA 85) и Донелайтиса (1х, см. Buch AD 41). В говорах известны варианты со 2 и 4 а.п., причем 2 а.п. господствует в жемайтских, окранных восточноаукштайтских и части западноаукштайтских говоров (см. Skardžius DA 88, карт. LKŽ). В литературном языке также допускается двойная акцентуация (2 а.п. — Kur Gr. 130, Юшк. AP, Šlap. LR, NS, 4 а.п. — Kur. LD, Kur. Gr. 177, Kam., Bot., LKRŽ, DLKŽ).

< **d̥r̥ua* 'вспаханное поле; злаки, растущие на поле'; ср. др.-инд. (RV) *d̥r̥ua* 'род проса'.

§ 28. Двойное отражение в балтийском индоевропейских образований с долготным корнем, представляющих подвижно-окситонированную а.п. Исходя из соотношений, существующих у имен с краткостным корнем, мы ожидали бы, что представляющие индоевропейскую подвижно-окситонированную а.п. образования с долготным корнем будут отражены в балтийском как имена с подвижной а.п. В действительности же здесь наряду с немногочисленной группой слов с подвижной а.п. представлен целый ряд образований

⁶⁸ Древнеанглийская форма допускает также реконструкцию окситонированного герм. **andiz*; однако наличие в германском баритонированной корневой оскоры **and-* (др.-н.-нем. *and-*) делает более вероятной баритонезу параллельной -f-основы.

с баритонированной а.п. Эта вторая категория слов нуждается в специальном объяснении, так как коанчество входящих в нее имен исключает возможность случайного акцентуационного отклонения. Вопрос о причинах такой двойной рефлексации может быть рассмотрен лишь после анализа имен, входящих в две упомянутые выше категории.

§ 29. Восточнобалтийские имена с подвижной а.п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а.п. При отнесении слова к этой группе имен показания латышского приобретают особенно большое значение, так как в тех латвийских диалектах, где хорошо сохранены первоначальные баритонированные образования, в целом ряде случаев баритонеза вторично введена у имен с исходной подвижной а.п. (ср. § 33).

Латыш. диал. *laužs* 'место в лесу, заваленное буреломом'. Лит. *laužas* 'бурелом; куча ветвей; костер', 3 а.п., ср. Šlap. LL⁶⁷, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ.

< **loužós* 'нечто разломанное, раздробленное'; ср. др.-инд. (RV) *logás* 'комки земли' < **lojós* по аналогии с корнями, представляющими чередование *g:j* (см. Fraenkel LEW 347).

Вост.-латыш. *pēds* 'след ноги'. Лит. *pėdas* 'след'; 3 а.п. представлена у Даукиши (Instr. Pl. *pedāis* и *pēdāis*, по данным карт. LKŽ), по диалектам (в том числе в восточнолукшайтских и восточнолитовских двуязычных говорах — Dusetos, Šiesikai, Tveredžius, см. карт. LKŽ, LM 111, Otrębski WNT I 216) и в литературном языке (Kur. Gr. 154, Ян. Gr. 85, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Только в северном центральнолукшайтском говоре района Dovydai отмечен вторичный вариант с 1 а.п. (Skardžius DA 39).

< **pedom* 'ступня; лопасть'; ср. греч. πῦλον 'лопасть весла'. Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Pedan* Voc. 245 'лемех плуга'.

Латыш. *jūgs* 'ярмо'. Лит. *jungas* 'ярмо'; 3 а.п. представлена у Даукиши (2х, см. Skardžius DA 33) и по диалектам (в западнолукшайтских — Sasnava, Vilkaviškis — и двуязычных — Bartininkai, Dieveniškės — районах, см. Skardžius DA 39, карт. LKŽ) наряду с вариантами с 1 и 2 а.п. Аналогичные колебания отмечаются в литературном языке (Юшк. AP, Šlap. LR, Šlap. LL — 3 а.п., NS — 3 а.п. или 1 а.п., Kam., LKRŽ, DLKŽ — 1 а.п.).

⁶⁷ У Шляхалера (Šlap. LL 204) ошибочно указано *laužas* 4^о вместо *lau-*
žas 3^о.

< балт. **jāngá*, ср. р., с вторичной инфиксацией (под влиянием однокоренного глагола, ср. лит. *jūngti* 'соединять') < **jūgām* 'яго, ярмо'; ср. др.-инд. (RV) *yugām* 'ярмо; воловья упряжка', греч. *ζυγόν* 'ярмо; балка, перекаладина'⁶⁸.

Латыш. *līvs* 'тонкий'⁶⁹.

< **telarós* 'растянутый, тонкий, длинный'; ср. греч. *τελαρός* 'длинный, высокий', возможно < **telarós* с ассимиляцией (ср. WP I 724).

Латыш. *viēls* 'один; единственный'. Лит. *vienas* 'один'; 3 а. п. представлена в Катежниси 1605 г. (Dat. Sing. masc. *viēnām* 29, Nom. Sing. fem. *viēnā* 30, см. Bystroń 44, 45) и грамматике Рунга (Ruhig Gr.: Dat. Sing. *viēnām* 52). У Даукиши отмечается вариант с 3 а. п. наряду с вариантом с 1 а. п. (38х формы 3 а. п., 35х — 1 а. п., ср. производные **viēlūmas* 2х, **viēngbē* 6х, **viēngste* 2х наряду с **viēlūmas* 1х, **viēnubē* 5х, см. Skardžius AD 182, 58, 114). Можно думать, что баритонированные формы существовали во времена Даукиши в некоторых жемайтских говорах; введение такой акцентуации следует считать вторичным явлением (ср. варианты *jūngas* и *pėdas* с 1 а. п.).

< **oīlós* или **oīalós* 'один'; ср. греч. *οἷός* 'единица (на игральном костях)'⁷⁰.

§ 30. Восточнобалтийские баритонированные образования — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п. Случаи соответствия балтийских имен с баритонированной а. п. окситонированным образованиям других индоевропейских языков давно привлекали внимание исследователей. Впервые ряд таких соответствий (используя только литовские данные) отметил Г. Хирт в 1895 г. (Hirt IA 94)⁷¹. В дальнейшем основные усилия ученых были направлены не столько на увеличение материала сопоставления, сколько на объяснение немногих случаев, имевших хождение в литературе; поэтому более полная сводка соответствующих данных будет, вероятно, бесполезной.

Латыш. *duīda* 'ломоть хлеба, краюха'. Лит. *dūona* 'хлеб'; 1 а. п. представлена у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 44), повсеместно по диалектам (в том числе в южных даукских говорах — Marcinkonys, Lazūnai, Zietela, см. Doritsch CCXVII, Aru-

⁶⁸ Если доверять записи говора восточноликутского района Pagiriai, сделанной А. Барановским (информатор — А. Dambrauskas), в этом диалекте употребляется форма **jūgas* (4 а. п.) без инфиксации, ср. Gen. Pl. *jūga* 3х (1х исправлено из *jūgā*), см. LM 209, Speech LM 503.

⁶⁹ Акцентуация лит. *līvs* 'тонкий' в памятниках, сохраняющих две акцентуационные парадигмы прилагательных, неизвестна.

⁷⁰ Начальный в- в восточнобалтийском вторичен, ср. др.-пр. *oīns* 'один'.

⁷¹ Ср. более полный список — H. Hirt. Akzentstudien. — IF, Bd. X, 1899, стр. 54.

тава 41) и в литературном языке (Kur. Gr. 179, Явн. Гр. 90, Jabl. I 75, Šlap. LR, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ)⁷².

< балт. **dōna*, бар. а. п., при **dhōnā* 'хлебный злак; хлеб'; ср. др.-инд. (RV) *dhānās*, мн. ч. 'хлеба, зерновые'.

Латыш. *grīva* 'устье реки'.

< балт. **grīva*, бар. а. п., при **grīvā* 'шея'; ср. др.-инд. (RV) *grīvā* 'заграница, задняя часть шеи'.

Центр.-латыш. *kraūka*, зап.-латыш. *kraūkas*, мн. ч., вост.-латыш. *krāukas* < **kraūkas* 'мокрота'.

< балт. *krāukā*, бар. а. п., при **kraukā* 'влажное выделение'; ср. герм. **hrōgō* (др.-англ. *hrōg*, жеп. р. 'сопан') < **kraukā* с утратой второго элемента долгого дифтонга.

Зап.-латыш. *snāte*, вост.-латыш. *snāte* < **snāte* 'льняное покрывало, накидка'.

< балт. **snātlīja*, бар. а. п. (возможно, вторичное преобразование -ā-основы **snāta*), при **snātā* 'полоса ткани'; ср. герм. **snōdō* (др.-англ. *snōd*, жен. р. 'лента').

Латыш. *vīrs* 'мужчина, муж; мужик'. Лит. *vīras* 'мужчина, муж'; 1 а. п. представлена у Даукиши (ср. производное **vīrīskas* 'мужской' 4х при единичном *vīrībkaī*, см. Skardžius DA 157, 171), в NT 1701 г. (Nom. Pl. *vīfrai* 122b₁₃, 148b₁₂, 227a₃, Gen. Pl. *vīfrā* 165b₁₁; знак /f/ в NT 1701 г. всегда указывает на подударный /t/), у Донелайтиса (4х, см. Buch AD 14), повсеместно по диалектам (в том числе в южных двукских говорах — Zietela, Ramaškonys, Dauporiai, см. LKK III 122, 181, 203) и в литературном языке (Kur. Gr. 155, Явн. Гр. 81, Šlap. LL, Jabl. I 73, Kam., Bot., LKRŽ, DLKŽ).

< балт. **vīras*, бар. а. п., при **vīrās* 'муж, мужчина'; ср. др.-инд. (RV) *virās* 'мужчина, герой'.

Латыш. *dūmi*, мн. ч. 'дым'. Лит. *dūmai*, мн. ч. 'дым'; 1 а. п. представлена в кенигсбергских изданиях (Грамота 1750 г.: *Dāmai*, Грамота 1755 г.: Gen. Pl. *Dāmā* 2х, ср. PVG 200, 315; Mielcke LD: *dūmai*, Gen. Pl. *dāmā* 58b; Nesselmann; *Dāmai* 150), повсеместно по диалектам (в том числе в южных и юговосточных двукских говорах — Leipalingis, Gervėčiai, см. LKŽ I 585, LX II 397) и в литературном языке (Kur. Gr. 154, Явн. Гр. 84, Šlap. LR, Kam., Bot., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< балт. **dūmai*, бар. а. п., при **dhamós* 'дым'; ср. др.-инд. (RV) *dhamós* 'дым', греч. *θῆρος* 'страстное желание; жажненное

⁷² Написания типа *dōnā*, Gen. Sing. *dōnās*, Acc. Pl. *dānās* у Даукиши верно истолкованы П. Скарджюсом как случаи постановки знака ударения на слоге, соседнем с ударным, ввиду отсутствия специальной литеры для полударного ā (Skardžius DA 90). Так же следует объяснять отмеченные в словаре Мильке формы *dūnā*, из *Dānā* (Mielcke LD 60a, 65a). Аналогичный прием обозначения ударения на слоге, соседнем с ударным, известен в славянских акцентированным памятникам (ср. *бѣдъ*, *бѣдѣ* и т. п.).

начало⁷⁸. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Dumis Voc.* 39 'дым'.

Латыш. *kāiļs* 'кость'. Лит. *kaulas* 'кость; стебель, стержень; древко'; 1 а. п. представлена в памятниках Прусской Литвы (*Gesangbuch* 1685 г.: Nom. Pl. *kāulai* 73₃₀, 335₂, 519₃; *Gebetbuchlein* 1685 г.: Nom. Pl. *kāulai* 104₁, *kāulai* 110₂₁; NT 1701 г.: Gen. Pl. *kāulū* 43b₂₀, 153b₁₁, 437a₁₃; *Ruhig LD: Kaulū-Ligga* 57a; *Ruhig DL: Nom. Pl. kāulai* 159b; *Donelaitis* 2x, см. *Buch AD* 14; недатированная прусская грамота: Nom. Pl. *Kāulai*, см. *PVG* 607) и, вероятно, у Даукши (ср. производное **kāuluotas* 1x, см. *Skardžius DA* 160). Такая акцентуация преобладает по диалектам и является литературной нормой (ср. *Kur. Gr.* 155, Явн. *Gr.* 84, Юшк. *AP*, *Šlar. LL*, *Kam., But., NS, LKRŽ, DLKŽ*); слово переведено в 3 а. п. только в окраинных юговосточных даукских (*Armoniškės, Dieveniškės, Lazūnai, Švenčionėliai*), приморских западноукштайтских (*Gilija*) и юговосточных жемайтских (*Kelmė*) говорах, ср. карт. *LKŽ, Arumaa* 30, *Киндурис* 491, *Gerullis — Stang* 28, *Skardžius DA* 18.

< балт. **kāula*, ср. р., бар. а. п., при **kaulōs* 'стержень, стебель; кость'; ср. греч. *καλὶς* 'стебель, стержень, древко'. На образование среднего рода в балтийском указывает др.-пр. *Saulan Voc.* 155 'нога'.

Латыш. *tīlts* 'мост'. Лит. *tiltas* 'мост'; по диалектам 1 а. п. (в том числе в западноукштайтских — *Jurbarkas* — и восточных даукских — *Linkmenų* — говорах, см. *LKK* III 164, карт. *LKŽ*) наряду с 3 а. п.; 1 а. п. является литературной нормой (*Kur. Gr.* 155, Явн. *Gr.* 85, *Šlar. LL*, *Kam., But., LKRŽ, DLKŽ*).

< балт. **tilta*, ср. р., бар. а. п., при **tīlthām* 'настил из бревен'; ср. др.-инд. (RV) *tīrthām* 'дорога к водопою; брод'. Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает финск. *silta* 'мост' с конечным -а⁷⁹.

Латыш. *pilns* 'полный'. Лит. *pilnas* 'полный'; следы первоначальной баритонезы еще обнаруживаются у Донслайтиса (2x, см. *Buch AD* 71) и у Даукши (*pilnasis* 2x, производное **pilnitas* 2x), хотя у Даукши преобладает подвижная а. п. (11x, ср. еще **pilniausias* 1x, *pilnūmas* 7x, ср. *Skardžius DA* 164, 57, 150, 175, 171); перевод слова в 3 а. п. отмечается и в Катехизисе 1605 г. (Nom. Sing. fem. *pilnā* 2x 47, 48, см. *Bystroń* 55, 56).

< балт. **pilnas*, бар. а. п., при **pīnōs* 'полный'; ср. др.-инд. (RV) *pārṇōs* 'полный'.

⁷⁸ Формальный и семантический близость балтийского и древненидийского образований делает маловероятным сближение др.-инд. *tīrthām* с др.-инд. *īdrati* 'переправляется, пересекает, преодолевает' (корень **tīrH-*, ср. *Mayrhofer* I 507, *Pok.* 1074); эта этимология оставляет без объяснения главной примечательный в *tīrthām* (ср. *īdrōs*, причастие к *īdrati*).

Латыш. *ilgs* 'долгий; (устар.) длинный'. Лит. *ilgas* 'длинный, долгий'; на первоначальную 1 а. п. указывает акцентуация наречия *ilgai* в прусско-литовском районе Kurschen (Schleicher 142) и топонима *Ilgiņķai* в южнолитовском даукском районе Merkinė (Skardzius 2D 148). Слово переведено в 3 а. п. у Даукши (наречие **ilgai* 6х, производное **ilgāmas* 1х, см. Skardzius DA 174, 62) и в памятниках Прусской Литвы (NT 1701 г.: Dat. Sing. *ilgām* 341b₂₇; Ruhig DL: *ilgas*, *gā* 47b; Donelaitis 2х, см. Buch AD 71).

< балт. **ilgas*, бар. а. п. при **d{ghós* 'длинный'; ср. др.-инд. (RV) *dirghós* 'длинный; долгий'.

Латыш. *ātrs* 'быстрый; резвый, горячий; внезапный, крутой'.

< балт. **ātras*, бар. а. п. при **ētrós*⁷⁴; ср. герм. **ādrāz* (др.-в.-нем. *atar* 'быстрый').

Зап.-латыш. *jāts* (-i-основа) 'равнина дорог; сухожилье в месте сочленения костей' (ME I доп. 570)⁷⁵.

< балт. **jātis*, бар. а. п. при **jātis* 'связь, соединение'; ср. др.-инд. (Pāṇini) *yūtis* 'соединение, объединение' (Bühlingk - Roth VI 178).

Латыш. *zīdītis* 'зять', -o-основа, являющаяся, вероятно, преобразованием -i-основы, ср. зап.-латыш. *zīdītis* 'зять' (-i/o-основа); на существование -i-основы в восточнобалтийском указывает финск. *luode* 'муж сестры' (Kalima IB 142).

< балт. **zīdītis*, бар. а. п. при **zīnātis*; ср. др.-инд. (RV) *jñātis*, муж. р. 'близкий (кровный) родственник'⁷⁶.

Лит. лив. *osis* (-i-основа) 'ясень'. 1 а. п. представлена в восточнолукшайтских говорах (Gelvonai, Aplykšiai, см. LKK III 53, LM 457, Baranowski OT 6); такую акцентуацию указывает и Kur. Gr. 197⁷⁷.

< балт. **ōsis*, бар. а. п. при *ōsis* 'ясень'; ср. греч. *ἄχρωϊς* (-i/o-основа из -i-основы), жен. р. 'серебристый тополь, *Populus alba* < **-osis*⁷⁸.

Лит. *salus* 'сын'. Баритонированная а. п. представлена у Да-

⁷⁴ Здесь представлено индоевропейское чередование *ā* : *e*, не получающее еще удовлетворительного объяснения.

⁷⁵ Шире в латышском распространена вторичная -i/o-основа: зап.-латыш. *jātis* и с метатонической центр.-латыш. *jātis*, зап.-латыш. *jātis* < **jātis* 'сустан; равнина дорог'.

⁷⁶ Если латыш. *zīdītis* отражает старую -o-основу, существовавшую в балтийском наряду с -i-основой (ср. лит. *zentas* 'зять'; слав. **zety*), то это слово следует сравнивать также с окситонизованным образованием — греч. *τῆτις* 'близкий родственник (обычно брат)'.

⁷⁷ Более обычна в литовском -i/o-основа *osis*, Gen. *osio* (1 а. п. во говорах). В латышском первоначальная -i-основа утрачена повсеместно; акцентуация вторичных образований — зап.-латыш. *ibēis* (-i/o-основа), вост.-латыш., центр.-латыш. *ibīs* (-j/o-основа) — не показательна.

⁷⁸ WP I 184 отклоняет эту распространенную этимологию; *ἄχρωϊς* рассматривается здесь как производное от -i/o- и *Ἀχέρων* 'река подземного царства'.

укши (*sānus* 1x, Instr. Pl. *sānumis* 1x и производное *sānibkos* 1x наряду с девятью формами подвижной а. п. и Gen. Sing. fem. *sūnibkos* 1x, см. Skardžius DA 124, 158), в Катехизисе 1605 г. (Nom. Sing. *sānus* 92, Instr. Sing. *sānum* наряду с Gen. Sing. *sūnāns* 92, III. Sing. *sūnāp*, см. Bystroń 85, 32, 88, 58) и Библии 1755 г. (Gen. Pl. *sānā* 122a₂₀, 606a₇, Dat. Pl. *sānumis* 118b₂₀, 147a₂, 151b, Instr. Pl. *sānumis* 122b₇₋₈; в соответствующих местах издания 1735 г. знак ударения отсутствует); на перевод слова в подвижную или смешанную а. п. указывают Ruhig LD: *Sānūs, paūs* 145b, Nesselmann: *Sānūs* 471. В современных диалектах и литературном языке слово переведено в 3 а. п. (*sānūs*, Gen. *sūnāns*).

< балт. **sānus*, бар. а. п., при **sānūs* 'сын'; ср. др.-инд. (RV) *sānās* 'сын'.

Латыш. *vējs* 'ветер'. Лит. *vėjas* 'ветер'; 1 а. п. представлена у Даукши (2x, см. Skardžius DA 75), Донелайтиса (4x, см. Buch AD 30), повсеместно по диалектам и в литературном языке (Kur. Gr. 155, Яви. Gr. 85, Šlap. LL, Jabl. 4 74, Kam., LKRŽ, DLKŽ). В литовском обнаруживаются следы первоначальной -ā-основы, ср. диалектные формы Loc. Sing. *vėjafe*, Voc. Sing. *vėjai* (южные западноукштайтские говоры, см. MADA 9(2), 163), ср. J. Kazlauskas. Daiktavardžių (*i*)ų linksnėlavimo ypatumai. — LKK, t. II, стр. 22.

< балт. **vėjus*, бар. а. п., при **vėjūs* 'ветер'; ср. др.-инд. (RV) *vājūs* 'ветер, бог ветра'.

Лит. *piemio* 'пастух'. 1 а. п. представлена у Даукши (4x наряду с 15 формами 3 а. п., см. Skardžius DA 128). Перевод слова в 3 а. п. отмечен в Universitas (Gen. Sing. *piēmenies* 10 = **piēmenies* < **piēmenēs*), у Донелайтиса (1x, см. Buch AD 64) и в словаре Нессельмана (Nesselmann: Gen. Sing. *Pēmenēs* 283); такая акцентуация господствует по диалектам (в том числе в жемайтских говорах — Viečkiai, Telšiai, см. LM 348, 359) и в литературном языке (Kur. Gr. 207, Яви. Gr. 78, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< балт. **rbūtō(n)* или *reūtō(n)*, бар. а. п., при **rbūtēn* 'пастух'; ср. греч. *βοῦρ* 'пастух' < **rbūtēn* (ср. *πάς* 'стадо').

Зап.-латыш. *liēmenis*, вост.-латыш. *Piemenis* < **liēmenis* 'болотистое, низменное место'; латышские формы (-*jo*-основа) являются, вероятно, преобразованием -*tōn* / *men*-основы **liētmio*.

< балт. **lėitō(n)*, бар. а. п., при **lėitōn* 'важное место'; ср. греч. *λαίριον* 'важный луг'.

Латыш. *māte* 'мать'. Лит. (устар., диал.) *motė* 'жена'; 1 а. п. представлена у Даукши (17x, см. Skardžius DA 127), в Катехизисе 1605 г. (*mōte* 84, Gen. Sing. *mōteres* 70, Gen. Pl. *mōteri* 48, см. Bystroń 79, 70, 56) и в памятниках Прусской Литвы (NT 1701 г.: Gen. Pl. *mōterā* 15b; Biblia 1735: Gen. Pl. *mōterā* 4

126a; Biblia 1755 г.: Gen. Pl. *mōterā* 277b; Ruhig LD: *Mōtē*, *Mōteribkas* 90a; Donelaitis 6x, см. Buch AD 64); такую же акцентуацию указывают NS, DLKŽ. Слово переведено в 3 а. п. (*motē*) в восточных латвиских (Tverečius, Švenčionėliai, Armoniškės, см. Otrębski WNT I 249, Киндурис 140, карт. LKŽ) и западнолукшайтских говорах (говоры капсов, см. MADA 2(7), 170, так же Kur. Gr. 210)¹⁹.

< балт. **mōtē*, бар. а. п., при **mōtēr* 'мать'; ср. др.-инд. (RV) *matā* 'мать', греч. Gen. Sing. μήτηρ (в Nom. Sing. μήτηρ 'мать' баритонеза вторична), germ. **modēr* 'мать' (др.-в.-нем. *muoter*, др.-сакс. *mōdar*, др.-фриз. *mōder*, др.-англ. *modor*).

Латыш. *diēveris* (*-ijo*-основа) 'деверь'. Лит. *dieveris* (*-i*-основа) 'деверь'; 1 а. п. представлена в диалектах (в том числе в жемайтских говорах — Kvedarna, Rietavas, Veliuona, см. карт. LKŽ), такую акцентуацию указывает LKRŽ. Вариант с 3 а. п. (*dieveris*, *-i*-основа, и *dieverys*, *-ijo*-основа) известен в диалектах и литературном языке (Kur. LD, Šlap. LR, Kam., Fulst, NS, LKRŽ). Латышская и литовские формы являются преобразованиями исходной основы на *-r* (ср. Gen. Sing. *dievērs* наряду с *dieverīs*, по данным Kur. LD 87).

< балт. **dāivē*, бар. а. п., при **daiyēr* 'деверь'; ср. др.-инд. (RV) *dēud* '(младший) брат супруга', греч. δάτερ 'деверь' < **daiyē* (ср. Szwyzer I 266).

Лит. *mėnuo*, Gen. *mėnesio* (*-ijo*-основа в косвенных падежах) 'месяц'. 1 а. п. представлена у Ляукши (5x, см. Skardžius DA 125), в словаре Рунга (Ruhig LD: *Jaun-Mėnū* 47a), в большинстве диалектов (в том числе в южнолитовских латвиских говорах — Marcinkonys, см. Doritsch CCXXIV) и литературном языке (Kur. Gr. 205, Явн. Gr. 78, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Слово переведено в 3 а. п. только в ряде западнолукшайтских говоров бывшей прусской Литвы (Ragainė — Ragnit, Pilkalnis — Pilkallen) и соседних районов (Pilviškiai, Višakio Rūda), см. Doritsch CCXXIV, MADA 7(2), 169. Латыш. *mēness* 'месяц' (*-i*-основа) отражает обобщение основы косвенных падежей в Nom. Sing. Исходная балтийская парадигма может быть реконструирована так: Nom. Sing. **mėnō*, Gen. Sing. **mėneses* (основа на *-es* в косвенных падежах).

< балт. **mėnō*, *mėneses*, бар. а. п., при **mėnōt* 'месяц'; ср. germ. **mēnōþ* 'месяц', корневая основа с обобщением форманта Nom. Sing. в парадигме (гот. *mēnōþs*, Dat. Pl. *mēnōþum*, др.-в.-нем. *mānōd*, др.-фриз. *mōnath*, др.-англ. *mōnath*).

Первоначальная баритонеза со сменной интонацией в корне представлялась в двух случаях.

Лит. *pūgai* 'озимые хлеба'. Это слово, известное только же-

¹⁹ Таким образом, отнесение К. Бугай формы *matē* к числу несуществующих (Вага II 710) было преждевременным.

майским диалектам, выступает со 2 а. п. (Klaipėda, Kretinga, Seda, Darbėnai, Kėdarna, см. Nesselmann 298, карт. LKŽ, Янн. Гр. 84) и с 4 а. п. (Mosėdis, Salantai, Veiviržėnai и др.); литературной нормой является 4 а. п. (Šlap. LL, LKRŽ, DLKŽ; Кам.: 2 а. п. или 4 а. п.). В латыш. *pārī* (-ījo- основа) 'озимые' еще сохранено указание на первоначальную интонацию корня.

< балт. **pārī*, бар. а. п., при **pārōs* 'злак'; ср. греч. *πίρος* 'пшеница; пшеничное зерно'.

Лит. *korys*, ст.-лит. *koris* 'пчелиный сот'. 2 а. п. представлена в Universitas (*kāris* 9, ср. IF VII, 3-4, стр. 242) и словарях Рунга, Мнявке и Нессельмана (Ruhig DL: *Kōris* 74a, так же Mielcke DL 98; Nesselmann: *Kōris* 205). Слово переведено в 4 а. п. по говорам (в том числе в восточноукшайтских говорах — Dusetos, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 162, Янн. Гр. 98, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ).

< **kārijom* 'соты'; ср. греч. *κρίον* 'медовые соты, воск' < *κρίβη*⁸⁰ с оттягиванием ударения по закону Уилера⁸¹.

§ 31. Оттягивание ударения на долготный слог („правило Хирта“). Большое количество надежных соответствий типа „балтийские баритонированные образования с долготным корнем — индоевропейские образования с подвижно-оксентонированной а. п.“ делает весьма шаткой позицию исследователей, не признающих существования какой бы то ни было закономерности в данном случае. Речь явно идет не об отдельных примерах, объясняющихся колебаниями места ударения в разных индоевропейских языках, как полагали А. Мейе⁸², Н. Ван-Бейк (Wijk Systeme 60), Т. Торбьернссон (Torbiörnsson LA 52).

Налицо определенное противоречие между балтийским распределением имен с долготным корнем и соответствующими данными древнеиндийского, греческого и германских языков. Так как такого противоречия не обнаруживается у имен с краткостным корнем, следует, по-видимому, предположить какую-то акцентуационную инновацию, связанную со структурой корневого слога, в одной из противостоящих друг другу групп языков. Определить, в какой именно языковой группе следует предполагать инновацию, можно лишь после изучения распределения

⁸⁰ В греческом, по-видимому, распространилась ионическая по происхождению форма с -γ- < -δ- (**κδρῖον*), ср. *Βοῖρας* 450, *Ροκ*. 532.

⁸¹ Нельзя не отметить, что все рассмотренные случаи появления в литовском циркумфлексной интонации вместо ожидаемой акутовой на долготном слоге (*dīrėdā*, *korgā*, *pārāi*) принадлежат к одному лексическому кругу (земледельческая лексика). Не отражают ли эти слова единственное в литовском на акцентуационном уровне с иным характером интонаций (языки типа древнепрусского или латышского, где старый акцент — восходящая интонация)?

⁸² А. Meillet. Sur l'accentuation des noms en indo-européen. — MSL, vol. XIX, 1914, стр. 67.

имен с различной корневой структурой по разным акцентуационным классам.

Попытка объяснить упомянутое выше противоречие была сделана в 1895 г. Г. Хиртом. Исходя из положения, согласно которому совокупность показаний древнеиндийского, греческого и германских языков позволяет реконструировать индоевропейское место ударения, Хирт предположил, что в балтийском прошёл процесс оттягивания ударения с конечного слога на корневой, если в корневом слоге была долгий гласный (Hirt IA 58): так ряд индоевропейских окситонированных образований был переведен в балтийском в баритонированный акцентуационный класс. По мнению Хирта, первоначальные окситонированные имена, представляющие в балтийском подвижную а. п., как правило содержат в корне сочетание кратких дифтонгов со *schwa* *grīshim* (ā); эти сочетания были еще двухсложными в период оттягивания ударения: преобразование *-grā-* в *-grī-* произошло уже тогда, когда процесс оттягивания ударения на долгий потерял свою актуальность. Так возникли имена с долготным корнем и подвижной а. п.⁶³

Минимальное количество надежных соответствий, имевшихся в распоряжении Хирта, в значительной степени определяло дальнейшую судьбу этой идеи. При скудности фактического материала всегда существовали основания для возражений типа замечания Ван-Вейка, полагавшего, что действительное распределение имен между баритонированным и подвижным акцентуационными классами отнюдь не совпадает с распределением по противопоставлению „корень с долгим гласным — корень с кратким дифтонгом + а“ (Wijk Systeme 56). Соображения такого рода вынудили в конце концов самого Хирта заменить свою первоначальную формулировку менее определенной, но едва ли более доказательной гипотезой: после оттягивания ударения на акцентированный корневой слог любого происхождения в балтийском часть имен с долготным корнем вновь перешла в окситонированный (т. е. подвижный) акцентуационный класс, так как имена с краткостным корнем распределялись по двум акцентуационным классам (Hirt Akzent 172). Такое объяснение фактически приближается к объяснению Е. Куриловича, принимающего совпадение индоевропейских баритонированных и окситонированных имен с долготным корнем в балтийских (балто-славянских) баритонированных образованиях и вторичное введение окситонезы

⁶³ Хирт писал, собственно, о первоначально окситонированной в балтийском а. п. Чтобы объяснить преобразование „окситонеза > подвижность“ у имен с долготным корнем, он предложил еще один (более поздний) процесс оттягивания ударения: вновь возникшие из сочетаний типа *-grā-* долготные (акцентированные) слоги перетягивали ударение с конечных акцентированных слогов. Эта гипотеза не учитывает однородности предполагаемого изменения „окситонеза > подвижность“ у имен с долготным и краткостным корнем.

у мотивированных (в балто-славянском) имен (Kurylowicz *Assentuation* 200, 341). И подания концепция Хирта, и построение Курналовича фактически признают невозможность рационального ответа на вопрос, почему определенные индоевропейские по происхождению образования с долготным корнем переведены в подвижный (окситонированный) акцентуационный класс (например, латыш. *līdzs*), в то время как другие сохраняют баритонезу (например, латыш. *piļns*).

Раннюю концепцию Хирта пытался реабилитировать Дж. Бонфанте. На обширном новом материале он хотел показать, что имена, представляющие подвижную а. п. в балтийском, как правило, имеют в корневом слоге сочетание краткого дифтонга с *ə*⁸⁴ или долгий апофонический гласный⁸⁵. Таким образом, по Бонфанте, процесс оттягивания ударения имел место лишь в том случае, если в корне был долгий неапофонический гласный (восходящий к сочетанию краткого гласного с ларингальным). К сожалению, сопоставления, подкреплявшие эту идею Бонфанте, не всегда были удовлетворительными; он, как правило, ограничивался сближением однокоренных слов, в то время как доказательным в данном случае мог быть лишь материал, полученный в результате сопоставления полностью идентичных образований.

Приведенные выше данные более строгого сопоставления позволяют в определенных пределах проверить концепцию Хирта—Бонфанте. По-видимому, можно утверждать, что фактическое распределение по акцентуационным классам балтийских имен, соответствующих окситонированным образованиям других индоевропейских языков, не противоречит этой концепции. В самом деле, все имена с баритонированной а. п. в балтийском, где, по Хирту и Бонфанте, следует предполагать оттягивание ударения на корневой слог, имеют в корне долгий неапофонический гласный, долгий сонант или долгий дифтонг (т. е. сочетание долгого неапофонического гласного с сонантом). Неапофонические долгие в корне содержат балт. **dōna*, **snātija*, **ātras*, **znōtis* (или **znōtas*), **ōsis*, **vėjus*, **mōte*, **mēno*⁸⁶; долгие слоговые сонанты (из сочетания кратких слоговых сонантов с ларингальными) в корне имеют балт. **grīva*, **vīras*, **dāmai*, **pāras*, **līta* (< **t{tom}*), **pīlnas* (< **p{nos}*), **līgas* (< **d{ghos}*) **jātis*, **sānus*; долгие дифтонги представлены в балт. **krāukā*, **kāula*,

⁸⁴ G. Bonfante. L'accento dei nomi lituani del tipo Nom. Sing. *kėlmas* : Plur. *kėlmai*. — StB, vol. 6, 1936—1937, см. в особенности стр. 119—120.

⁸⁵ G. Bonfante. L'accento lettone gautošien (') e l'acute mobile" lituano. — StB, vol. 4, 1934, стр. 124—131.

⁸⁶ Слова с *-ā* в корне указывают на неапофонический гласный с низким тембром а. Слова с *-ō* и *-e* не имеют однокоренных образований с краткими *-ā*-, *-e*-, которые могли бы указывать на ступень удлинения в корне.

páimō* (páimō*) **léimō*, **dáipe*⁸⁷. С другой стороны, имена с подвижной а. п. обнаруживают сочетание краткого дифтонга с *я* в корне: **loragōs* (ср. лит. *lázti* 'ломать' < **laǵ* < **luHǵ*), **tenarōs* (ср. греч. *τῆναρος*, лит. *tinti* 'разбухать' < **tǵ* < **tǵH*), возможно и **jānagōm* (лит. *jūngas*) с нификсом -*лэ*; в одном случае (балт. **pēda*, подв. а. п.) в корне обнаруживается апофонический долгий гласный (ср. лат. *pēs*, Гер. *pedis*, греч. *πῆδο* и т. п., корень **ped-*). Таким образом, объяснение Хирта может быть принято в качестве рабочей гипотезы. Хотя число точных сопоставлений с отсутствием оттягивания ударения невелико, важно, что все образования, где наблюдается процесс оттягивания, имеют одинаковую характеристику корневого слога.

Итак, можно допустить, что несоответствие в акцентуации ряда слов между балтийским, с одной стороны, и древнеиндийским, греческим, германскими языками — с другой, связано с тем, что в корне этих слов была представлен долгий неапофонический слоговой элемент, т. е. слоговой элемент, долгота которого возникала в результате падения ларингальных после слогаобразующего звука (**dhōnā* < **dhoHnā*, **grīuā* < **grīHuā*, **kaulōs* < **keHfulos*); в тех же случаях, когда в корне была представлен первоначально краткий (**tenarōs* < **tenHuōs*, ларингальный давал *schwa primum* после неслогообразующего) или долгий апофонический элемент (**pēdom*), т. е. там, где не возникало новых долгот, несоответствия в акцентуации не существовало. Если акцентуационная инновация отражена в балтийском, следует предполагать (вместе с Хиртом и Бонфанте) оттягивание ударения на корень с долгим неапофоническим слоговым элементом; если балтийский сохраняет более раннее состояние, нужно восстанавливать перенос ударения с корня с долгим неапофоническим слоговым элементом на конечный слог в древнеиндийском, греческом и германском. Но последний вариант неприемлем ввиду того, что имеются случаи соответствия балтийских баритонированных образований с долгим неапофоническим слоговым элементом баритонированным образованиям других индоевропейских языков, ср., например, балт. **ŕīnā* и др.-инд. *ṛnā* < **uHnā* < **uHnā*. Остается принять, следовательно, что балтийское состояние — результат процесса оттягивания ударения.

§ 32. Возможное условие процесса оттягивания ударения. Связывая процесс оттягивания ударения с определенной структурой корневого слога, мы уже а priori можем ожидать, что в тех случаях, когда за слогом, способным оттянуть ударение, следует подударный слог такой же структуры

⁸⁷ Герм. *Arōpō* с выпадением второго элемента дифтонга указывает на долгий дифтонг в **arōpō*; греч. -*αι*- в *καίρῳ*; и *αι*- в *δαίρῳ* подтверждают *-αι*- в *ῥι-* в **kaula* и **dáipe*; греч. *πῶ* 'стадо' требует восстановления **páimō* (**páimō*); слав. *lějo* 'лѡю' предполагает **léimō*.

(т. е. с долгим неапофоническим слоговым элементом), передвижения ударения не происходит. В первоначально окситонированном Nom. Sing. -ā-основ, где могла бы обнаружиться эта закономерность, по-видимому, рано было проведено выравнивание (ср. латыш. *diðla*, лит. *dāola*, как Геп. *dāolos* и т. п.). Зато Nom.-Acc. Pl. -o-основ среднего рода, окситонированных по мн. ч., еще сохранял первоначальную акцентуацию в период перед закреплением начального ударения в латышском. Так, в соответствии с окситонированным **pālijā*, мн. ч. к образованию **pālijot* 'нечто испорченное, гнилое' (ср. др.-инд. [RV] *pāijam* 'пустое зерно') представлено зап.-латыш. *pāji*, мн. ч. 'головня' < **pāji* < **pāliai* без оттягивания ударения на слог с -ā-. Литовские данные указывают на выравнивание по падежам, где прошло оттягивание ударения (Геп. Pl. *pāliq* и т. п.); лит. *pāliai* 'гнои' известно только с 1 а. п. в памятниках Прусской Литвы (Ruhig DL: *pālei* 117a; Грамота 1769 г.: Nom. Pl. *Pālei* 2x, Instr. Pl. *Pāleis*, недатированная грамота: *Pālei*, см. PVG 281, 290, 283, 607) и в литературном языке (Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). После закрепления начального ударения в латышском прерывистая интонация ~, возникшая в Nom.-Acc. Sing. у первоначальных имен среднего рода, окситонированных по мн. ч. и баритонированных в ед. ч., была распространена на всю парадигму, как и во всех прочих случаях чередования ~ и ~ в парадигме. В литовском во всех случаях такого рода была обобщена баритонеза. Так объясняются случаи видимого несоответствия латышской и литовской акцентуации в старых образованиях среднего рода, ср. латыш. *kāiſs* 'ковш, черпак; череп' при лит. *kāiſas* 'черпак; череп', 1 а. п. у Донелайтиса, в литературном языке и во всех диалектах, кроме южных лзукских (на первоначальный средний род указывает финск. *kauha* 'ковш, черпак', на баритонезу — др.-инд. [RV] *kāśas* 'сосуд, чан')⁸⁰; латыш. *krēsls* 'стул; деревянная решетка прялки' при лит. *krėslas* 'стул, кресло', 1 а. п. и 3 а. п. по диалектам (на средний род указывает др.-пр. *Creslan* Voc. 217 'стул со спинкой', слав. **krēslo*); латыш. *siets* 'сито; бердо' при лит. *sietas* 'сито', 1 и 3 а. п. (ср. слав. **sito*); латыш. *vāks* 'покрышка' при лит. *vokas* 'веко; покрышка', 1 и 3 а. п. (ср. слав. **věko*)⁸¹.

⁸⁰ В восточнобалтийском наряду с формой ср. р. (= лит. *saucim* 'кубок') существовала, вероятно, и форма муж. р., идентичная древнеславянской, ср. вепс. *kāpax* наряду с *kāpā* (< **kauha*). см. Kallma IB 112. Акцентуацию этого баритонированного образования муж. р. может быть, отражает вост.-латыш. *kāims* (ME II 178), если эта форма восходит к **kauha*.

⁸¹ Аналогичные отношения обнаруживает латыш. *āķis* 'плуг' при лит. *ārklas*, 1 и 3 а. п.; здесь представлено баритонированное в ед. ч. образование ср. р. с корисным слогом, не оттягивающим ударения, **drāliom* (ср. греч. [критск.] *ἄρατρον*, *ἀράτρον* < **ἰράτρον* < **drātrōm*).

§ 33. Поздние процессы выравнивания акцентуационных парадигм в литовском. Тенденция к введению подвижной а. п. вместо первоначальной баритонированной проявляется в литовском и у имен с долготным корнем (ср., например, варианты с 3 а. п. у слов *vėidas, tiltas, kūlas*). С другой стороны, в тех литовских диалектах, где хорошо сохранялась баритонированная а. п., такую же акцентуацию усвоил ряд имен, относившихся к подвижному акцентуационному классу, который был первоначально немногочисленным⁹⁰ (ср. варианты с 1 а. п. у слов *pėdas, jūngas, vėnas*).

Такое смещение первоначальных отношений в литовских диалектах значительно обесценивает литовские данные; отсутствие решающих показаний латышского языка во многих случаях не позволяет надежно реконструировать акцентуационную парадигму слова в балтийском. Так, мы не можем сказать с уверенностью, отражает ли, например, лит. *žėnas* 'зять' (1 или 3 а. п.) баритонированную а. п. в соответствии с герм. **kinja*, ср. р. 'ребенок' (др.-в.-нем. *kind*; но др.-сакс. *kind* < **kinda*) и представляет ли лит. *ūgnas* 'огня' (1, 3 или 4 а. п.) балтийскую баритонезу как результат оттягивания ударения на корень (ср. др.-инд. [RV] *āruś* 'стойло; темница, подземелье'). С другой стороны, лит. *spūrgas* 'почка; мохра, бахрома' или *juosmuš* 'пояс', известные только с 3 а. п., еще не дают основания для восстановления исходной подвижной а. п., которая не соответствовала бы баритонезе греч. *ἰσπράγος*, (аттич.) *ἰσπράγος* 'молодой побег; спаржа' и греч. *ζώνη* 'пояс; боевой защитный передник'.

* * *

§ 34. Распределение имен по акцентуационным парадигмам в восточнобалтийском. Рассмотрение акцентуации литовских имен с краткостным корнем приводит к выводу, полностью подтверждающему гипотезу Ф. де Соссюра: имена с баритонированной а. п. в индоевропейском представляют баритонированную а. п. в литовском, имена с подвижно-окситонированной а. п. в индоевропейском — подвижную а. п. в литовском. Этот вывод противоречит концепции Е. Куриловича о совпадении двух индоевропейских парадигм имен с краткостным корнем в одной подвижной а. п. Он основывается на достаточно большом числе соответствий.

⁹⁰ Тип -ā-основ с долготным корнем и подвижной а. п. остался весьма немногочисленным, так что его, как известно, вообще не зарегистрировал в своей грамматике Ф. Куршат; в других типах основ многочисленность слов этого акцентуационного класса объясняется, как было указано выше, вторичным введением подвижной а. п.

adva 2: ap.-ana. adva
 lankā 2/4: rpev. lankā
 veta 2/4: ap.-n.-nem. veta
 dujā 2/4: rpev. dua
 rankā 2: ap.-ana. rankā
 musā 2/4: rpev. musā
 miglā 2/4: rpev. miglā
 sulā (2)/4: ap.-ana. sulā
 blusā 2: rpev. blusā
 kuprā 2/4: ap.-n.-nem. kuprā

rambas 2/4: ap.-ana. rambas
 rānas 2: ap.-ana. rānas
 saikas 2/4: ap.-ana. saikas
 kaikas 2/4: ap.-ana. kaikas
 āpas 2/4: ap.-ana. āpas
 arda 2/4: ap.-ana. arda
 javai (2)/4: ap.-ana. javai
 āpas (2)/4: ap.-ana. āpas
 vālas 2/4: ap.-ana. vālas
 vālas 2/4: rpev. vālas
 vālas 2/4: rpev. vālas
 kaipas 2/4: ap.-n.-nem. kaipas
 laikas (2)/4: ap.-n.-nem. laikas
 ālas 2/4: rpev. ālas
 nāpas 2/4: rpev. nāpas
 vākas 1/3: rpev. vākas
 ākas 2/4: ap.-n.-nem. ākas
 kāpas 2/4: rpev. kāpas
 kvāpas 2/4: Has. kvāpas

saikas 2/4: ap.-n.-nem. saikas
 mādhas 2/4: ap.-ana. mādhas
 saipas 2/4: ap.-ana. saipas
 vākas 2/4: ap.-ana. vākas
 pādas 2: rpev. pādas
 paipas 2/4: ap.-n.-nem. paipas
 paikas 2/4: ap.-ana. paikas
 kōtas 2/4: rpev. kōtas
 lūpas 2: rpev. lūpas

algā 4: rpev. algā
 kalnā 4/1: rpev. kalnā
 zalā 4: rpev. zalā
 lentā 4: ap.-n.-nem. lentā
 tantā 4: ap.-n.-nem. tantā
 svavā 4: rpev. svavā
 samdhā 4: ap.-ana. samdhā
 sakā 4: ap.-n.-nem. sakā
 rasā 4: ap.-ana. rasā
 skalā 4: ap.-ana. skalā
 tarpā 4/1: ap.-n.-nem. tarpā
 vīkā 4/1: ap.-ana. vīkā
 spandā 4: rpev. spandā
 brankā 4: ap.-ana. brankā

ālas 4: rpev. ālas
 sakā 4: rpev. sakā
 diavas 4: ap.-ana. diavas
 mēgas 4: ap.-ana. mēgas
 vākas 4: rpev. vākas
 strādas 4: rpev. strādas
 gānas 4: ap.-ana. gānas
 raupai 4: ap.-n.-nem. raupai
 stambas 4/3: ap.-ana. stambas
 maitas 4/3: ap.-ana. maitas
 baigas 4: ap.-ana. baigas
 *zāras 4: rpev. zāras
 dūgas 4: ap.-ana. dūgas

krājas 4: ap.-ana. krājas
 laikas 4: rpev. laikas
 blākas 4: ap.-ana. blākas
 spāpas 4: ap.-ana. spāpas
 lūdas 4: ap.-ana. lūdas
 kōkas 4: ap.-ana. kōkas
 nāgas 4: ap.-ana. nāgas
 sīmtas 4/2: ap.-ana. sīmtas

Бертономированные а. н. в литовском	Подлинно-окситонированные а. н. в литовском
apūliai 2: Нес. apūlis namai 2/4: [греч. ναῦς] laūpai 2: [др.-в.-нем. laub] sēnas (2)/4: др.-инд. sēnas aštatas 1/3: др.-инд. āstatas paūjas (2)/4: др.-инд. pāvyas dėšinas (1)/3: др.-инд. dākṣinas sėkmas (2)/4: греч. ἰσχυρός žėstras (2)/4: греч. ὄστρε pilis 2/4: греч. πόλις dešimtis 1/3: др.-сканд. tэнд pats (2)/4: др.-инд. pātis naktis (2)/4: др.-инд. nāktis avis (2)/4: др.-инд. āvis kirmis 2/4: др.-инд. kṛmis debasis 1/3: др.-инд. dābhās pėkas 2: др.-инд. pāṇu akmuo 1/3: др.-инд. ātmā sesuo 1/3: др.-инд. svāsā mante 2/4: др.-инд. māntā žakė 2: др.-инд. śākā *	linai 4: [греч. λίνον] plaušai 4: [др.-в.-нем. vliu] raišai 4: [др.-инд. rēśas] lipai 4: [греч. λίπος] В литовском обобщена подлинная а. н. mintis 4: др.-инд. matīś kinis 4: др.-инд. khañis grandis 4: др.-инд. grañhis dėkiš 4: др.-инд. duhitā

* Частичка может означать эту сводку в соответствующей сводке материала, данной Е. Курловичем (Kurylowicz Association 196—199).

Отклонения от описанного распределения таковы:

Бертономированные а. н. в литовском	Подлинно-окситонированные а. н. в литовском
krušė 4: др.-в.-нем. rosa vilkas 4: др.-инд. vīkas māžas 4: греч. μάχος ivėžuras 3: др.-инд. ivāḍuras gufnas 4: Нес. γάρβος launis 4: др.-инд. lōñis medūs 4: др.-инд. mādhu	gižė 2/4: др.-инд. jīḥ pižėtas 2: др.-инд. pṛjāṭam skėstas 2/4: др.-в.-нем. scit

Анализ распределения имен с долготным корнем в литовском и литовском подтверждает идею Г. Хирта об оттягивании ударения на долготный слог особого качества (с долгим неапофонетическим слоговым элементом). В результате этого процесса оття-

гивания ударения целым ряд индоевропейских образований с подвижно-окситонированной а. п. представляет баритонезу в восточнобалтийском.

латыш. <i>duša</i>	: др.-инд.	<i>dhānās</i>	лит.	<i>dušis</i> 1	: греч.	<i>δυσωί</i>
<i>grīva</i>	: др.-инд.	<i>grīvā</i>		<i>sonus</i> 1 3	: др.-инд.	<i>sonās</i>
<i>snāte</i>	: др.-инд.	<i>snōd</i>	латыш.	<i>vējs</i>	: др.-инд.	<i>vāyās</i>
<i>virš</i>	: др.-инд.	<i>virās</i>	лит.	<i>piemuo</i> 1/3	: греч.	<i>ποικυ</i>
<i>dūmi</i>	: др.-инд.	<i>dhumās</i>	латыш.	<i>līmenis</i>	: греч.	<i>λαμπν</i>
<i>kauls</i>	: греч.	<i>καυλς</i>		<i>māte</i>	: др.-инд.	<i>matē</i>
<i>tilts</i>	: др.-инд.	<i>tirthām</i>		<i>dīvēris</i>	: др.-инд.	<i>devā</i>
<i>pīlns</i>	: др.-инд.	<i>pūrghās</i>	лит.	<i>memuo</i> 1/3	: др.-в.-нем.	<i>mānōd</i>
<i>ilgs</i>	: др.-инд.	<i>dīrghās</i>		[<i>pūrai</i> 2/4	: греч.	<i>πῶρις</i>]
<i>ātra</i>	: др.-в.-нем.	<i>ātar</i>		[<i>korys</i> 2.4	: греч.	<i>κρυς</i>]
<i>jūts</i>	: др.-инд.	<i>yūtis</i>				
<i>znuōšs</i>	: др.-инд.	<i>jñātis</i>				

Если оставить в стороне эту группу имен, где изменение акцентуации — результат древнего (как мы увидим ниже, отраженного не только в балтийском) процесса оттягивания ударения, у имен с долготным корнем обнаруживается такое же распределение по акцентуационным парадигмам, как у имен с краткостным корнем.

Баритонированная а. п. в индоевропейском	Подвижно-окситонированная а. п. в индоевропейском
латыш. <i>vīlne</i> : др.-инд. <i>śrēṇ</i> <i>iēva</i> : греч. <i>ἰα</i> <i>jēga</i> : греч. <i>ἰγῆ</i> лит. <i>piēva</i> 1: греч. <i>πία</i> латыш. <i>sārma</i> : греч. <i>σάρμας</i> лит. <i>jaujas</i> 1: др.-инд. <i>yānīas</i> <i>gūltas</i> 1: др.-инд. <i>koldar</i> латыш. <i>veids</i> : др.-инд. <i>vīdās</i> <i>pīfmašs</i> : др.-инд. <i>pūrvas</i> <i>mašs</i> : греч. <i>μῆας</i> лит. <i>rāšas</i> 1/3: др.-инд. <i>vrāh</i> <i>āntis</i> 1: др.-инд. <i>anēd</i> <i>stomuo</i> 1/3: др.-инд. <i>sthāma</i> [<i>dirvā</i> 2,4: др.-инд. <i>dūrva</i>]	латыш. <i>laūzs</i> : др.-инд. <i>logās</i> <i>rēds</i> : греч. <i>ρεῖον</i> <i>jāgs</i> : греч. <i>ζυγῶν</i> <i>tiēns</i> : греч. <i>ταυῖς</i> <i>vīlms</i> : греч. <i>σῖνς</i>

§ 35. Данные древнепрусского языка. Описанное выше распределение имен по акцентуационным парадигмам в литовском и латышском языках весьма близко к аналогичному распределению в других индоевропейских языках и, следовательно, во многом отражает общебалтийское состояние. Это предположение подтверждает анализ весьма скудных, к сожалению, данных древнепрусского языка.

В работах Ф. Ф. Фортунатова, Э. Бернекера, Р. Траутмана уже давно было предложено акцентологическое истолкование графики древнепрусского Эхиридуна 1561 г. В этом памятнике знаком — отмечались подударные долгие гласные; таковыми были исконные долгие, удлинённые краткие в первой части дифтонгических сочетаний с нисходящей интонацией и долгие гласные во второй части дифтонгов, развившихся из *i* и *a*⁹¹. Менее последовательно отмечались подударные краткие: обычно в таких случаях удваивался последующий согласный; после предударных и заударных кратких мог наряду с удвоенным выступать и не-удвоенный согласный (ср. Trautmann AP 196–197).

Среди имен с кратким дифтонгом или дифтонгическим сочетанием в корне в Эхиридуна можно выделить две категории: часть имен последовательно (за исключением отдельных опечаток) имеет знак долготы на гласном в дифтонгическом сочетании; другая группа имен, как правило, представляет краткость гласного. Фортунатов первый отметил, что последняя группа имен часто имеет соответствия в литовском в виде имен с подвижной а. п.⁹², ср. др.-пр. *deinan* 'день', *tautan* 'страну', *deīwas* (*deīwan*) 'бог', *waix* (*waikan*) 'слуга' при лит. *dienà*, *tautà* 'народ', *dīėwas*, *vaikas* 'ребенок', представляющих 4 а. п. С другой стороны, в соответствии с др.-пр. *weisia* 'плод', *rānkā* 'руку', *pirstāns* 'палец', *swāigstān* 'сияние' в литовском засвидетельствованы *vaisius*, *rankà*, *pīstas* — 2 а. п., *įvaisgde* 'звезда' — 2 и 4 а. п. Такое соотношение в ряде случаев нарушается, в особенности у имен с дифтонгическими сочетаниями на *a*, *r*, *i*, (ср. *dangol* 'небо', *wargan* 'зло', но лит. *dangus*, *vargas* 'беда' со 2 а. п. у Даукиши и, с другой стороны, *algas*, Gen. Sing. 'плааты' при лит. *algà*, 4 а. п. (на это несоответствие обратил внимание Н. Ван-Вейк⁹³); однако общая тождественность распределения имен по двум акцентуационным парадигмам в древнепрусском и литовском налицо.

Можно не сомневаться, что древнепрусские имена с последовательной постановкой знака долготы представляют колонную баритонированную парадигму. Труднее решить, отражает ли класс имен с отсутствием знака долготы подвижную а. п., как в восточно-балтийском, или колонную окситонированную парадигму. Отсутствие удлинения в таких баритонированных в подвижной а. п. в литовском формах, как Acc. Sing. и Acc. Pl. (ср., например,

⁹¹ Попытку Э. Рысевича ревизовать учение Фортунатова о правилах постановки знака долготы в Эхиридуна (Z. Ryśiewicz. L'accentuation dell'antico prussiano. — StB, vol. VII; то же в кн. Z. Ryśiewicz. Studia językoznawcze. Wrocław, 1956, стр. 112–161) нельзя считать убедительной.

⁹² Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготы в балтийских языках. I. Ударение в прусском языке. — РФВ, кн. 33, 1895, стр. 271.

⁹³ Ср. N. van Wijk. Das Gesetz de Saussures im Altpreussischen. — Tz, kn. 2, 1924, стр. 31, 32.

др.-пр. *deiwan*, *deiwan*s при лит. *diēva*, *dievūs* < **diēva*(n)s), намекает как будто на сохранение колонной окситонезы в древнепрусском (ср. Wijk Systeme 45, Stang Accentuation 174). Однако еще Фортунатов⁹⁴ отметил наличие подвижной а. п. в древнепрусском у имен с долгим гласным в корне (ср. др.-пр. Acc. Pl. *zutrīns*, *gīuāls* при латыш. *zūērs*, *dziēs*, где прерывистая интонация указывает на первоначальную подвижную а. п.); такую же акцентуацию, по его мнению, имели имена с краткостным корнем, причем в баритонированных падежах подвижной а. п. возникала интонация, отличная от обычной нисходящей, и удлинения гласного не происходило. Едва ли правильно видеть в такой системе непосредственное отражение преобразования „окситонеза > подвижность“ (при оттягивании ударения в баритонированных формах, согласно этой концепции, возникала восходящая интонация, ср. Trautmann AP 190). Возникновение новой интонации скорее следует связывать с введением краткости вместо первоначальной долготы под влиянием окситонированных форм парадигмы (**deina*, Acc. *deīnan* > *deina*, *deinan*)⁹⁵.

Материал Энхиридиума позволяет думать о существовании двух акцентуационных парадигм и у имен с долготным корнем. Подвижную а. п. явно представляют формы Nom. Sing. *spīgsna*, Acc. Sing. *spīgsnan* 'омовение'; баритонированную а. п. отражает Nom. Pl. *wījral* 'мужи', Dat. Pl. *wījrlmans* (ср. лит. *vīrai*, *vīrams*, 1 а. п.). Последний пример вместе с формой Nom. Sing. *mātī* 'мать' указывает на то, что в древнепрусском действовал закон оттягивания ударения на корневой неапофонический долгий (ср. лит. *vīras*, *mātė*, 1 а. п., при др.-нид. *utrās*, *mātd*), являющийся, таким образом, общебалтийским⁹⁶. Общебалтийский характер, судя по данным древнепрусского, имела в основных своих чертах вся система акцентуационных парадигм, восстановленная на основании литовского и латышского материала.

⁹⁴ Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе. . . , стр. 273.

⁹⁵ Ср. Н. Hirt. Akzentstudien. — IF X, 1899, стр. 37.

⁹⁶ Ср. G. Bonfante. L'accento prussiano. — StB, vol. 2, 1932, стр. 77.

Индоевропейские акцентуационные парадигмы имен в славянском

§ 36. Источники реконструкции праславянской системы акцентуационных парадигм имени. Совокупность показаний современных славянских языков позволяет реконструировать для большинства именных основ три акцентуационные парадигмы: баритонированную, подвижную и окситонированную. Каждую из этих парадигм, кроме соответствующей акцентуационной кривой, характеризует особая интонация корневого слога. Поэтому при установлении первоначального характера акцентуационной парадигмы важны не только показания славянских языков, сохраняющих разноместное ударение и интонационные различия (сербохорватский, словенский), но в неменьшей степени и данные языков, удержавших лишь разноместное ударение (восточнославянские языки, болгарский и юговосточные сербские говоры), и языков, позволяющих реконструировать только праславянскую интонацию на основании количественных отношений (большинство западнославянских языков).

Для баритонированной а. п., кроме колонной баритонезы, сохраняемой в языках с разноместным ударением, характерна акутовая (восходящая) интонация корневого слога ($\acute{\text{~}}$). Она отражена как краткое нисходящее ударение в сербохорватском (*kráva*), как краткое нисходящее ударение в закрытом слоге (*brát*) и долгое восходящее в открытом слоге (*kráva*) — в словенском; в восточнославянских языках рефлексом акутовой интонации является подударность второго слога полногласных сочетаний (рус. *ко́рѡва*), в чешских говорах (наиболее последовательно в западночешских) ее отражает долгота старого подударного слога в односложных и двусложных словах, кроме слогов с *ř*, *ř*, (*kráva*); следы такой же рефлексации в исходных сочетаниях *tort*, *tolt*, *tert*, *telt* обнаруживает верхнедужицкий (*krówa*); в словацком, нижнедужицком и лехитских языках подударная акутовая долгота сокращена (словац. *krava*, польск. *krówa* и т. п.).

Для подвижной а. п., кроме подвижности ударения, сохраненной в ряде языков, характерна нисходящая интонация долгого ($\grave{\text{~}}$) или краткого (~) корневого слога. Нисходящая интонация на долгом — славянский циркумфлекс (~) — сохранила свой

характер в сербохорватском и в односложных формах слов в словенском (схрв. *rŭku*, слов. *grād*); в многосложных формах в словенском ударение перенесено со слога с такой интонацией на следующий слог (слов. Acc. Sing. *rokŭ* < **rŭkŭ*); в восточнославянских языках нисходящая интонация обусловила постановку ударения на первом слоге полногласных сочетаний (*город*). Во всех западнославянских языках подударная нисходящая долгота сократилась, причем краткость, как правило, введена и в тех формах подвижной а. п., где долгий слог был предударным и фонетически должен был сохранить долготу (ср. чеш. *ruka*, *ruka*)¹. Нисходящая интонация на кратком (˘) сохранена в сербохорватском в открытом слоге (*бѣду*, *бѣга*), в закрытом слоге представлено удлинение главного (*бѣи*); в той же позиции удлинение обнаруживается в словенском (*bŏg*), где в остальных случаях ударение перенесено на следующий слог (*vŏdŭ* < **vŏdŭr*, *bogŭ* < **bŏga*). В русских говорах, различающих открытый и закрытый -о-, в этом случае представлен -о- открытый (рязанск., тотемск. *бои*); аналогичное отражение -о- с нисходящей интонацией можно обнаружить в словацком языке (*boh*). Для подвижной а. п. характерен перенос ударения на проклитики и энклитики в падежах, где представлены баритонированные формы, ср. схрв. *зѣму*, рус. *зѣму* — схрв. *на зѣму*, рус. *на зѣму*, рус. диал. *зѣмѣсь* этой виной < **zimŕŕŭ*.

Окситонированная а. п. сохранена в ряде сербохорватских говоров и в восточнославянских языках; учет поздних процессов оттягивания ударения позволяет восстановить ее в большинстве сербохорватских диалектов. Более древние процессы оттягивания ударения привели к преобразованию окситонированной а. п. имен с долгим корневым слогом в баритонированную в ряде типов основ в словенском, болгарском, латвийском и полабском языках. Процесс оттягивания ударения на краткий корневой слог в этих языках проходил позднее; и в этом случае произошло преобразование окситонированной парадигмы в баритонированную в болгарском языке и большинство словенских говоров. Почти все типы основ в славянском имеют в окситонированной а. п. и баритонированные падежные формы, возникшие в результате оттягивания ударения со сверхкратких ъ, ѣ и срединных циркумфлексированных долгот; в таких формах всегда обнаруживается новоаккутовая (восходящая) интонация корневого слога — долгого (ˊ) или краткого (ˊ̣). Новоаккутовая интонация на долгом (ˊ) отражена как особая восходящая интонация в сербохорватских чакавских и посавских говорах (*dŕen*) и сохраняет

¹ Можно предположить, что в западнославянском восходящая интонация, возникшая в результате оттягивания ударения на долгий корневой слог (ср. примеч. ²), была вытеснена нисходящей интонацией, характерной для баритонированных форм подвижной а. п. (Nom. Sing. **rŭka* > **rŭka* > **rŭka* под влиянием Acc. Sing. **rŭkŭ*, ср. схрв. диал. *rŭka*, *rŭku*).

свой восходящий характер в словенском (*brěst*); в большинстве сербохорватских говоров она преобразована в нисходящую интонацию (*drěn*). Восходящий характер этой интонации обуславливает ударенность второго слога полногласных сочетаний в восточнославянском (рус. диал. *derěn*); во всех западнославянских языках отражена долгота слога с новоаккутовой интонацией² и долгота предударного слога³, так что корневой слог имен с окситонированной парадигмой всегда сохраняет долготу или ее рефлексом в виде специфической артикуляции гласных; в словацком и словинском особое отражение долготы сохранилось у всех славянских гласных фонем, в чешском его утратили *ř* и *l*, в польских диалектах — *ɹ*, *l*, *i*, *u*, *y* (в части диалектов и литературном языке также *a*, *e*), в верхнедунайском долгота получает отражение только в старых сочетаниях *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. Новоаккутовая (восходящая) интонация на кратком (´) преобразована в нисходящую интонацию в сербохорватском и словенском; удлинение в закрытом слоге здесь отсутствует (скр. *bôb*, слов. *bôb*). Русские говоры, различающие открытый и закрытый -о-, имеют в этом случае закрытый или дифтонгического характера звук (рязанск. *боб*); закрытый -о- (*ûo*) отражен — мене е последовательно — и в словацком (слук. *bôb*); в части словенских диалектов в определенных позициях *e* и *o* с новоаккутовой интонацией отражены как закрытые *ę* и *ọ*.

Важным источником при установлении первоначальной акцентуационной парадигмы слова в славянских языках, сохранивших подлинность ударения, являются акцентуированные памятники этих языков. Чрезвычайно ценны показания русских акцентуированных памятников, наиболее ранние из которых относятся к середине XIV в. (Чудовской Новый Завет⁴); многочисленные московские печатные издания XVI—XVII вв. хорошо отражают русскую систему акцентуации, частично сохращенную в настоящее время лишь окраинными севернорусскими говорами. Хотя детально исследована акцентуация лишь некоторых памятников этого круга (ср. в особенности Ch. Stang. *La langue du livre „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей“ 1647. Oslo, 1952; Домострой по Кошкинскому списку и подобным, к изданию подготовил А. Орлов, кн. 1. М., 1908), их материал широко привлекается в работах Л. А. Васильева, специально рассмотревшего памятники, различающие открытый и закрытый -о-⁵;*

² В последнем случае западнославянская долгота может означать также интонацию, подобную новоаккутовой, возникшую в результате процесса оттягивания ударения на долгий корневой слог, засвидетельствованного в польском и словинском.

³ Фототипическое издание: Новый Завет господя нашего Исуса Христа. . . М., 1892.

⁴ Л. А. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. — Сборник по русскому языку и словесности, т. 1, тетрадь 2. А., 1929.

данные памятников используют и некоторые другие исследователи⁵. Большой материал по акцентуации имен в украинских и белорусских памятниках XVI—XVIII вв. собран З. Н. Веселовской,⁶ продолжившей исследования, начатые И. Огненько и Е. Ф. Карским.

Южнославянские акцентуированные памятники отражают преимущественно болгарские и восточносербские акцентуационные системы; наибольшее значение имеют памятники XIV—XV вв., так как в более поздних текстах устанавливается каноническая расстановка знаков ударения, не отражающая уже действительного произношения. Почти полное отсутствие предварительных исследований по акцентуации южнославянских памятников (исключения составляют отдельные работы П. А. Лаврова и А. И. Ядинирского, не посвященные специально акцентологическим вопросам, но уделяющие им достаточно внимания) требует сугубой осторожности при использовании их данных. Мы, как правило, ограничиваемся надежными примерами, взятыми из наиболее интересных в акцентологическом отношении памятников, важнейшим из которых следует считать сочинение Константина Костенечского „О письменах“ (издание: И. Ягич. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке, ч. V. — Исследования по русскому языку, т. I, СПб., 1885—1895, стр. 366—581). Из сербохорватских памятников более позднего времени важны акцентуированные сочинения Ю. Крижанича (вторая половина XVII в.), впервые отметившего на письме различие в характере ударения в кайкавско-чакавских сербохорватских говорах⁷ и грамматики конца XVIII и начала XIX в., составленные на посавском и славонском диалектах⁸. Существенные дополнительные данные дает изучение болгарских акцентуированных ламаскинов XVII—XVIII вв. (ср. П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 215—229).

В ряде случаев указания на первоначальную акцентуацию

⁵ См., например, В. Кипарский. О колебаниях ударения в русском литературном языке. Односложные имена существительные. Helsinki, 1950.

⁶ См. З. Веселовская. Український наголос і словарі Беринди. — Записки историко-філологічного відділу Української Академії, кн. XXI—XXII. Київ, 1929, стр. 7—28; З. Н. Веселовська. Наголос іменників білоруської мови за пам'ятками XVII ст. у порівнянні з наголосом сучасної білоруської літературної мови. — Філологічний збірник. Київ, 1958, стр. 145—156; З. Н. Веселовська. Особливості восточнославянського ударення кінця XVI—початку XVIII в. — Ученіе записки Харківського педагогічного ін-та іноземних мов м. Н. К. Круської, т. V, 1959, стр. 27—66.

⁷ См. А. Шахматов. Юрий Крижанич о сербо-хорватском ударении. — РФВ, кн. 32, стр. 290—296, кн. 33, стр. 298—327, кн. 34, стр. 87—124, 204—222.

⁸ St. Ivšić. Akcenat u Gramatici Matije Antuna Relkovića. — Rad. knj. CXIV, стр. 1—60. St. Ivšić. Akcenat u Gramatici Ignata Alojzije Brlića, там же, стр. 61—155.

имени в славянском можно извлечь из анализа акцентуации производных. Так, Н. Ван-Вейк показал⁹, что отыменные глаголы на *-iti* имеют подвижную а. п., если они образованы от имен с подвижной а. п. (ср. рус. *голоси́шь, голосо́ит* при *голос, голосо́а*), и редуцированную а. п., если они произведены от имен с окситонированной а. п. (рус. *суди́шь, суди́т* при *суд, судо́*)¹⁰. Зависимость от акцентуационной парадигмы исходного имени обнаруживается и у производных прилагательных (ср. рус. *му́жской* при *му́ж, му́жа, му́жей*, подв. а. п., но *же́нский* при *же́н, же́нѹ*, окс. а. п.). При вторичном изменении акцентуации исходного слова данные производных приобретают большое значение.

§ 37. Из истории исследования славянской системы акцентуационных парадигм. Первая попытка связать славянскую систему акцентуационных парадигм с индоевропейской была предпринята Г. Хиртом. Он идентифицировал славянскую окситонированную а. п. с индоевропейской окситонированной, т. е. подвижно-окситонированной, а славянскую подвижную а. п. — с индоевропейской баритонированной, допуская, впрочем, возможность существования отклонений в отдельных случаях¹¹. Попытку Хирта нельзя признать удачной. Хотя количество сопоставлений типа „славянские имена с подвижной а. п. — индоевропейские баритонированные образования“ было у Хирта довольно большим (в основном *-o*-основы мужского рода), он смог привести лишь одиночные примеры на сохранение индоевропейской окситонезы в праславянском. Сопоставления Хирта, в сущности, не подвергались проверке, но его интерпретация славянского окситонированного класса имен была воспринята многими исследователями; главную причину этого, по-видимому, нужно искать в одинаковой характеристике соответствующих акцентуационных классов (окситонеза) в славянском, с одной стороны, и древнеиндийском и древнегреческом — с другой. Модификацией идеи Хирта является предположение Н. Ван-Вейка о частичном переводе старых окситонированных образований в подвижный акцентуационный класс при сохранении окситонезы у части имен (*Wijk Systeme* 55).

Противоречиво объяснение славянской системы акцентуационных парадигм, данное А. Мейе¹². Мейе обнаружил, что славянский подвижный акцентуационный класс идентичен балтий-

⁹ N. van Wijk. *Zur Betonung der Verba mit stammbildendem i.* — *ASiPh*, Bd. XXXVII, 1918, стр. 12—15.

¹⁰ Попытку В. Кипарского объяснить все глаголы редуцированного класса как результат вторичного развития на основании данных русских памятников (Кип. 316—319) нельзя признать удачной прежде всего потому, что он не учитывает словенских данных, во многих случаях согласующихся с русскими.

¹¹ H. Hirt. *Akzentstudien.* — *IF*, Bd. X, 1899, стр. 44—48.

¹² A. Meillet. *Sur l'accentuation des noms en indoeuropéen.* — *MSL*, vol. XIX, 1914, стр. 64—84.

скому¹³; это соответствие было продемонстрировано им и для имен с первоначальной акутовой интонацией корня — в этом случае в славянском возникла вторичная циркумфлексовая интонация в подвижной а. п. (см. подробнее § 62, 66). Поскольку в славянском и баритонированный класс входят только имена с акутовой интонацией корня, Мейе предположил, что баритонированные имена с краткостным корнем усвоили подвижную а. п., как только у них появились окситонированные формы в результате переноса ударения по закону Фортунатова—де Соссюра. Признавая в то же время славянскую окситонированную парадигму исконной, Мейе перенес славянскую систему на трех акцентуационных парадигм в индоевропейский, хотя в других индоевропейских языках, как правило, представлено только двучное противопоставление (баритонеза—подвижность или баритонеза—окситонеза) и нигде не обнаруживается противопоставление трючное (баритонеза—подвижность—окситонеза)¹⁴. Распространив толкование Мейе на -о-основы (Мейе, как и другие исследователи его времени, считал баритонированной подвижную а. п. -о-основ муж. р. и поэтому говорил о двучном противопоставлении в этом типе основ в славянском и индоевропейском), Хр. Станг сохранил без изменений все слабые стороны этой концепции (Stang Accentuation 174—178).

Важную роль в изучении славянской именной акцентуации сыграла полемика вокруг закона Фортунатова—де Соссюра. Формулируя правило переноса ударения, Фортунатов говорил о его действии в „литовско-славянском языке“¹⁵. Подробнее рассмотрев славянские данные, могущие указывать на перенос ударения, А. Мейе¹⁶. Мейе был достаточно осторожен при перечислении случаев переноса ударения: так, описывая преобра-

¹³ Цит. соч., стр. 72. Независимо от Мейе тождественность балтийского и славянского подвижных акцентуационных классов имен с краткостным корнем установил Ф. Седличек (Fr. Šedlček, *Přívuk podstatných jmen v jazycích slovanských*, Praha, 1914, стр. 145, 152, 160, 164); балто-славянскую подвижность, обнаруженную им во всех типах основ, он считал отражением индоевропейской окситонезы, предполагая фонетическое отставание ударения с конечных слогов в определенных условиях. Существенным недостатком этой своеобразной концепции явилось устранение как вторичного славянского окситонированного класса и фактическое игнорирование баритонированного класса имен с краткостным корнем в литовском.

¹⁴ Колебания в акцентуации греч. ἄνθρωπος, исходя из которых Мейе восстанавливал в греческом третью—подвижную парадигму -ter tr-основ (A. Meillet, *Sur l'accentuation*, ..., стр. 75), конечно, не являются достаточным основанием для принятия трючного противопоставления акцентуационных парадигм.

¹⁵ Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова „Значения главных основ в литовско-славянском языке“, — СБОРЯС, кн. LXIV, 1897, № 11, стр. 67.

¹⁶ A. Meillet, *Note sur un déplacement d'accent en slave*, — MSL, vol. XI, 1900, стр. 345—351.

зование баритонированного класса -d-основ и подвижный, он говорил о фонетическом переносе ударения лишь в Nom. Sing. на -d, рассматривая полное смещение двух классов как результат морфологического выравнивания. Позднее, однако, сферу действия закона Фортунатова—де Соссюра начали неправомерно расширять. Исследователи, принявшие тезис Хирта об отражении индоевропейских баритонированных образований в именном классе с первоначальной баритонезой в славянском, были вынуждены объяснять все случаи несакоренного ударения в подвижной а. п. как результат переноса ударения на акутированный слог. Выдвигались предположения о дополнительных условиях переноса ударения (идея Х. Педерсена о переносе ударения через слог), о возможной вторичной акутированности или циркумфлектированности ряда окончаний и т. п.¹⁷ Сложность и фактическая произвольность всех объяснений такого рода была очевидна. С возвращением к идее Мейе о тождественности подвижных парадигм в балтийском и славянском стали ненужными эти объяснения и недоказуемым перенос ударения по закону Фортунатова—де Соссюра в праславянском; такой вывод был сделан Ё. Куриловичем (J. Kurylowicz. Le problème des intonations balto-slaves. — RSI, t. X, 1931, стр. 75—80) и Х. Стангом (Stang Accentuation, 15—20). Действительно, факты отсутствия переноса ударения на акутированный слог в славянской подвижной парадигме (ср. слав. **ōba* — лит. *abū* < **ōba*, слав. Acc. Pl. **zīmy* — лит. *žiemàs* < *žiēma/n/s*) требуют отказа от закона Фортунатова—де Соссюра в его традиционной формулировке. Только новое истолкование ряда славянских данных позволяет предполагать особого рода процессы переноса ударения в праславянском (см. § 68).

Наиболее полно славянская система акцентуационных парадигм рассматривается в последних обобщающих трудах Ё. Куриловича и Х. Станга. Точка зрения Куриловича обусловлена его балтославянской акцентологической концепцией (ср. § 1). Славянские имена с баритонированной а. п. должны отражать индоевропейские баритонированные и окситонированные образования с долготным корнем, славянские имена с подвижной а. п. — индоевропейские баритонированные и окситонированные образования с краткостным корнем. В окситонированный класс в славянском, по Куриловичу, вошли имена, мотивированные в балтославянском и переведенные впоследствии в подвижную а. п. в литовском (Kurylowicz Accentuation 300—301). Таким образом, славянская система из трех акцентуационных парадигм рассматривается как система более древняя, чем литовская. В то же время, самостоятельное сопоставление славянских данных

¹⁷ См. в особенности N. van Wijk. Zum baltischen und slavischen Akzentverschiebungsgesetz. — IF, Bd. 40, 1922, стр. 1—39; так же Wijk Systeme 28—38.

с индоевропейскими у Куриловича сведено до минимума; основное место в его сопоставлениях занимают славянско-балтийские сближения, так что выводы делаются главным образом в результате анализа балтийских фактов. Поскольку концепция Куриловича не подтверждается балтийскими данными, ее проверка на славянском материале необходима.

Х. Станг развил и дополнил изложенную выше концепцию Мейе. Вслед за Ф. Седлачком он показал, что акцентуационная кривая славянской и литовской подвижных парадигм почти идентична во всех типах именных основ (Stang Accentuation 62—64, 74—76, 81, 88). Станг установил связь каждой акцентуационной парадигмы с определенной интонационной характеристикой корня и его первоначальной количественной характеристикой: в подвижную а. п. (нисходящая интонация на корне) вошли имена с краткостным и долготным корнем, в баритонированную а. п. (акутная интонация корня) — имена с долготным корнем, в окситонированную а. п. (новосакутная интонация корня под ударением) — имена с краткостным корнем. Такое распределение объединяет славянскую баритонированную и окситонированную (рецессивную — у глагола) парадигмы, противопоставляя их подвижной а. п., и одновременно исключает возможность реконструкции трех аналогичных парадигм в индоевропейском (как это делает Станг вслед за Мейе), где акцентуационная парадигма не была связана с количественной характеристикой корневого слога. Анализируя восстановленную Х. Стангом систему трех акцентуационных парадигм глагола в праславянском, В. А. Дыбо показал, что баритонированная и рецессивная парадигмы глагола находятся в отношении дополнительного распределения и, следовательно, могут отражать одну парадигму, чье расщепление связано с процессами передвижения ударения, зависящими от структуры корневого слога¹⁸. Такой вывод верен и для акцентуационных парадигм имен. При этом вопрос о первоначальности баритонизма или окситонизма в парадигме, из которой развились славянские баритонированная и окситонированная парадигмы, может быть решен только после рассмотрения данных внешнего сравнения.

Имена с краткостным корнем

1. Основы на -ā-

§ 38. Принцип акцентуационного распределения. Имена с основой на -ā- с краткостным корнем распределены в славянском между подвижным и окситонированным акцентуационным

¹⁸ В. А. Дыбо. Реч. на кн.: L. Sadaik, Slavische Akzentuation. — ВЯ, 1960, № 6, стр. 116—119.

классами. Противопоставление подвижной и окситонированной а. п. хорошо сохранено многими сербохорватскими говорами, ср. (в говорах без оттягивания ударения) Nom. Sing. *vodā, rākā*, Acc. Sing. *vōda, rāku*, Nom.-Acc. Pl. *vōde, rāke* — Nom. Sing. *ženā, slāgā*, Acc. Sing. *ženū, slāgū*, Nom.-Acc. Pl. *ženē, slāgē* (в говорах с оттягиванием ударения: *vōda, vōda, vōde, rāka, rāku, rāke* — *žēna, žēnu, žēne, slāga, slāgu, slāge*); по говорам отмечается переход некоторых имен из одного класса в другой, а в ряде диалектов (и в литературном языке) возникала смешанная а. п. с колонной окситонезой в ед. ч. и подвижностью во мн. ч. (*slāna, slānu, slāne*). Совпадение двух парадигм осуществлялось в некоторых говорах Черногории (*žēna, žēnu, žēne*, как *vōda, vōdu, vōde*), в словенском языке (*žēna, ženō, ženē*, как *vōda, vōdō, vōdē*) и болгарском языке (ср. болг. диал. *žēna, ženāta*, мн. *žēni, ženīte* как *vōda, vōdāta*, мн. *vōdi, vōdīte*; в ряде говоров и литературном языке обобщено ударение членных форм: *ženā, ženāta, ženī, ženīte* как *vōdā, vōdāta, vōdī, vōdīte*; остатки окситонированного типа еще можно обнаружить в окранных болгарских диалектах, ср. *ženā, ženāta* при *vōda, vōdāta* в родопских говорах). В акцентуированных текстах XIV—XV вв., отражающих среднеболгарскую систему ударения, уже отмечается совпадение двух парадигм в подвижной; однако перенос ударения на предлоги засвидетельствован только у тех имен, где подвижная а. п. исконна (Письм.: *жінā, жінсу, жіны, хоуā, хоусу, но на хоуā* при *нā роуā*).

Противопоставление двух акцентуационных парадигм хорошо сохраняют московские памятники XVI—XVII вв. Колонная окситонеза множественного числа у имен окситонированной парадигмы (*женī, женām* и т. п.) удерживается в языке русских повтов до конца XVIII — начала XIX в. и сохранена до настоящего времени в окранных севернорусских говорах (например, в тотемском). В большинстве северных и центральных русских говоров и русском литературном языке противопоставление двух акцентуационных парадигм сохраняется в измененной форме: подвижная а. п. не подверглась изменению, а имена с окситонированной а. п. удержали колонную окситонезу лишь в единственном числе; во множественном числе они были переведены в подвижную (рус. устар. и диал. *жēны, женām, женāх*), а затем — в колонную баритонированную а. п. (*жēны, жēнам, жēнах*). Аналогичный процесс активно шел на всей восточнославянской территории, так что в украинских и белорусских памятниках XVI—XVII вв. колонная окситонеза во мн. ч. почти полностью устранена. Только в окранных западноукраинских говорах (Закарпатье, район Перемышля) сохранена такая акцентуация (Nom. Pl. *сестрі, біді* и т. п.). Преобразование в восточнославянских языках окситонированной парадигмы в по-

движную с баритонезой во множественном числе усилило процессы смещения двух парадигм. Они завершились в южнорусских говорах и в белорусском языке, где две парадигмы сопали в акцентуационной парадигме с окситонезой в единственном и баритонезой во множественном числе (ср. бел. *вадэ, вадэ, вадэ* как *сястрэ, сястрэ, сёстры*); здесь только некоторые слова сохраняют факультативные формы с баритонезой в Acc. Sing.

В западнославянских языках противопоставление двух акцентуационных парадигм можно обнаружить только у имен со славянским долгим корневым слогом (не содержащим кратких *o*, *e* или сверхкратких *ъ*, *ь*): имена с подвижной а. п. представляют сокращение долготы во всей парадигме, кроме Gen. Pl. (чеш. *ruka, ruku, ruku*, слвк. *ruka, ruku, ruku*, польск. *ręka, ręką, ręką*, словин. *rŕkă, rŕkă, rŕkă*); имена с окситонированной а. п. сохраняют долготу (или ее засды) в корне во всей парадигме (чеш. *trouba, trouba, trouby*, слвк. *trába, trábi, trúby*, польск. *trąba, trąbą, trąby*, словин. *trôybă, trôybă, trôybă*). В словинском имена с подвижной а. п., как правило, удержали подвижность ударения; имена с окситонированной а. п. переведены частично в подвижную, частично в баритонированную а. п., причем причины такого распределения неясны.

Для реконструкции праславянской акцентуационной парадигмы *-ô*-основ следует использовать, естественно, лишь материал тех языков, говоров или памятников, где в том или ином виде сохранено противопоставление подвижной и окситонированной а. п. Опираясь на эти данные, можно утверждать, что индоевропейское противопоставление „баритонированная а. п. — подвижно-окситонированная а. п.“ сохранено в праславянском у *-ô*-основ в измененной форме: „окситонированная а. п. — подвижная а. п.“. Окситонированной парадигме древнеиндийского, греческого и германских языков в праславянском, как и в балтийском, соответствует подвижная а. п.; баритонированной а. п. других индоевропейских языков (в том числе балтийского) соответствует славянская окситонированная а. п.

§ 39. Славянские имена с подвижной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п.

Схрв. диал. *plâzâ, plâzu, plâsi* 'безлесная земля' (Istra, см. SAW CL 531), ср. топоним *Plâsa* с обобщением акцентуации Acc. Sing. (RJA X 8); рус. (литературный язык и сев.-рус.) *полоса, полюсу, полюсы*, диал. *zá полюсу, ná полюсу* (Обн. I 315, Вас. 34), Nom. Pl. *пóлюсы* в Уч. 1647 г. (Stang UX 26); польск. *plasa* 'мера пахотной земли'¹⁹. Вторично окситонированная а. п.

¹⁹ Польск. диал. *plâsa* (Karłowicz), возможно, приобрело *ô* под влиянием более распространенного *plâka*.

в схрв. диал. *plásà, plásù, plásè* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 227) и, вероятно, баритонированная а. п. в схрв. *plàsa* 'ком земли; кусок льда; опухоль под [глазами]', бел. *palòsa* 'полоса'.

< слав. **polsà* (*polso*), подв. а. п. 'вспаханная полоса' < **polkà* 'нечто вспаханное'; ср. герм. **falgo* 'вспаханное поле' (др.-в.-нем. *falg*, др.-англ. *fealg*).

Схрв. *ofcà, ofcù, ofcè* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 226), *ofca, ofcu, ofce* с удлинением -о- в закрытом слове (Dubrovnik, Podravina, см. Reš. 93, Rad CLXVIII 134; такая акцентуация допустима в литературном языке, см. Дан. 5), *ofca, ofcu, ofce* с обобщением акцентуации Acc. Sing. (Hvar, Лепетане, Прчац, Оаринићи, Косово, Žumberak, см. ЈФ XIV 27, 66, Reš. 94, 95, ZŠPh VI 354); рус. *овца, овцу, овцы* в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 22, Станг УХ 26, СБОРЯС LXVI, 7, 8; ASPh XXXIX 287), у поэтов XVIII—XIX вв. (Бул. РЛ 159—160) и по диалектам (Обн. I 272). Вторичные варианты: смешанная а. п. — схрв. *овца, овцù, овце* (Сев. Тимок, см. СДЗБ II 397), *оца, оцу, оце* (Плевля, см. СДЗБ III 137) и *оца, оцу, оце* (литературный язык), рус. *овца, овцù, овцы*, укр. *вівця, вівцù, вівці* (так же в памятниках XVII в., см. Весел. ВУ 45); окситонированная а. п. — схрв. диал. *оцà, оцù, оцè* (Hvar, Брач, см. ЈФ XIV 27, СДЗБ X 44).

< слав. **ovica* (*diver*), подв. а. п. 'овца' < **ovikà* 'овца'; ср. др.-инд. (RV) *avikà* 'овца'.

Рус. *зола, золу* в литературном языке XIX в. (Байкин 98) и по диалектам (сев.-рус., см. Обн. I, 271), рус. диал. *на золу* (рязанск., см. Вас. 33). Вторичная акцентуация рус. *зола, золù, золу*, укр. *зола, золù*.

< слав. **zola* (*zòlro*), подв. а. п. 'зола' < **žholdà* 'жсаль; нечто испорченное, неприятное, вредное'; ср. греч. *ζῆλη* 'жсаль; яд; злоба', лит. *žalà* 'вред, ущерб' (4 а. п., см. § 5).

Схрв. *rosa, roseu, rose* (Сев. Тимок, см. СДЗБ II 397), *rosa, rōzi, rōze* (Istra, см. SAW CL 529), *rosa, rōzi, rōze* с удлинением (Susak, см. HDZb I 111); *rosa, roseu, rose* (литературный язык); болг. *на рoсѣ* (Писъм., см. Ягич 463); рус. *роса, росу, росы* в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 32, Ягич 787), у поэтов XVIII—XIX вв. (Обн. I 272, Байкин 99), ср. рус. *оросѣт, оросѣшь*, указывающее на подвижную а. п. исходного слова; укр. *росà, росу, росы* (так же в памятниках XVII в., см. Весел. ВУ 41). Вторичная смешанная а. п. в схрв. диал. *росà, росù, рdce* (Лепетане, см. ЈФ XIV 66), *росà, росù, рdce* (Княжевац, см. Белић ИС 347), рус. *росà, росù, росы*, укр. *росà, росù, роси* (Погр.).

< слав. **rosa* (*ròso*), подв. а. п. 'роса' < **rosà* 'влага; роса'; ср. др.-инд. (RV) *rasà* 'мифическая река, обтекающая вселенную; влажность' < **resà*, лит. *rasà* (4 а. п., см. § 5) 'роса' < **rosà*.

Схрв. диал. *snā* (<**snāha*), *snāu snāe* (Šartinovac, Племя, см. Rad LCXI 133, СДЗБ III 136—137), *snā, snāju* (Posavina, см. Rad CXCVII 23), *snieho*, Acc. *snieho* (также *sniehoj* — Bednja, см. HDZb I 302), *snāha, snāha, snāhe* с выравниванием по Acc. Sing. (Dubrovnik, см. Rež. 92). Древним следует признать и вариант с окситонированной а. п.: схрв. диал. *snāhā, snāhū, snāhō* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 226), *снаг, снае* (Княжевац, Сев. Тимок, см. Беляш ИС 347, СДЗБ II 397), рус. *сноха, сноху, снохā* в Степенной Книге 17 в. (Вас. 34) и в севернорусских диалектах (Тотьма, см. Обн. II 383), *снохā, сноху* (снохи) в литературном языке. Введение окситонированной а. п. относится, по-видимому, к периоду, когда после падения слабых сверхкратких в корне был восстановлен *-ъ* по аналогии: **snāhā, snāhō, snāhū* > **snāhā, snāhō, snāhū* > **snāhā, snāhō, snāhū*.

<слав. **snāhā* (*snāhō*), подв. а. п. 'сноха' <*snāhā* 'сноха'; ср. др.-инд. (AV) *snāhā* 'сноха', герм. **snāhō* 'сноха' (др.-сканд. *snag, snag, др.-англ. snagi*; ср. др.-в.-нем. *snaga* <**snāhā*).

Схрв. диал. *śnā, śnū* (также *śnāi*), *śnā* (Hvar, см. JФ XIV 28), Acc. Sing. *śnū* (Posavina, см. Rad CXCVI 23); рус. *цѣна, цѣну, цѣны* в памятниках XVII—XVIII вв. (Весел. ВУ 41), у поэтов XVIII—XIX вв. и по диалектам (Обн. I 274), ср. рус. *цѣнишь, цѣниѣ* в памятниках XVII в. и у поэтов XVIII—XIX вв. (Кир. 314, Бул. РА 207), указывающее на подвижную а. п. исходного слова; укр. диал. *цѣна, цѣну, цѣни* (Бул. АКЧ, 2—3, 11), ср. *цѣниш, цѣниѣ*; ст.-чеш. *сѣна*, чеш. *сѣна*, садж. *сѣна* с краткостью в корне. Вторичные варианты: окситонированная а. п. — схрв. *сѣнā, сѣнū, сѣнi* или *сѣнē* (Istra, Novi, Vožava, см. SAW CL 533, ИОРЯС XIV, 2, 228, JФ VII 77), *цѣна, цѣну, цѣне* (литературный язык)²⁰; смешанная а. п. — рус. *цѣнā, цѣнū, цѣнѣ*²¹, укр. *цѣнā, цѣнū, цѣни*. Долгота корневого гласного в польск. диал. *сула* (СБОРЯС LXXIII, 4, 113) может объясняться вторичным удлинением перед сонантом.

<слав. **сѣнā* (*сѣнō*), подв. а. п. 'цена' <*k'oinā* 'цена, плата, цена'; ср. греч. *ποινή* 'выкуп; цена; кара', ант. диал. *kainā* (4 а. п., см. § 5).

Схрв. *gākā, gāki, gāke* (говоря без оттягивания ударения, например, Hvar, см. JФ XIV, 28), *рѣка, рѣку, рѣке*; болг. *зā рѣкѣ* в памятниках XIV в. (Лавров Обз. 228—229); рус. *рукā, рѣку, рѣки* в памятниках XVI—XVII вв. (Stang UX 24, 26, Черных 280—281, Орлов I 88, Ягич 737, Весел. ВУ 41) и современном языке; укр. *рукā, рѣку, рѣки* (так же в памятниках 16 в., см. Весел. ВУ 46); чеш. *гика*, садж. *гика*, польск. *гѣка*, словин. *гѣкā* с краткостью.

²⁰ Ср. слов. *сѣнiт, сѣнiй*, предполагающее окситонизму исходного слова.

²¹ Нам. РІ. *цѣнi* у Батюшкова может указывать на вторичную окситонированную а. п. (Ср. Бул. РА 153).

< слав. **rpka* (*rǫkŕ*), подв. а. п. 'рука' < **rpŋkŕ* 'нечто изогнутое, искривленное'; ср. герм. **wrangŕ* 'брус, перекаладина' (др.-сканд. *rpŋg* 'шпангоут', швед. диал. *vrang*, датск. *gang*); баритонированный вариант **rpŋnka* представлен в герм. **wrŋnphŕ* 'угол' (др.-сканд. *rǫ*), лит. *rankŕ* 'рука' (2 а. п., см. § 4).

Схрв. *grĕdŕ*, *grĕda*, *grĕde* (говоры без оттягивания ударения, например, Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 228), *грĕда*, *грĕду*, *грĕде*; рус. *грѣда*, *грѣду*, *грѣды* в списке Домостроя XVI в. (Орлов II 45) и в литературном языке XVIII—XIX вв. (Обн. I 270, Байкин 141); чеш. *hrada*, слук. *hrada*, польск. *grzęda*, словин. *grĕdŕ* 'насос' с краткостью. Вторична окситонированная а. п. в схрв. диал. *grĕdŕ*, *grĕdŕ*, *grĕdŕ* (Istra, см. SAW CL 533), смешанная а. п. в рус. *грѣда*, *грѣду*, *грѣды* и баритонированная а. п. в укр. *грѣда*, *грѣду*, *грѣды*.

< слав. **grĕdŕ* (*grĕdŕ*), подв. а. п. 'балка, перекаладина; грядка' < **ghrpŋdŕ* 'балка', ср. лит. *grindŕ* 'балка', ми. *grindŕ* 'деревянный настил', 4 а. п. по диалектам (в том числе в восточноукштайтских говорах — Dusetos, см. карт. LKZ) и в литературном языке (Šlap. LR, Kam., NS, LKRZ, DLKZ).

Схрв. *zimŕ*, *zimi*, *zime* (говоры без оттягивания ударения, например, Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 228), *зима*, *зиму*, *зиме*; рус. *зима*, *зиму*, *зимы* в памятниках XVII—XVIII вв. (Štang UX 25, Весел. ВУ 41) и в севернорусских говорах (Обн. I 271); укр. *зима*, *зиму*, *зимы* (так же в памятниках XVII в., см. Весел. ВУ 45); чеш. *zima*, слук. *zima*, словин. *zĕmŕ*, *zĕmŕ* с краткостью. Вторичные варианты: смешанная а. п. — схрв. диал. *зима*, *зимѹ* (также *зиму*), *зиме* (Сев. Тимок, см. СДЗБ II 397), *зима*, *зимѹ*, но *зѹ зиму* (Лепетане, см. ЈФ XVI 66), рус. *зима*, *зимѹ*, *зимы*; баритонированная а. п. — рус. диал. *зима* (костромск., калужск., см. Обн. I 72) и, вероятно, ст.-чеш. *zima*, чеш. диал. *zima*, *zejma* (юговосточная Чехия, см. Utěšený, карта IIc)²².

< слав. **zimŕ* (*zimŕ*), подв. а. п. 'зима' < **gheimŕ* 'зима'; ср. лит. *ziemŕ* 'зима', 4 а. п. у Даукини (Iх, см. Skardžius DA 88), Донелайтиса (Зх, см. Buch AD 42), по диалектам (в том числе в восточноукштайтских говорах — Kupiškis, см. TŽ III 470) и в литературном языке (Kur. Gr. 179, Яви. Гр. 93, Šlap. LL, Kam., LKRZ, DLKZ).

Укр. *толока*, *толоку*, *толоки* (ASIPh VII 376, Smal 250), польск. *flaka* (также вторичное *flaka*, см. Karłowicz), словин. *flavka* с краткостью. Вторична окситонированная а. п. в схрв. *тлака*, *тлаку*, *тлаке*.

²² Един ли болг. *зима* отражает баритонированную а. п.; скорее это обобщение ударения нечленной формы на парадигмы *зима*, *зимата*, *зимы*, *зимате*, известной по диалектам (например, Лом, Бала Слатина, см. СбНУ XXXVIII 34, ИИБ IV 143).

< слав. **tolka* (*tolko*), подв. а. п. 'совместная помощь соседям, помочь' < **tolked* 'помощь при уборке урожая'; ср. лит. *talka* 'помочь', 4 а. п. у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 44), по диалектам (см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kug. LD, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ).

Схрв. *nogā*, *nōgi*, *nōge* (в говорах без оттягивания ударения, например, Нвар, см. ЈФ XIV 28), *nōga*, *nōgu*, *nōie*; болг. при нгоду в Евангелии XIV в. (Лавров Оба. 229); рус. *нога*, *nōgu*, *nōiu* (так же в памятниках XVI—XVII вв., см. Stang УХ 25—26, Черных 28, Орлов 19, Вас. 32—32, Вессел. ВУ 43); укр. *нога*, *nōgu*, *nōiu*.

< слав. **noga* (*nōgo*), подв. а. п. 'нога' < **noghā* 'конечность с ногтями, когтями; копыто'; ср. лит. *pagā* 'копыто', 4 а. п. (NS, LKRŽ, DLKŽ).

Схрв. *kosā*, *kōsu*, *kōse* (в говорах без оттягивания ударения, например, Нвар, см. ЈФ XIV 28), *kōsa*, *kōsu*, *kōse*; рус. *коса*, *косу*, *косы* (так же у поэтов XIX в., см. Оби. I 271, Вас. 33). Вторичная смешанная а. п. в схрв. диал. *kosā*, *kosū* (также *kōsu*), *kosē* и *kōse* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 227), *kyesō*, *kesōi* и *kyēsū* (Bednja, см. HDZb I 302) объясняется влиянием омонима **kosa* 'коса — орудие косца', где первоначально окситонированная а. п. (см. § 40).

< слав. **kozā* (*kōso*), подв. а. п. 'коса; расчесанные волосы' < **kosā* 'расчесанные или заплетенные в косу волосы'; ср. лит. *kasā* 'коса', 4 а. п. у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 42), по диалектам (в том числе в восточноукшайтских говорах — Dusetos, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kug. Gr. 178, Юшк. AP, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

Рус. *кроха*, *крōху*, *крōхи*, так же в списке Домостроя XVI в. (Асс. Pl. крōхи, см. Орлов II 42) и в грамматике Востокова (Байкин 99), ср. рус. *крошійшь*, *крошійт*, указывающее на подвижную а. п. исходного слова. Вторична окситонеза в укр. *криха*, *криху*.

< слав. **krōhā* (*krōxo*), подв. а. п. 'крошка' < **krusā* 'нечто отломанное; нечто хрупкое'; ср. лит. *krusā* 'град, снежная крупка', 4 а. п. (см. § 6); баритонированный вариант отражает герм. **hrūsōn*, жен. р. (др.-в.-нем. *rosa* 'лед, ледяная корка').

Схрв. *sōa*, *sōu*, *sōe* (Плевля, см. СДЗБ-136), *sōja* с обобщением акцентуации Асс. Sing. (Pozavina, см. Rad СХСVII 22), *sōha*, *sōху*, *sōхе* (литературный язык) 'вылы; шест с развилкой'; рус. диал. *соха*, *сōху*, *зā соху* (Оби. I 274, 315, Вас. 34), так же у поэтов XIX в. (Байкин 100), ср. акцентуацию производного *сошнік*, указывающую на подвижную а. п. Вторична смешанная а. п. рус. *соха*, *сōху*, *сōхи*.

< слав. **soxā* (*soxŏ*), подв. а. п. 'ветка с развилкой; соха' < **kokHā* 'ветка с развилкой'; ср. лит. *šakā* 'ветвь', 4 а. п. (см. § 6).

Схрв. *brādā, brādu, brāde* или *brādi* (Novi, Šolta, Istra, см. ИОРЯС XIV, 2, 228, Rad CCLXXII 149, SAW CL 531), *brōdā, brōdu, brōde* (Brač, см. СДЗб X 44), *brāda, brādu, brāde* (Погорье, Šartinovac, см. СДЗб II 311, Rad CLXV 134; этот вариант допускается и в литературном языке), *brāda, brādu, brāde* с выравниванием по Acc. Sing. (Лепетане, Оаридийи, Прчањ, см. ЈФ XIV 66, Reš. 94); рус. *борода, борода, борода* (так же в Ведомостях 1703 г., см. Вестн. ВУ 40); укр. *борода, борода, борода*; чеш. *brada*, слвк. *brada*, н.-луж. *broda*, польск. *broda*, словин. *brādā* с краткостью. Вторична смешанная а. п. в схрв. *brāda, brādu* или *brādu, brāde* (литературный язык, Пива, см. СДЗб X 230) и окситонированная а. п. в схрв. диал. *brādā, brādū, brādē* (Susak, см. HDZb I 111), *brāda, brādu, brāde* (Плавья, см. СДЗб III 138).

< слав. **bordā* (*bořdŏ*), подв. а. п. 'борода' < **bhordhā* 'борода'; ср. лит. *barzdā* 'борода', 4 а. п. у Донелайтиса (2х, см. Buch AD 41), по диалектам (в том числе в жемайтских — *Viešniai* — и восточноаукштайтских — *Dusetos* — говорах, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 177, Яви. Гр. 92, Šlap. LL, Кам., NS, LKRŽ, DLKŽ)²³.

§ 40. Славянские имена с окситонированной а. п. — индоевропейские баритонированные образования.

Схрв. *lěxā, lěxū, lěxe* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 226), *lēxa, lēxu, lēxe* (литературный язык, см. Ravić 17, Велић ПСК); чеш. *liča*, польск. диал. *lēcha, licha* < *lēxa* (Karłowicz, СБОРЯС LXXIII, 4, 113) с долготой; вторична подвижная а. п. в схрв. диал. *lēhā, lēha, lēhi* (Istra, см. SAW CV 531).

< слав. **lēxā* (*lēxŏ*), окс. а. п. 'грядка' < **lōisa* 'взрыхленная земля'; ср. germ. **lōiso* 'колея, борода' (др.-в.-нем. *waganleisa* 'след колес', ср.-в.-нем. *leise* 'след', др.-сакс. *waganlēsa*)²⁴.

Рус. *вдова, вдову, вдову* в памятниках XVII в. (Черных 278, Вестн. ВУ 42) и у поэтов XVIII—XIX вв. (Обн. II 384), *вдова, вдову* (*вдовы*) в современном языке; укр. диал. *вдова, вдову, вдову* (зап.-укр., см. ASIPh VII 368).

< слав. **vidovā* (*vidovŏ*), окс. а. п. 'вдова' < **vidhēvā* 'вдова'; ср. др.-инд. (RV) *vidhāvā* 'вдова'.

²³ Форма с -z- вторична в балтийском, как утверждает латыш. *bārda* при латыш. диал. *bārzda* (ср. лит. *veizdėti* 'смотреть' при лит. *veidas* 'вид', слав. **vidēti*).

²⁴ Долготный корень в лит. *lūtē* 'грядка' не первоначален, ср. germ. **liso* (др.-в.-нем. *leiso* 'морщина') < **lādo*.

Схрв. диал. *balxā, balxū, balxē* (Suzak, см. HDZb I 111; ср. Асс. Sing. *bohā* — Lastovo, см. ASIPh VII 435), *buhā, buhū, buhī* (Istra, см. SAW CL 530), *būa, būu, būe* (Плевля, см. СДЗб III 137), *biā, biū* (Сев. Тимок, см. СДЗб II 319); рус. *блoхā, блoхū (блoхи)*; укр. диал. *блихā, блихū, блихī* (Закарпатье, см. ЗНТШ XXVII 27), обычно *блoхā, блoхū (блoхи)*. Вторичные варианты: смешанная а. п. — схрв. *būxa, būxu, būxe* (литературный язык, ср. *būa, būu, būe* — Пина, см. СДЗб X 227—228); подвижная а. п. — схрв. диал. *būhā, būhu, būhe* или *būha, būhi, būhe* с обобщением акцентуации Асс. Sing. (Далмация и прилегающие районы Герцеговины и Черногория, см. ИОРЯС XIV, 2, 226, ЈФ XIV 28, 67, СДЗб X 44, III 47, IX 67, Реж. 92), рус. *блoхā, блoху, блoхи* по диалектам (рязанск., см. Вас. 33), так же у Востокова (Байкина 78).

< слав. **blōxā (blōxŕ)*, окс. а. п. 'блoхa' < **bhlūsā 'блoхa'*; ср. греч. *βόλλα 'блoхa' < *s-bhlūsā, ант. blusā 'блoхa', 2 а. п. < *bhlūsā (см. § 4).*

Схрв. диал. *maglā, maglū, maglē* (Novi, где допустима также подвижная а. п., Hvar, Brač, Прчань, см. ИОРЯС XIV, 2, 226, ЈФ XIV 27, СДЗб X 45, Реж. 90), *māla, mālu* (Сев. Тимок, см. СДЗб II 397), *mieglā, mieglū* (Bednja, см. HDZb I 302), *māgla, māglu, māgle* (Dubrovnik, см. Реж. 89); на окситонированную а. п. указывает Асс. Sing. *māglā* в среднеболгарском „Слове похвальном Кириллу и Мефодию“ (Лавров Мат. 89); имена с подвижной а. п. имеют в подобных памятниках окситонезу в Асс. Sing., ср. *zīmā, roykā, kadoŭ, glavoŭ, no žinoŭ, cietroŭ* (Лавров Мат. 88, 50, 90, 9, 88). Вторичная подвижная а. п. в схрв. *māla, mālu, māle* (литературный язык, Плевля, Поцере, Žumberak, см. СДЗб III 136—137, II 310, ASIPh VI 354).

< слав. **māglā (māglŕ)*, окс. а. п. 'мгла, туман' < **mighlā 'туман'*; ср. греч. (гомер.) *μίχλη 'туман'*, ант. *miglā 'туман'*, 2 а. п. в двухских говорах (обычно 4 а. п., см. § 4).

Рус. *кoсā, кoсū, кoсē*, наряду с *кoсу (кoсы) 'коса — орудие косца'* (но *кoсā, кoсу 'заплетенная коса'*, см. РАПУ); укр. диал. *Нот. Рі. кoсū* (Перемышль, см. ЗНТШ XXXV—XXXVI 34); как правило, омонимы **kosa 'орудие'* и **kosa 'волосы'*, подви. а. п., совпав и акцентуационно, так что первоначальную окситонезу для названия 'косы — орудия' — отражают только приведенные восточнославянские данные (ср. еще окситонированную а. п. в схрв. диал. *kozā, kosū, kozē 'коса — орудие; коса — волосы'*, см. § 39).

< слав. **kosā (kosŕ)*, окс. а. п. 'коса, изогнутое лезвие' < **kaksa 'изгиб; изогнутый предмет'*; ср. др.-инд. *kākṣa 'подмышечная впадина; подмышка'*²³.

²³ Неясно, почему М. Фасмер предпочитает этому удовлетворительному с фонетической и семантической точки зрения сближению А. Бецценбергера

Рус. черта, чертѣ, чертѣ, так же у Державина (Оби. II 384). Слово переведено в баритонированную а. п. в схрв. *črta*, укр. *чѣрта* (известно и *черта*).

< слав. **črta* (*črtā*), окс. а. п. 'черта, линия' < **křta* 'трещина, нечто расщепленное'; ср. др.-нид. (RV) *křta* с предположительным значением 'ущелье, пропасть' (Grassmann 346)²⁸.

Схрв. *krpā*, *krpā*, *krpā* или *krpā* (Novi, Istra, см. ИОРЯС XIV, 2, 228, SAW CL 533), *крѣпа*, *крѣпу*, *крѣте* (литературный язык, см. Равиѣ 18) 'легкий град, крупка'; рус. *крупѣ*, *крупѣ* (*крѣпы*); укр. *крупѣ*, *крупѣ* (*крѣпы*); чеш. *kroupa* 'градина', слух. *krāpa* 'крупинка', ми. *krāpu* 'крупѣ' с долготой.

< слав. **krupā* (*krupā*), окс. а. п. 'крупѣ; крупинка, градина' < **krōpa* 'нечто раздробленное, размельченное'; ср. герм. **hriufa* или **hriufon*, жен. р. (южнонем. *rāse*, *riefe* < др.-в.-нем. **riufa*, ср. Barber 131) < **krōpa*²⁹.

Схрв. *ōsa*, *ōsu*, *ōse*; рус. *осѣ*, *осѣ* (*осѣ*); укр. *осѣ*, *осѣ* (*осѣ*). Вторична подвижная а. п. в схрв. диал. *ōsa*, *ōsu*, *ōse* (Подерје, Dubrovnik, см. СДЗБ II 310, Reš. 89), рус. *осѣ*, *осѣ* (Востоков, см. Байкин 78), укр. диал. *осѣ*, *осѣ*, *осѣ* (ASPh VII 370).

< слав. **osa* (*osā*), окс. а. п. 'осѣ' < **uārsā* (с утратой начального *u-*) < **uābhsā* 'осѣ'; ср. лит. *uārsā* 'осѣ', 2 а. п. в жемайтских и восточноликувских районах (Salantai, Tverėčius, см. Яви. Гр. 93, Otrėbski WNT 229; по диалектам также 4 а. п.), *uārsuā*, 2 а. п. (Šlap. LL, Kam., DLKŽ; также 4 а. п.).

Схрв. *lakā*, *lakā*, *lakā* или *lakī* (Novi, Hvar, Istra, см. ИОРЯС XIV, 2, 228, ЈФ XIV 28, SAW CL 533), *лѣка*, *лѣку*, *лѣке* (литературный язык) 'гавань; участок земель в излучине реки'; рус. *лѣка*, *лѣку* (*лѣки*) 'лука седла; (диал.) изгиб; заливной луг'; укр. *лѣка*, *лѣку* (*лѣки*) 'заливной луг'; чеш. *louka*, слух. *lāka*, польск. *laka* словин. *lōpkā* 'луг' с долготой.

< слав. **lōkā* (*lōkā*), окс. а. п. 'изгиб, излучина; луг в излучине реки' < **lōnka* 'излучина'; ср. лит. *lankā* 'заливной луг, пойма'; на первоначальную баритонированную а. п. указывает акцентуация III. Sing. *lānkon*, *lānkan* в восточноликувских районах Kupiškis и Ciskodas (LM 414, Boga R.); слово, как правило, переведено в 4 а. п. по диалектам и в литературном языке.

Схрв. *zvezdā*, *zvezdā*, *zvezdī* (Istra, см. SAW CL 533), *zvijszdā*, *zvijszdā*, *zvijszdē* (Прча, см. Reš. 94), *звѣзда*, *звѣзду* (Сев. Тимок, см. СДЗБ II 397), *звѣзда*, *звѣзду*,

(ср. еще лит. *kolka* 'бедро', др.-в.-нем. *kolka* 'коленный изгиб' < **kolka*, см. Bernker SEW 581) связь с лит. *kūsti* 'погребать' и другое еще более сомнительные этимологии.

²⁸ Ср. Mayrhofer 258, где это истолкование подвергается сомнению.

²⁹ Азутированный корень в латыш. *krōpne* 'бородавка, лишай' отражает метатонизм, а не указывает на первоначальную долготу; ср. рус. диал. *крѣпѣ* 'ломкий' < **krapā* < **krāp-*.

звезде (литературный язык); рус. *звезда*, *звездѣ* (*звѣзды*)²⁸, укр. *звізда*, *звіздѣ*, *звізді* (Закарпатье, Перемишль, см. ЗНТШ XXVII 27, XXXV—XXXVI 4), обычно *звіздá*, *звіздѣ* (*звізди*), ср. Nom. Pl. *зѣздъ* в памятнике XVI в. (Весел. ВУ 46); слвк. *hviezda*, польск. диал. *gwōzda*, *gwōzda* < **gwēzda* (*Swatczędz*, Kraków, см. СБОРЯС LXXIII, 4, 113, Kusała 40), кашуб. *gwiozda*, словин. *govjāzda* с долготой. Вторична подвижная а. п. в схрв. диал. *zvězdā*, *zvězda*, *zvězde* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 228), *zv'ezdā*, *zv'ezda*, *zv'ezde* (Susak, см. HDZb I 110), *zvetēzdō*, *zviezdu* (Bednja, см. HDZb I 302), *zvižda*, *zviždu* с обобщением акцентуации Acc. Sing. (Oštarije, см. Rad CLXXX 19), чеш. *hvězda* с краткостью.

< слав. **gwēzda* (*gwēzdō*), окс. а. п. 'звезда' с диссимляцией (*g* вместо *ǵ*) < **ǵwōizdhā*; ср. др.-пр. Acc. Sing. *swaigizta* 'сияние' со знаком долготы в Дикиридауме, лит. *žvaigždė*, *žvaigždė* (вторичная -e-основа), 2 а. п. у Даукши (1х наряду с семью формами 4 а. п., см. Skardžius DA 107), в восточно-даукштайтских и восточных даукских говорах (Kupiškis, Dusetos, Linkmenys, см. Doritsch CCXXXVI, Явн. Гр. 104, LKK II 170, ср. Šlap. LL; более обычен по диалектам и в литературном языке вариант с 4 а. п.).

Схрв. диал. *mejā*, *mejū*, *mejē* (Rab, см. Rad CXVIII 32; ср. *mejā*, *mejū*, *mēji* — Istra, см. SAW CL 530); рус. *межд*, *межѣ*, *межи*, ср. Nom. Pl. *мижъ* в Уложении 1649 г. (Весел. ВУ 42); укр. *межá*, *межѣ*, мн. *межи* (Погр.), диал. мн. *межі* (Закарпатье, см. Дзєндєвєлїнський I, карта 22). Вторичен переход в подвижную а. п. в схрв. *měja*, *měju*, *měje* (литературный язык, Dubrovnik, см. Reš. 89) и укр. *межд*, *межу*, *межи*. Древность такого варианта подтверждают русские памятники XVII в., см. Kip. 206.

< слав. **medjā* (*medjō*), окс. а. п. 'межа' < **médhja* 'середина; нечто, находящееся посредине; граница, межа'; ср. лит. диал. *mėdė* 'большой лес', 2 а. п. (Šlap. LL, NS, LKRŽ, DLKŽ) < **mēdiā* (семантическое развитие, как в лит. *mėdžias*, ср. § 15).

Схрв. диал. *črēda*, *črēda*, *črēde* (см. RJA); рус. *чередá*, *череда́*; чеш. *po střídě*, 'поочередно', слвк. *črieda*, в.-луж. *črjoda*, польск. *trzędá*, словин. *střōudā* 'стадо' с долготой. Вторична подвижная а. п. в схрв. диал. *črēdā*, *črēda*, *črēdi* (Istra, см. SAW CL 531), рус. диал. *чередá*, *череда́* (Обн. I 274, ср. Байкин 82), укр. *череда́*, *череда́*, *череда́*, словин. *střēgdā* (Lorenz SW II 1113).

< слав. **cerdā* (*čerdō*), окс. а. п. 'стадо; ряд; череда' < **kērdhā*²⁹ 'ряд, вереница; череда'; ср. др.-пр. Acc. Sing.

²⁸ Южнославянскую акцентуацию, вероятно, указывают русские памятники XVI в., проводящие колонную баритовезу.

²⁹ На палатальный *k-*, отраженный в славянском и балтийском как *k-* (возможно древнее заимствование из языка *centum*), указывает др.-внд. *kārdham* 'стадо'.

kėrdan (Зх в Эхиридиуме) 'премя' со знаком долготы в корне³⁰.

Схрв. *vlakā, vlakū, vlakš* или *vlakī* 'путь, которым волочат лес с места порубки' (Novi, Istra, см. ИОРЯС XIV, 2, 227, SAW CL 533), *vlaka, vlaku, vlake* (Pavić 17); польск. диал. *wołaka* 'пастбище' (Karłowicz). Вторичная баритониза в рус. диал. *воло́ка*, укр. *воло́ка* 'участок поля, мера площади' является результатом метатонии в -ā-основах.

< слав. **volkā (volkō)*, окс. а. п. 'место, где волочат, тянут что-либо' < **volkā* 'волочение, тяга; место волочения'; ср. лит. *valkā* 'тяга в печи', 2 а. п. по данным DLKŽ.

Ст.-чеш. *śěva, sluk. śěva* 'сосуд, трубка' с долготой. Вторична, вероятно, краткость в ст.-чеш. *śěva* (возможно, влияние -i-основы *śěv*); ср. чеш. *seva*, где долгота может отражать влияние утраченной формы **seva*.

< **seva (seuō)*, окс. а. п. 'трубка, цевка' < **kaiua* 'трубка'; ср. лит. *šeivā* 'цевка, шпилька; веретено', 2 а. п. в западно-аукштайтских и центральноаукштайтских говорах северной Литвы (Šakyna, Rašvitinys, см. LKK III 101, карт. LKŽ; обычно по диалектам и в литературном языке 4 а. п.) < **kaiua*³¹.

Чеш. *pista* 'пест', польск. диал. *piązda, piauзда* 'ступица' (Karłowicz) < **piasta* с вторичным -zd-.

< **pēstā (pēstō)*, окс. а. п. 'пест; ступица' < **poista* 'приспособление для толчения, дробления'; ср. лит. *piestā* 'ступа', 2 а. п. по данным Šlap. LL (также 4 а. п.)³².

§ 41. Отклонения от описанного распределения. Из числа отклонений следует исключить сопоставление слав. **slugā (slugō)*, окс. а. п. 'слуга' (схрв. диал. *slugā, slugū, slugē*, рус. *слуга, слугу, слуги* в памятниках и т. п.) — лит. *slangā* 'присмотр за большим, обслуживание', 4 а. п. (Šlap. LL, LKRŽ, DLKŽ), поскольку в первом случае представлено помен *agentis*, во втором — помен *actionis*³³.

Действительные отклонения обнаруживаются в следующих случаях:

Схрв. *zemljā, zēmlja, zēmlje* (говоры без оттягивания ударения, например, Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 226), *зѣмля, зѣмљу, зѣмье*; болг. *пѣ зѣмѣ, вѣ зѣмѣ, нѣ зѣмѣ* в памятниках XIV—XV вв.

³⁰ Др.-пр. *kėrdan* может, однако, указывать и на балтийскую -o-основу ср. р. **keŕde(n)*; такое образование, возможно, отражено в слав. **kerda* (ср. § 49).

³¹ Акцентуационная парадигма лит. диал. *kaiuā* 'трубчатый стебель' неизвестна.

³² Литов. *piestā* 'ступа' отражает метатонию в -ā-основах; первоначальная интонация сохранена в литов. диал. *pieksto*.

³³ Ср. лит. *sėdągė* 'сиделка' с баритонизированной а. п.

(Лавров Обз. 229, Соболев 270); рус. *земля, зѣмлю, зѣмли* в памятниках, начиная с Чуд. НЗ XIV (нѣ зѣмлю, см. Соболев 269; ср. Stang UX 25—26, Черных 280, Вас. 36, Ягич 341, СБОРЯС LXVI, 7, 6; Весел. ВУ 41; так же в белорусских памятниках XVII в., см. Весел. НБ 155); укр. *земля, зѣмлю, зѣмлі* (так же в памятниках XVI—XVII вв., см. Весел. ВУ 45).

< слав. **zemlja* (*zĕmĭja*), подв. а. п.; славянская акцентуация не согласуется с баритонезой ант. *zĕmĕ* 'земля' (2 а. п. у Даукиши, в памятниках Прусской Литвы, повсеместно по диалектам и в литературном языке). Можно предполагать, что первоначальная окситонированная а. п. была достаточно давно вытеснена в славянском подвижной а. п. под влиянием акцентуации параллельной *-i*-основы **zēmĭ* (ср. слвк. *zem* 'земля'), подв. а. п. (ср. рус. *наземь, обземь*, болг. диал. *ѣзем* 'в земас'). Следы первоначальной акцентуации, может быть, сохранены русскими памятниками XVI—XVII вв., ср. Nom. Pl. *зѣмлі* в грамматическом сочинении XVI в. «Книга глаголемая буквы» (1х, см. Ягич 738), Уч. 1647 г. (2х, при *зѣмлю* 3х, см. Stang UX 26), Уложении 1649 г. (2х при многократном *зѣмлю*, см. Черных 280³⁴); окситонированная а. п. *zēmĭjā*, Acc. Sing. *zēmĭjā*, Nom.-Acc. Pl. *zēmĭjā* обнаруживается и в кайкавском говоре говоре района Bednja (HDZb I 302), где, как правило, сохранена подвижная а. п. *-ā*-основ³⁵.

Схрв. *dagā, dagū, dagē* (Прчан, см. Rež. 94), *dāga, dāgu, dāge* (литературный язык) 'радуга'; рус. *дуга, дугу, дуги* в памятниках XVI—XVIII вв. (Домострой, Степенная книга, см. Орлов II 149, Вас. 34) и у Державина (Обз. II 381), *дуга, дугу* (дуги); укр. *дуга, дугу* (дуги); слвк. *dúha* 'радуга; обруч', польск. диал. *daga* 'клепка' (Karłowicz). Древним, вероятно, следует признать вторичный вариант **dĕga* с бар. а. п. и метатонией, ср. схрв. *dāga* 'обруч', чеш. диал. *doŕha* наряду с *duha* (вариант с долготой сохраняется в южной Чехии, где лучше всего удерживаются акутовые долготы, ср. Vogāč 28, карта 5а), польск. *dęga* 'клепка; радуга'.

³⁴ Эти формы не могут отражать южнорусское влияние, так как в южнорусских и белорусских говорах, где была введена окситонизация в Acc. Sing. *-i*-основ с подвижной а. п. (*земля*), в Nom. Sing. множественного числа всегда сохранялась баритонеза (*зѣмли*); так же в белорусских памятниках XVI—XVII вв.).

³⁵ Ср. еще Acc. Sing. *земля* 2х в Писем. (1х *зѣмлю*), см. Ягич 436, 467, 486; наличие такой формы в этом памятнике вызывает удивление еще и потому, что в нем все *-i*-основы (в том числе окситонированные), как правило, представляют баритонезу Acc. Sing. (ср. *жину, сістру, старіа, как аблоу, цѣну*). Формы *зѣмлі, на зѣмлі, къ зѣмлі* весьма многочисленны в русском списке Книги 12 малых пророков конца XV — начала XVI в. (см. Туницкий 5, 33, 54 и т. п.); показания этого текста, имеющего среднеболгарскую акцентацию, более определенны, так как в нем можно отметить частичное сохранение окситонированного типа *-i*-основ, ср. Acc. Sing. *сѣмлі, по рѣкѣ, къ рѣкѣ* (Тунцкый 58, 46, 52).

< слав. **doga* (*dogǫ*), окс. а. п. 'дуга, обруч; радуга'; такая акцентуация не согласуется с подвижной а. п. лит. *dangà* 'покрышка; покров, одежда; (диал.) пластенка сеновала' (4 а. п. — Kur. LD, Šlap. LR, NS, LKRŽ, DLKŽ) ²⁰.

2. Основы на -о- мужского рода

§ 42. Принцип акцентуационного распределения. Славянские -о-основы мужского рода с краткостным корнем распределены между подвижным и окситонированным акцентуационными классами. В подвижной а. п. баритонированные формы с нисходящей интонацией корня имеют все падежи единственного числа, Nom. Pl., Acc. Pl. и Nom.-Acc. Du. Баритонированные формы с новоаккутовой интонацией на корне представлены в окситонированном типе в Nom. Sing., Gen. Pl., Loc. Pl. и Instr. Pl. Во всех этих случаях баритонеза возникла в результате оттягивания ударения — с конечных сверхкратких (Nom. Sing. **pǫrǫ* < **pǫrǫ*), срединных циркумфлектированных долгот (Loc. Pl. **pǫrǫxǫ* < **pǫrǫxǫ*) и, вероятно, конечных долгот (Instr. Pl. **pǫrǫ* < **pǫrǫ* ср. схрв. диал. *krđov*, *brěsti*, слов. *kŕnji*, рус. *сѣбѣ*, *пѣды* в памятниках, см. Stang Accentuation 71; на долготу окончания указывают слов. *z bogi*, словин. *dqbi*, чеш. диал. *chlapy*).

Различие двух акцентуационных парадигм отражено всеми южнославянскими и восточнославянскими языками. В сербохорватском и в восточнославянских языках в основном сохраняется первоначальная акцентуационная кривая обеих парадигм (ср. схрв. *glās*, *glāsa*, рус. *глас*, *гласа* — схрв. диал. *šit*, *šitā*, рус. *шит*, *шита*). В словенском в результате оттягивания ударения с конечных слогов на долгий (повсеместно) или краткий (за исключением ряда северных диалектов) окситонированная а. п. преобразована в колонную баритонированную а. п. с восходящим ударением на корне, а в подвижной а. п. нисходящее ударение, напротив, перетянуто к концу слова (слов. *glās*, *glāsā* < **golsa* — *brěst* < **berstǫ*, *brěsta* < **berstā*). Процессы оттягивания ударения с конечного слога прошли и в болгарском, так что в памятниках XIV—XV вв. первоначально окситонированные имена представляют колонную баритонированную а. п., противопоставленную подвижной а. п. (ср. Письм.: Instr. Sing. *прѣстома* — *моужима*, Dat. Pl. *рѣшма* — *гладѣ*, *ѣшѣ* и т. п.); это противопоставление сохранено в современном болгарском: старые окситонированные имена, в отличие от имен с подвижной а. п., как правило, имеют ударение на основе в членной форме (*прѣстѣт*,

²⁰ Славянскому варианту с метатонизой **dōga* соответствует лит. *dānga*, 1 а. п. (Skardžius ŽD 40, Kam.).

robŭt — *mŏjŭt*, *gradŭt*, *večŭt*). В западославянских языках противопоставление двух акцентуационных парадигм можно установить, как и у *-ŭ*-основ, лишь для слов со славянской долготой в корне: долгота сохранялась у имен со старой окситонезой и сократилась в подвижной а. п. (ср. чеш. *dřin* — *hlás*). Судя по данным словинского и полабского языков, здесь окситонизированная парадигма была преобразована в баритонированную в результате оттягивания ударения на долгий слог. У имен с кратким или сверхкратким гласным в корне в Nom.-Acc. Sing. подвижной а. п. представлено удлинение гласного под нисходящим ударением (схрв. *bŏt*, *bŏta*, слов. *bŏg*), в то время как в Nom.-Acc. Sing. окситонированной а. п. возникающая в результате оттягивания ударения восходящая интонация была преобразована в нисходящую после того, как прошел процесс удлинения (схрв. *lŏt*, *lŏta* < **porŏ*, слов. *pŏr*)³⁷. Различие двух парадигм отражают в этом падеже в словах с *-ŏ* в корне русские говоры и памятники, знающие два звука *-ŏ*: в окситонированной а. п. представлен развившийся под новоаккутовой интонацией закрытый *ŏ*, в подвижной — *ŏ* открытый (ср. рязанск. *лŏл* — *бŏл*); аналогичное различие сохраняли словацкие говоры (слцк. *bŏb* — *boh*).

Рассматривая славянские имена мужского рода, отражающие индоевропейские masculina, обнаруживаем, что они, как правило, представляют подвижную а. п. вне зависимости от того, имеют ли соответствующие слова в других индоевропейских языках подвижно-окситонированную или баритонированную а. п.

43. Славянские имена с подвижной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п.

Схрв. *sŏk*, *sŏka*; слов. *sŏk*; болг. диал. *сок'ѣ* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 81), *закѡ* (Сухо, см. Mačeski II 105); рус. *сок*, *сока*, ср. диал. (Судогда) *сок*, *сокс* в Софийском сб. 16в. (ЮРЯС XVIII, 4, 215; Вас. 25); бел. *сок*, *сѡку*; укр. *сѣк*, *сѡку*; слцк. *zok*. Вторичные преобразования: схрв. диал. *sŏk*, *sŏka* (Подерје, см. СДЗБ II 328—329), болг. *сокът*.

< слав. **sŏkŭ* (*sŏka*), подви. а. п. 'сок' < **syok'as* 'сок растений'; ср. греч. ὀπός 'бродиальный сок' < **ŏpŏs*, лит. *zakaĩ*, мн. ч. 'смола', 4 а. п. (см. § 10).

Схрв. *vlŏk*, *vlŏka*; слов. *vlŏk*; болг. диал. *влакѣ* (Видин, см. СбНУ XIX 14), *влак'ѣ* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 80) 'невод'³⁸;

³⁷ Отсутствие в таких случаях закрытого *ŏ* в словесном может объясняться влиянием косвенных падежей, где безударное *ŏ* было открытым (ср. Gen. Sing. *pŏro* < **porŏ*).

³⁸ Акцентуация болг. *влакѡт* 'посад' не показательна, так как в этом значении болгарское слово является заимствованным из чеш. *vlŏk* 'посад', представляющего, в свою очередь, кальку нем. *Zug*.

рус. *волок*, *волока*; бел. *волак*, *волаку*; укр. *волок*, *волока*; чеш. *vlak* 'род сети'³⁹, слук. *vlak*, польск. *wełok* (также вторичное *włók*), словин. *vlàrk* с краткостью.

<слав. **volkъ* (*volka*), подв. а. п. 'невод' < **volkos* 'нечто служащее для натягивания, растягивания'; ср. греч. *ὄλος* 'ворот', *ὄλοι*, мн. ч. 'поводья' < **spolkos* (форма с „я подвижным“), лит. *valkas* 'рогатина для просушки кож', 4 а. п. (см. § 10) < **volkos*.

Схрв. *měx*, *měxa*; слов. *měh*; болг. *мехѣт*, ср. *kā mēxy* в Евангелии XIV в. (Лавров Оба. 228); рус. *мех*, *меха*; бел. *мех*, *меха* (Лобан 73); укр. *mīx*, *mīxa*; чеш. *měch*, слук. *těch*, словин. *mjēx* с краткостью. Вторична окситонеза в бел. *мех*, *меха*.

<слав. **měxъ* (*měxa*), подв. а. п. 'мех; мешок; кузнечный мех' < **moisōs* 'баранья шкура с шерстью; мешок из шкуры'; ср. др.-инд. (RV) *mezās* 'баран', лит. *maižas* 'мешок', 4 а. п. (также 1 а. п.), см. § 10.

Схрв. *mīi*, *mīia*; слов. *mīg*; болг. *мигѣт*; рус. *миг*, *мига*; бел. *mīi*, *mīy*; чеш. *mih*, слук. *mīh* с краткостью.

<слав. **mīgъ* (*mīga*), подв. а. п. 'мигание; мигание' < **meighōs* 'нечто туманное, неясное', ср. др.-инд. (RV) *meghās* 'облако', лит. *miėgas* 'сон (как состояние)', 4 а. п. (ср. § 10).

Схрв. *glās*, *glāsa*; слов. *glās*; болг. *гласѣт*, ср. Instr. Sing. *glasōma* в Халудовской псалтыри XIV в., *glasōm* в Евангелии XIV в. (Лавров Оба. 219), *по глау* в Письм. (Ягич. 461), *гласѣта*, *гласѣт* в дамаскиных XVII—XVIII вв. (Лавров Оба. 219, Милетич СД 17); рус. *глас*, *гласа*; бел. *глас*, *гласа*; укр. *глас*, *гласа*; чеш. *hlaz*⁴⁰, слук. *hlaz*, в.-луж. (*hlōz*), *hlōza*, польск. *glas*, словин. *glēz* с краткостью.

<слав. **golzъ* (*golza*), подв. а. п. 'голос' < **golsōs* 'крик, звук голоса'; ср. герм. **kalsā*, ср. р. (др.-сканд. *kall*, ср. р. 'зов') < **golsōt*.

Бел. *рух*, *рѣху*; укр. *рух*, *рѣху* 'движение; суматоха'; чеш. *gich*, слук. *gich*, вост.-словин. *gāh* с краткостью.

<слав. **rāxъ* (*rāxa*), подв. а. п. 'беспорядочное движение' < **raizōs* 'беспорядок; нечто нагроможденное, сваленное в беспорядке'; ср. герм. **raizāz* (др.-сканд. *reyrr* 'куча камней').

Схрв. *strūp*, *strūpa*; слов. *strap* 'ял'; рус. *струп*, *стрѣпа*; бел. *струа*, *стрѣпа*; укр. *струп*, *стрѣпа*; чеш. *strap*, словин. *strāp* с краткостью. Вторичен перевод в окситонированную а. п. в бел. *струп*, *стрѣпа* (Лобан 67).

<слав. **strāpъ* (*strāpa*), подв. а. п. 'струп, ядовитый нарыв' < **sronpōs* 'нечто разрушенное, захваченное насилием;

³⁹ Чеш. диал. *vlak*, с долготой возможно под влиянием -я-основым *vlāka*.

⁴⁰ Неясна долгота в чеш. диал. *hlaz*.

след разрушения, болезни; ср. герм. *raubāz (др.-в.-нем. *roub* 'грабеж, добыча'), лит. *raupai*, мн. ч. 'оспа', 4 а. п. (см. § 10) < *roupós (вариант без „з подвижного“).

Схрв. *dūh, dūha* (Dubrovnik, см. Rad CXXXVI 228; такая акцентуация допустима и в литературном языке, см. RJA), так же у Ю. Крижанича (РФВ XXXIV 91), в грамматиках Рельковича и Берлица (Rad CXCV 52); словен. *dūh*; болг. *духът*, ср. Instr. Sing. *духъ* в Евангелии XIV в. (Лавров Обз. 219), *духѣта*, *духѣта* в дамаскиных XVII—XVIII вв. (Лавров Обз. 218, Милетич СД 17); рус. *дух, дѹха*, ср. *къз дѹха*, *на дѹхъ* в Апостоле 1564 г. (Орлов I 84); бел. *дух, дѹху*; укр. *дух, дѹху*; чеш. *duch*, слук. *duch* с краткостью. Вторична акцентуация схрв. *дѹх, дѹха* собственно *dū, dūa* с сокращением гласного в значении < **dūh, dūha* (ср. схрв. *dūh, dūha* < **dūh, dūha*); эта акцентуация, как и словен. *dūh, dūha* с долготой, объясняется, вероятно, влиянием приставочных производных образований.

< слав. **dūxъ (dūxa)*, подв. а. п. 'дыханье; запах' < **deusōs* 'дыханье'; ср. герм. **þeuzō*, ср. р. 'зверь, дышащая тварь' (гот. Dat. Pl. *þiuzam*, др.-сканд. *þǫr*, др.-в.-нем. *tior*, др.-сакс. *dior*, др.-фриз. *diar*, др.-англ. *deor*) < **deusōm*.

Схрв. *хѡд, хѡда*; болг. диал. *оѡ* (Благовещград, Бобошево, см. ИССФ I 186, СбНУ XLII 20), *оѡ* (Лом, см. СбНУ XXXVIII 32), *хѡдѣ* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 81); рус. *ход, хѡда*, диал. (рязанск.) *ход* (Вас. 26, ИОРЯС XVIII, 4, 181), ср. *къз хѡдъ* в Уложении 1649 г. (Вас. 28); бел. *ход, хѡду*; укр. *хѡд, хѡду*; слук. *chod*. Влияние акцентуации приставочных образований (типа *chōd, chōda*) отражают словен. *hōd, hōda, hōd* (вместо ожидаемого **hōd*), ср. Л. А. Булаховский. Акцентологические этюды. — JФ, кн. IV, стр. 147.

< слав. **хѡдѣ (хѡда)*, подв. а. п. 'ход' < **sodós* 'ход, путь'⁴¹; ср. греч. *ὁδός*, жен. р. 'путь'.

Рус. *горн, гѡрна*, Лос. в *горнѣ*; бел. *гѡран, гѡрна*.

< слав. **gъrъnъ (gъrъna)*, подв. а. п. 'горн' < **ghynós* 'нечто горячее, раскаленное; жар'; ср. др.-инд. (RV) *ghynás* 'жара'; значение, идентичное славянскому, сохраняет лат. *fornis* 'печь'.

Схрв. *тѡк, тѡка*; слов. диал. *tōk* (Rad XLV 66); болг. *тѡкѣта* в Сборнике Тихонравова XVII в. (Лавров Обз. 218); рус. *ток, тѡка*, диал. (рязанск.) *ток* (ИОРЯС XVIII, 4, 180, Вас. 26), ср. диал. *на ток* (Вас. 28); бел. *ток, тѡка*; укр. *тѡк, тѡку*; слук. *tok*. Вторична окситонеза в слов. *tōk, tōka*, бел. *ток, тѡка* (Лобан 67), укр. диал. *тѡк, тѡка* (ASIPh VII 331).

< слав. **tōkъ (tōka)*, подв. а. п. 'течение, бег; ток' < **tak'ōs* 'бег, течение; место, по которому бегут'; ср. лит. *tākas* 'тропинка', 4 а. п. у Даукши (2х, см. Skardžius DA 35), в словаре Хаака

⁴¹ Славянский *х-* обычно объясняют как результат выравнивания по приставочным образованиям с **pri-*, **u-*.

(Нааск: Nom. Pl. *Takái* 237), по диалектам (в том числе в жемайтских — *Kuršėnai* — и восточноукштайтских — *Dusetos* — говорах, см. LKK III 62, карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Jabl. I 71, Šlap. LL, Kam., Bat., LKRŽ, DLKŽ). Первоначальность мужского рода подтверждает авест. *taka-*, муж. р. 'течение жидкости' < **tekʰos*.

Схрв. *drug*, *druga*, ср. *от друга* у Ю. Крижанича (РФВ XXXIV 119); слов. *drug*; рус. *друг*, *друга*, ср. *сб drugъ* (Вас. 56); бел. *друг*, *друга*; укр. *друг*, *друга*; чеш. *druh*, слцк. *druh* с краткостью.

< слав. **drŭgъ* (*drŭga*), подв. а. п. 'друг' < **dhroughas* 'друг'; ср. ант. *draŭgas* 'друг', 4 а. п. у Даукши (3х, см. Skardžius DA 34), Донелайтиса (многократно, см. Buch AD 17), по диалектам (в том числе в восточноукштайтских говорах — *Su-bačius*, *Dusetos*, см. LM 107, карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 86, Šlap. LL, Kam., NS, DLKŽ⁴⁵). Первоначальность мужского рода подтверждает герм. **drauſaz* (др.-сканд. *draugr* 'супруг').

Схрв. *vrān*, *vrāna*; слов. *vrān*; болг. диал. *враѣм* (Vasmer REW I 228); рус. *ворон*, *ворона*; укр. *ворон*, *ворона*; чеш. *vrān* с краткостью.

< слав. **vorŭnъ* (*vorŭna*), подв. а. п. 'ворон' < **vorŭnās* 'ворон'; ср. ант. *vorŭnas*, 4 а. п. у Даукши (1х, см. Skardžius DA 35), Донелайтиса (4х, см. Buch AD 21) и в литературном языке (Kur. Gr. 153, Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ). Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Warnis* Voc. 721 'ворон'.

Схрв. *plān*, *plāna* 'добыча'; слов. *plēn*; болг. диал. *плєно* (Бобошево, см. СбНУ XLII 20), *плєне* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 81); чеш. *plēn*, слцк. *plēn* с краткостью; на подвижную а. п. исходного слова указывает ударение производного глагола — рус. *полонѣшь*, *полонѣтъ*. Вторичный перевод в окситивированный тип обнаруживается в рус. *полѣн*, *полѣна* (ср. Gen. Sing. *полонѣ* в Ведомостях 1703 г., см⁴⁶ Оби. I 128), бел. *палѣн*, *палѣну*, укр. *полѣн*, *полѣну* (ударение косвенных падежей выражено по Nom. Sing.).

< слав. **pelanъ* (*pelna*), подв. а. п. 'добыча; плен' < **peľnās* 'нечто захваченное, добытое'; ср. ант. *peľnas* 'прибыль, заработок', 4 а. п. (Kur. Gr. 152, Явн. Гр. 87, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ). Первоначальность мужского рода подтверждает др.-инд. *paras* (< **pařas*) 'обещанное вознаграждение, заклад'.

⁴⁵ Указание на 2 а. п. в LKRŽ 192 ошибочно (*drauſaz*, ~ *ē* 2; надо было бы: *drauſaz* 4, ~ *ē* 2), ср. в LKRŽM 82 *drauſaz* 4.

Схрв. *tūr, tūra* (Симић 37); слов. *tūr*; рус. *тур, тūra*; укр. *тур, тūra*; чеш. *tur*, слук. *tur* с краткостью.

< слав. **tūrъ* (*tūra*), подв. а. п. 'тур, дикий бык' < **tourós* 'тур'; ср. ант. *tauras* 'тур', 4 а. п. (Šlap, LL, Kam., LKŽ, DLKŽ)⁴³.

Рус. *короб, коро́ба*, диал. *из коро́ба* (Вас. 29) < слав. **korbъ* (*korba*), подв. а. п. 'короб, коромыс' < **korbhás* 'короб'; ср. ант. диал. *karbas* 'короб', 4 а. п. (LKŽ). Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает фин. *karvas* 'короб'.

§ 44. Славянские имена с подвижной а. п. — индоевропейские баритонированные образования.

Схрв. *зуб, зуба*; слов. *zrb*; болг. *зѣбѣт*; рус. *зуб, зуба*, ср. Асс. РІ. *зѣм* в памятниках XVI в. (Кип. 22, 27); укр. *зуб, зѣбу*; чеш. *zab*, слук. *zib*, польск. (*zqb*), *zřba*, словин. (*zǫčb*), *zǫbъ* с краткостью.

< слав. **zrbъ* (*zřba*), подв. а. п. 'зуб; зубец' < **zrbhás* 'выступающий край, зубец; зуб'; ср. др.-инд. (RV) *jámbhas* 'зуб', греч. γόμφος 'гвоздь, шип', ант. *žambas* 'край, грань; пола одежды', 2 а. п. наряду с 4 а. п. (см. § 9).

Схрв. *воз, вѣза*, ср. *на возу* у Ю. Крижанича (РФВ XXXIV 119); слов. *vǫz*; рус. *воз, вѣза*, диал. (Рязань, Судогда) *воз* (Вас. 26, ИОРЯС XVIII, 4, 21), ср. *на козы* в Симсоновской летописи XVI в., диал. *на возу* (Вас. 27); бел. *воз, вѣза*; укр. *віз, вѣза*; слук. *voz*.

< слав. **vǫzъ* (*vǫza*), подв. а. п. 'воз, повозка' < **vǫžhás* 'повозка'; ср. греч. ὄχος (чаще мн. ч. ὄχοι) 'повозка'.

Схрв. диал. *vǫčer* (Hvar, см. ЈФ XIV 30), ср. *pǫd vǫčer* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 211); слов. *večer* (< **vǫčerъ*); рус. *вѣчер, вѣчера, пѣд вѣчер*, ср. *дѣвѣчера* в памятниках XVI в. (Орлов I 81, Вас. 56); бел. *вѣчар, вѣчара*; укр. *вѣчір, вѣчера*⁴⁴.

< слав. *vǫčerъ* (*vǫčera*), подв. а. п. 'вечер' < **vǫkʷeros* 'вечер'; ср. греч. (гомер). ἰσπῆρος 'вечер' < **vǫskʷeros*, ант. *vǫkaras* 'вечер', 1 а. п. в памятниках и диалектах (обычно 3 а. п.) < **vǫkʷoros* (см. § 9).

Схрв. диал. *vǫās, vǫāsa* (Novi, Пипери, см. ИОРЯС XIV, 2, 209, СДЗБ X 75), *vǫās, vǫāsa* (Hvar, Brač, см. ЈФ XIV 18, СДЗБ X 38), *lǫās, lǫāsa* (Bednja, см. HDZb I 297); слов. *lās*, диал. *vǫās*; болг. диал. *власѣ* (Г. Джумая, см. ИССФ I 186), *власѣ* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 80), *власѣт* (Смолян, см. РН IV,

⁴³ О греч. ταῦρος см. § 11.

⁴⁴ Вторичное удлинение перед сонантом представлено в ст.-чеш. *večír*, чеш. диал. *večír, večér* (Bělid 112, Bartoš I 8), ср. схрв. *pǫd vǫčer*.

3, 99); рус. *волос, волоса, за волосы*; бел. *волас, воласа*; укр. *волос, волоса*; чеш. *vlas, садк. vlas, в.-луж. (wlós), wlosa*, польск. *włos*, словин. *vlàs* с краткостью.

< слав. **volъ* (*volъa*), подв. а. п. 'волос' < **volkôs* 'волос; побег'; ср. др.-инд. (TS) *vâlsas* 'побег; ветка'.

Схрв. *дрѣп, дрѣпа* 'черепок; плитка черепицы'; слов. *črēr*; болг. *дрѣп* (Самоков, см. ИИБ IV 270); рус. *чѣреп, чѣрепа*; бел. *чѣрап, чѣрапа*; укр. *чѣреп, чѣрепа*; чеш. *střer, lřer*, садк. *čter*, в.-луж. (*črór*), *črora* (Šmolef, см. Дыбо ВЛ) с краткостью.

< слав. **četrъ* (*četrъa*), подв. а. п. 'черепок, обломок; череп' < **k'érpos* 'череп; черепок'; ср. герм. **H'érfaz* (др.-в.-нем. *heresf*, муж. р. 'череп').

Схрв. *воѣк, воѣка*; слов. *vôlk*; болг. *воѣкѣт*, ср. *вакѣт* в Сборнике Тихонравова XVII в. (Лавров Оба. 135); рус. *воѣк, воѣка*, ср. *на воѣка на воѣки* в Сб. 1647 г. (Вас. 121); бел. *воѣк, воѣка*, укр. *воѣк, воѣка*; садк. *vlk*, словин. *vônk* с краткостью. Перевод слова в окситонированную а. п. представлен в рус. диал. *воѣк, воѣка*, бел. *воѣк, воѣка*.

< слав. **vôlkъ* (*vôlkъa*), подв. а. п. 'воѣк' < **u/k'os* 'воѣк'; ср. др.-инд. (RV) *vîkas* 'воѣк', греч. *ἰάκος* 'воѣк' (в лит. *vîlkas*, 4 а. п., следы баритонесы не обнаруживаются, см. § 11).

Болг. *сънѣт*, диал. *сънѣ* (Видин, см. СбНУ XIX 14), *санѣ* (Ботевград, см. СбНУ XXXVIII 8), *соно* (Бобошево, см. СбНУ XLII-20), *съно* (Шумен, см. Miletič OB 102), *санѣ* (Сухо, см. Małecki II 105), ср. *сънѣтѣ* в Свиштовском дамаскине 18 в. (Милетиč СД 18). В сербохорватском и словенском отражен перевод слова в окситонированную а. п.: схрв. *зѣп, зѣп*, слов. *zēp, zēp*; этот процесс легко объяснить, если учесть, что формы косвенных падежей **zѣла, zѣли* и т. п. после падения сверхкратких приобрели ударение на окончании — **zѣлѣ, zѣлѣ* и т. п.; такие формы обусловили появление Nom. Sing. **zѣл* без удлинения (ср., напротив, Nom. Sing. *сѣм* в районе Косово, где по аналогии введены двухсложные формы косвенных падежей — *сѣна, сѣну* и т. п., см. Елев. II 200).

< **zѣлѣ* (*zѣла*), подв. а. п. 'сон' < **zārpos* 'сон'; ср. греч. *ἰπνος* 'сон'.

Схрв. *лѣк, лѣка* 'лук'; слов. *lôk* 'дуга; радуга'; болг. *лѣкѣт* (Пр, ПР); рус. *лук, лѣка*, ср. *из лука* в Уч. 1647 г. и у Катенина (Кир. 85, Бул. РА 171); бел. *лук, лѣка*; укр. *лук, лѣка*; чеш. *luk* 'лук; обруч', садк. *luk*, польск. *łęk* 'изгиб' с краткостью. Вторично окситонела схрв. диал. *лѣк, лѣка* (Вост. Герцеговина, см. СДЗБ X 41).

< слав. **lôkъ* (*lôkъa*) 'обруч, дуга; лук' < **lôpkos* 'нечто изогнутое'; ср. лит. *laĩkas* 'обруч бочки, дуга; изгиб', первоначально 2 а. п., судя по форме Ill. Sing. *laĩkan* < **laĩkana* в юго-восточном звукосном говоре Lazūnai (Arunas 32) при более обычной

4 а. п. по говорам и в литературном языке (ср. Ruhig DL: Instr. Pl. *Lankais* 74a); на баритонезу указывает также герм. **lānhan*, ср. р. 'ремень' (др.-англ. *seafillo*, Pl. *maestlōn*), являющиеся, вероятно, преобразованием -о-основы **lonkom*. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Lankis Voc.* 199 'угол' (вероятно, вместо **Lankis*).

Схрв. диал. *grōm*, *grōma* (Novi, Hvar, Лепетаво, Прчањ, Пива, Пасивля, Senj, см. ИОРЯС XIV, 2, 209, ЈФ XIV 71, 77, Реџ. 62, СДЗб X 198); слов. *grōm*; рус. *гром*, *грōма*, диал. (рязанск.) *гrom*, *грѣма* в Софийском Сборнике XVI в. (ИОРЯС XVIII, 4, 18, Вас. 24—26), ср. *грѣми* в Чуд. НЗ XIV в. (Кип. 22), *от грому*, *о громе*⁴⁵ в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 27); бел. *гром*, *грōму*; укр. *грѣм*, *грōму*; слав. *hrom*. Вторична окситонеза в схрв. диал. *grōm*, *грōма* (Подерје, см. СДЗб II 317, так же Ристич 116 (ср. контаминацию двух парадигм *грōм*, *грōма* в литературном языке); слов. диал. (Dolenjsko) *grōm*, *grōma* (Plet.); болг. диал. *грōма* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 80).

< слав. **grōmъ* (*grōma*), подв. а. п. 'гром' < **ghromos* 'грохот'; ср. глоссу Гесикия *χρόμος* 'φάρος; πῶς' 'какой-то звук' (HAL IV 298).

Схрв. *lōg*, *lōga* 'логово; русло реки'; рус. *лог*, *лōга*; бел. *лог*, *лōга*.

< слав. **lōgъ*, *lōga*, подв. а. п. 'логовище; русло реки, лог' < **lōghos* 'место, где лежат'; ср. греч. *λόχος* 'ясада'.

Схрв. *lōj*, *lōja* 'мир'; слав. (устар.) *hoj* 'достаток, изобилие'⁴⁶.

< слав. **gōjъ* (*gōja*), подв. а. п. 'изобилие; мирная жизнь' < **gōiŋhos* 'жизнь, жилье'; ср. др.-инд. (RV) *gāyās* 'дом и семья; домашнее хозяйство'.

Схрв. *bōd*, *bōda* 'укол, стежок'; болг. диал. *буѣ* (Чешнегирово, см. СбНУ XIX 432), *бодѣ* (Ботевград, см. СбНУ XXXVIII 8), *бодѣ* (Тетевен см. СбНУ XXXI 79), *бодѣ* (Шумен, см. СбБАН XXXIV 348) 'шип; колючка'; слав. *bod* 'укол'. Слов. *bōd* с -р-, вероятно, отражает влияние акцентуации приставочных образований.

< слав. **bōdъ* (*bōda*), подв. в. п. 'укол' < **bhādhos* 'укол; нажим'; ср. др.-инд. *bādhas* 'нажим, сила', ант. *bādas* 'голод; (первоначально, возможно, 'коанки'), 2 а. п. в памятниках (обычно 4 а. п.), см. § 11.

Схрв. *bōi*, *bōia*; слов. *bōg*; болг. диал. *бои* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 80)⁴⁶; рус. *бог*, *бōга*, диал. (рязанск.) *бои*, *бѣт* в Софийском Сборнике XVI в. (Вас. 26, 24), ср. на бога, на кога,

⁴⁵ Слов. *gōj*, *gōja* 'забота' является поздним стилизованным образованием от *gōjiti* 'заботиться, выращивать' и не отражает акцентуацию слав. **gōjъ*.

⁴⁶ Акцентуация *bōiam* в болгарском литературном языке (ср. *бѣгѣте* в Сенинском домашнем XVIII в., см. Милетич СД 23) связана, вероятно, с тем, что слово *бог* обычно не употребляется по говорам с членом (ср. соответствующие данные говора с. Бабошево — СбНУ XLII 20).

по косѣ в памятниках XVI в. (Вас. 27, Орлов II 15); бел. боі, боіа; укр. біі, боіа; служ. боі.

<слав. *bǫgъ (bǫga), подв. а. п. 'бог' < *bǫgos 'распределитель благ, бог'; ср. др.-инд. (RV) bhāgāy 'распределитель благ, господин (титул божества)'.

Схрв. цѣп, цѣпа; слов. сѣр; рус. цѣп, цѣпа; бел. цѣп, цѣпа; укр. ціп, ціпа; чеш. сер, служ. сер, словин. сірра, мн. ч., с краткостью. Вторично рус. цѣп, цѣпá (Sedláček 101).

<слав. *сѣръ (сѣра), подв. а. п. 'цеп' < *kōipos 'нечто расщепленное'; ср. глоссеу Гесиохия σκῆτος· ἢ ἐξοχὴ τῶν ξύλων, ἐν ᾧ οἰοῖν αἱ χέραιαι 'балка, поддерживающая черепичное покрытие' (HAL IV 47).

Схрв. дыал. рѣћ, рѣћа 'угольная пыль' (Kastav, см. ZNŽO XXXIX 401); слов. рѣћ 'пыль, размельченная земля'.

слав. *рърхъ (рърха), подв. а. п. 'пыль' < *rǫsaz 'мелкие частицы чего-либо'; ср. герм. *fūrsaz (др.-сканд. forz, муж. р. 'водопад', первоначально, собственно, 'поднятая пыль').

Схрв. роі, роіа; слов. рог; болг. роѣѣт, ср. роѣ в Свистовском дамаскине XVIII в. (Милетич СД 17); рус. роі, роіа, дыал. (Рязань, Тотыма) роі, роіа в Псалтыри XVI в. (Вас. 25—26), ср. дыал. за роіи, по роіу, до роіа в памятниках (Вас. 26); бел. роі, роіа; укр. ріі, роіа; служ. роі. Вторична окситонеза в укр. дыал. рѣі, роіá (ASIPh VII 335), бел. дыал. роі, роіá (Кип. 83).

<слав. *rǫgъ (rǫga), подв. а. п. 'рог' < *rǫgos 'рог'; ср. лит. rāgas 'рог', 2 а. п. в памятниках Прусской Литвы (Mielcke DL: Nom. Pl. rāgai 217; недатированная грамота: Nom. Pl. Rāgai, Instr. Pl. Rāgais, см. PVG 607; Nesselmann: Rāgai 426) и, вероятно, в юго-восточных даукских диалектах (судя по форме Gen. Pl. rāgų, отмеченной в районе Gervėčiai, см. Arūnas 9); перевод слова в 4 а. п. представлен у Даукши (1x, см. Skardzius DA 34), в памятниках Прусской Литвы (Biblia 1735 г.: Nom Pl. ragai 301a, Gen. Pl. raggā 123b, 150b, 165b, Instr. Pl. raggais 123a, так же в издании 1755 г.; Ruhig DL: Nom. Pl. Ragai 176a; Donelaitis 3x, см. Buch AD 17), в большинстве современных диалектов и литературном языке. Первоначальность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. Ragis Voc. 705 'рог'.

Схрв. снѣі, снѣіа; слов. злѣг; болг. снѣѣѣт; рус. снѣі, снѣіа; бел. снѣі, снѣіу; укр. сніі, снііу; чеш. (snih), sněha, служ. злѣћ, словин. (sněg), sniggū с краткостью. Вторична окситонеза в укр. дыал. сніі, снііá (ASIPh VII, 334).

<слав. *злѣгъ (злѣга), подв. а. п. 'снег' < *znōigʰos 'снег'; ср. лит. zliėgas 'снег', 2 а. п. в северо-западном жемайтском говоре Švėkšna (ср. Loc. Pl. zliėgase с 'трехморным дифтонгом', см. LM 333) при более обычной 4 а. п. в говорах и в литературном языке. Первоначальность мужского рода в балтийском

подтверждает др.-пр. *Snauggis Voe.* 55 'снэг', ср. мужской род герм. **snaifaz* 'снэг' (гот. *snaifws*).

Схрв. *grād*, *grāda*, ср. *nā irad*, *ob irad* у Ю. Крижанича (РФВ XXXIV 119); слов. *grād*; болг. *градѣт*, ср. Письм. *кѣ градѣт*, *кѣ градоу*, Dat. Pl. *градѣм* (Ягич 410, 429, 405), *градѣта*, *градѣт* в дамаскиных XVII—XVIII вв. (Лавров Оба. 218, Милетич СД 17); рус. *город*, *города*, ср. *до города*, *под городом*, *на городе* в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 29); бел. *горад*, *города*, укр. *город*, *города*; чеш. *hrad*, слвк. *hrad*, в.-луж. (*hród*), *hroda*, польск. (*gród*), *gradu* с краткостью.

<слав. **gordъ* (*gordā*), подв. а. п. 'огороженное, укрепленное место' < **ghardhos* 'огороженное место'⁴⁷; ср. лит. *gardas* 'загон для скота, отделение в хлеву', 2 а. п. у Длукиши (1х при одной форме 4 а. п., см. Skardžius DA 137) и в жемайтских диалектах (Dovilai, см. карт. LKŽ) наряду с более обычной 4 а. п. Первоначальность мужского рода подтверждает герм. **gar-daz* (гот. *garþs* 'двор, дом').

§ 45. Отклонения от описанного распределения. В ряде случаев такие отклонения являются мнимыми. Так, слав. **kǫtъ* (*kǫtā*), окс. а. п. 'угол (помещения)' (схрв. диал. *kǫt*, *kǫtā*, слов. *kǫt*, болг. *кътѣт*, рус. диал. *кут*, *кутā* и т. п.) следует, вероятно, отделять от греч. *κλῑτός* 'угол глаза'⁴⁸ с ъ < **dh*. Слав. **drozdъ*, обнаруживающее формы окситонированной а. п. (схрв. диал. *drēzd*, *drēzda* — Prigorje, см. Rad CXV 100, болг. *дрѣздѣт*, рус. *дрѣзд*, *дрѣзда*), наряду с формами подвижной а. п. (схрв. *дрѣзд*, *дрѣзда* < **drōzda*, рус. *дрозд* в говорах с двумя -о-, укр. *дрізд*, *дрѣзда*), отражает, вероятно, не -о-основу, как греч. *στρῶδικς* 'воробей', лит. *strāzdas* 'дрозд' (4 а. п.), а -ā-основу, как герм. **brasdaz* (др.-сканд. *brōstr* 'дрозд'). Окситонизму в схрв. *pǫc*, *pǫd*, слов. *pēs*, *pǫd* (ср. др.-инд. *pīdas* 'род оленя', см. Böhlingk — Roth IV 728) следует объяснять так же, как аналогичную акцентуацию слав. **gǫль* (ср. § 44): формы **pǫd*, *pǫd* и т. п. возникли фонетически после падения сверхкратких в **pēsā*, *pēsā*.

Ряд действительно существующих отклонений связан, вероятно, со славянской рефлексацией баритонированных -о-основ среднего рода. Такие случаи будут рассмотрены ниже (§ 52).

§ 46. Акцентуационное совпадение двух парадигм -о-основ мужского рода в славянском. Слияние

⁴⁷ В балтийском и славянском, возможно, отражено древнее заимствование из языка семит.

⁴⁸ Ср. *κλῑτός* у Гесиода 'отверстие для дыма в очаге, дымоход' (HAL II 406).

двух акцентуационных парадигм -о-основ в подвижной а.п. является не балто-славянским, как считал Курилович, а чисто славянским процессом: выше (§ 8—10) было показано, что различие двух парадигм еще сохранено в латовском. Славянская подвижная а.п. представляет колонную баритонезу в единственном числе⁴⁰, и это обстоятельство, несомненно, обусловило ее совпадение с баритонированной а.п.: поскольку ед. ч. **sǫkъ*, *sǫka*, *sǫki*, *sǫkъ*, *sǫkoma*, *sǫsē* было идентично ед. ч. **udъ*, *udza*, *udzi*, *udъ*, *udzoma*, *udzē*, слово баритонированной а.п. было переведено в подвижную а.п. (**dǫ voza* как **dǫ zaka*, Dat. Pl. **uodǫmъ* как **zokǫmъ* и т. п.).

Можно предполагать, что совпадение двух парадигм в славянском первоначально было неполным. На такое состояние как будто указывают данные сербохорватских говоров о. Суска и северо-восточной Истрии. В говоре о. Суска ряд -о-основ мужского рода (представляющих подвижную а.п. во всех сербохорватских говорах) имеет необычную акцентуационную а.п. с окситонезой в косвенных падежах единственного числа⁴¹; в čakavских говорах Истрии некоторые имена того же класса имеют параллельные окситонированные формы в ряде падежей⁴². Как правило, такая акцентуация обнаруживается у имен, имеющих баритонированные соответствия в других индоевропейских языках; имена, отражающие окситонированные образования, представляют в этих говорах обычную подвижную а.п.; ср., с одной стороны⁴³, *zǫp*, *zǫbǫ*, *γrǫt*, *γrǫdǫ* (Istra: *grǫd*, *gradǫ*), *rǫx*, *rǫxǫ*, *lǫk*, *lakǫ* (Istra), *snǫg*, *snǫgǫ* (Istra), *cǫp*, Nom.-Acc. Pl. *cǫpi* (Istra), *ulǫs*, Nom.-Acc. Pl. *ulǫsi* (Istra)⁴⁴, с другой, — *γlǫs*, *γlǫsa* (Istra: *glǫs*, *glǫsa*), *mǫx*, *mǫxa* (Istra: *mǫh*, *mǫha*), *xǫt*, *xǫda* (Istra: *hǫd*, *hǫda*), *plǫn*, *plǫna* (Istra). Таким образом, в данном случае окситонеза выступает как отражение первоначальной баритонезы, что было уже отмечено для -ǫ-основ. Специфика -о-основ состоит, по-видимому, в том, что окситонированные формы были здесь факультативными и сохранились как реликты лишь в некоторых окранных говорах.

⁴⁰ Для славянской подвижной а.п. следует принимать раннее устаревшее окситонезы в Nom. Sing., Instr. Sing., а также в Nom. Pl. Введение баритонезы в Nom. Sing., возможно, связано с ранней заменой этой форм формой Acc. Sing. (ср. § 50).

⁴¹ См. J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. *Govor otoka Suska*. — HDZb, t. I, 1956, стр. 106.

⁴² См. D. Nemančić. Čakavisch — kroatische Studien. — SAW, Bd. CIV, 1883, стр. 371, 374.

⁴³ Без указания на место приводятся данные говора о. Суска.

⁴⁴ Ср. еще приводившиеся выше укр. диал. Gen. Sing. *rodъ*, *rodъ*, а также Acc. Pl. *vozkъ* при Nom. Pl. *zǫmъ* (Закарпатье, см. ЭНТШ XXVII 63), *zǫbъ* наряду с *zǫbi* (Перемишля, см. ЭНТШ XXXV—XXXVI 34). Эти факты, может быть, указывают на существование окранных украинских говоров с аналогичным акцентуационным распределением.

3. Основы на -о- среднего рода

§ 47. Принцип акцентуационного распределения. В славянском противопоставлены две парадигмы -о-основ среднего рода с краткостным корнем: 1) парадигма с колонной окситонезой в единственном числе и во множественном числе за исключением форм Loc. Pl. и Nom.-Acc. Pl.; в этих формах представлена новоакутонная интонация на долгом (̑) или кратком (̐) корневом слоге, причем в Nom.-Acc. Pl. данные сербохорватских говоров и восточнославянских языков указывают на существование параллельных форм с окситонезой (ср. рус. *ворота* при *vorotá*); поскольку в Loc. Pl. следует принимать оттягивание ударения со срединного циркумфлектированного слога (**vor-těxъ* > **voȓtěxъ*, ср. Stang Accentuation 83), а в Nom.-Acc. Pl. оттягивание ударения можно поставить в связь с долготой окончания -а, обнаруживающейся в сербохорватском (схрв. диал. *nebesā*), словенском (слов. *děla* < **děla*) и словацком языках (сакш. *brdá, slovesá*)⁵¹, колонную окситонезу можно восстанавливать и во множественном числе; 2) подвижная а.п. с переносом ударения на энкантики и прокантики (ср. рус. *море, на море*), представляющая окситонированную форму Nom.-Acc. Pl. (рус. *моря*). Различие этих двух парадигм хорошо сохранено в сербохорватском, словенском и восточнославянских языках; оно обнаруживается в западнославянских языках, если корневой слог содержал славянский долгий (долгота сохранена в окситонированном классе и утрачена в подвижном); в болгарских говорах отмечается далеко зашедшее смешение обеих парадигм.

При анализе индоевропейских соответствий славянским именам среднего рода с краткостным корнем обнаруживается, что такие соответствия, как правило, имеют только имена с окситонированной а.п.: они соответствуют индоевропейским образованиям с колонной окситонезой в единственном числе и баритонезой во множественном. Индоевропейские образования среднего рода с баритонезой в единственном числе, как будет показано ниже, переведены в славянском в мужской род.

§ 48. Славянские имена среднего рода с окситонированной а.п. — индоевропейские окситонированные (в сд. ч.) образования.

Схрв. *perǎ*, Pl. *perǎ* (Hvar, Susak, см. JФ XIV 54, HDZb I 171), *perǎ*, Pl. *pěra* (Novi, см. ИОРЯС XIV 2, 221), *pěro, pěra* (Вост. Герцеговина, см. СДЗБ III 133), *pěro, pěra* (литератур-

⁵¹ Ср. оттягивание ударения в Instr. Pl. окситонированных -о-основ, также связанное с долготой окончания этого падежа (см. § 42).

ный язык); слов. *péro, péra*⁵⁵; рус. *перо*; бел. *пярó, пярэ*; укр. *перó*, Pl. *пéра* и *перá* (днал.).

< слав. **perô* (Pl. *perâ* // *pêrâ*), окс. а. п. 'перо' < **pteróm* или **peróm* 'перо; крыло'; ср. греч. *πτερόν* 'перо; крыло'⁵⁶.

Схрв. *gñzđđ*, Pl. *gñzđđ* (Hvar, Brač, см. JФ XIV 24, СДЗб X 42), *gnězđđ*, Pl. *gnjězđo* (Bednja, см. HDZb I 299), *инэдо, инэда* (литературный язык); слов. *gnězdo, gnězda*; рус. *инэдо, инэда*; бел. *инядо, инэды*; укр. *иніадо, иніада* (и Nom. Pl. *гнїзді* в Острожской библии XVI в., см. Весел. ВУ 55); ст.-чеш. *hniezdo*, чеш. *hnízdo*, садж. *hniezdo*, польск. днал. *gniazda, gnozdo*, (Karłowicz, СБОРЯС LXXVIII, 4, 113, Kusała 83), словин. *gñūzdo* с долготой.

< слав. **gnězđō* (Pl. *gnězđā* // *gnězđā*), окс. а. п. 'гнездо', с преобразованием начала слова < **nízdom* < **nisdóm* 'гнездо'; ср. др.-инд. (RV) *nīdā-* (мужской или средний род) 'место отдыха скота; гнездо', лит. *lizdas* 'гнездо', 4 а. п. (ср. § 16).

Схрв. днал. *jādrē*, Pl. *jādro* 'ядро' (Bednja, см. HDZb I 299); слов. *jédro*, Pl. *jédra*; рус. *ядро, ядра*; бел. *ядрó, ядры*; чеш. *jádro*, польск. *jądro*, словин. *jōdro* с долготой⁵⁷.

< слав. **jedrō* (Pl. *jedrá* // *jédra*), окс. а. п. 'ядро, семя' < **end-róm* 'ядро, семя'; ср. др.-инд. (RV) *andám* 'testiculus' < **andram*.

Рус. *нупрó*; бел. *нупрó*; укр. *нупрó*.

< слав. **ptrō*, окс. а. п. 'внутренность, утроба' < **ontróm* 'внутренности'; ср. др.-инд. (RV) *āntrām* 'внутренности'.

Рус. днал. *сїлó* (Даль), бел. *сїлó*, мн. *сїлм*, укр. *сїлó* в словаре Бериндам (Весел. Бер. 11); садж. *osidlo* (начальное о-вторично) с долготой; вторично акцентуация рус. днал. (пермск., вятск.) *сїло*, укр. *сїло*.

< слав. **sīdlō*, окс. а. п. 'сила, петля' < **seidhlóm* 'нечто заплетывающееся'; ср. germ. **sailla* 'веревка' (др.-в.-нем. *seil*, ср. р.-др.-сакс. *sēl*), с упрощением геминаты после долгого слога < **sailla* < **saidlā* < **seidhlóm*⁵⁸.

Укр. *горнó* 'гори'⁵⁹.

< слав. **gьgnō*, окс. а. п. 'гори; раскаленные угли' < **ghgnóm* 'нечто горячее, раскаленное'; ср. др.-инд. (RV) *ghgnás* 'жара' < **ghgnás*.

⁵⁵ Вероятно, первоначально **péro, péra*, (ср. *sēlo, sēla*) с поздним распространением в из множественного числа; в словенском литературном языке предельно вторичный перевод слова в «н-основы: *perô, Gen. perôvo*.

⁵⁶ Реконструкция формы с начальным **pt-* поддерживается соответствием греч. (кипрск.) *πτῶνι* : лит. *pilis*. Принимая исходное **peróm*, следует предполагать, что начальное *pt-* в греческом введено под влиянием слов вроде *πτέρεξ* 'перо', ср. WP II 21, Mayrhofer II 204.

⁵⁷ Но ср. садж. *jadro* с трудно объяснимой краткостью.

⁵⁸ Лит. *sailla*, днал. *sailla* 'веревочная ручка ведра, прачка' нужно рассматривать, вслед за А. Зенном, как заимствования из нижненемецкого (ср. Fraenkel LEW 755).

⁵⁹ Неизвестная акцентуация схрв. днал. *ггнó* 'раскаленные угли под слоем золы' (RJA).

Схрв. *dnò*, Pl. *dnà*, ср. *nà dno*, *zá dno* < **na dnò* и т. п. без переноса ударения на проклитики; словен. *dnò*; рус. *дно*, *до dnà*; укр. *дно*. Вторичная акцентуация схрв. диал. *dàno* (Росавина, так же в грамматике Рельковича 1767 г., см. Rad CXCVI 254, CXCIV 52), вероятно, извлеченного из Nom.-Acc. Pl. **dàna* < **dèna*, ср. слов. диал. Nom. Pl. *dàne* с заменой окончания среднего рода < **dèna* (F. Ramovš. K raznavanju glasovenske metatoniije. — Slavia, roč. II, 1923—1924, стр. 213).

< слав. **děno* (Pl. *děná* || *děna*) 'дно' < **dhabhnōt* 'дно'; ср. лит. *dūgnas* 'дно, крышка', 4 а. п. по диалектам (см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Kur. Gr. 152, Явн. Gr. 86, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

Колонная окситонеза в единственном числе упомянутых выше слов непосредственно отражает аналогичную индоевропейскую акцентуацию. Во множественном числе, исходя из данных других индоевропейских языков и в особенности из балтийских данных, следовало бы ожидать колонную баритонированную а. п. По-видимому, в славянском обнаруживается преобразование этой акцентуационной парадигмы в окситонированную — процесс, отмеченный выше для -*ŕ*-основ. Такое предположение подтверждает анализ баритонированных в индоевропейском имен Pluralia tantum в славянском, где славянскую окситонезу нельзя объяснить влиянием единственного числа.

Схрв. *jětra*, мн. ч. (говоры, сохраняющие новосактовскую интонацию, например. Novi, см. ИОРЯС XIV 2, 221), *jětra* < **jětra* (литературный язык) 'печень'; рус. диал. *ятра* 'внутренности'; чеш. *játra* < **jětra*; сакс. *jatrá* отражает, вероятно, окситонированное **jětrá*.

< слав. **jětra* (вероятно || *jětrá*), окс. а. п. мн. ч. 'внутренности, печень' < **en(t)era*, мн. ч. ср. р. 'внутренности'; ср. герм. **enþra* (др.-сканд. *innar*, *iðr*, мн. ч. ср. р. 'внутренности', ср. Barber 46), греч. *éntera*, мн. ч. ср. р. 'кишки' (также вторичное *énterov*, ед. ч.).

Схрв. *vràta* (но *na vràta* — Прчань, см. Reš. 57), *vràta* (литературный язык, Вост. Герцеговина, см. СДЗБ III 134), *vràta* (Novi, Susak, см. ИОРЯС XIV, 2, 221, HDZb I 183), *vràta* < **vràta* (Šartinovac, Лепетане, см. Rad CLXVIII 131, JФ XIV 79; так же у Ю. Крижанича, см. РФВ XXXIV 123); рус. *ворота́* (южн.-рус. говоры, так же в памятниках XVI—XVII вв., см. Stang UX 72, Орлов II 147, Весел. ВУ 55), *воро́та* (сев.-рус., см. Обн. II 398); бел. *варо́ты*; укр. *воро́та* и *воротá* (*воротá* в памятниках XVI—XVII вв., см. Весел. ВУ 55); чеш. диал. *vràta* (Litomyšl', Zlin, см. Hodura 11, Bartoš I 8; ср. лужиц. *vràta*, см. Kellner I 116), сакс. *vràta*, словин. *várta* с долготой указывают на **vórdta*. Окситонированный вариант Nom.-Acc. Pl., вероятно, отражен в чеш. *vràta*, в.-луж. *wrota*, польск. *wrota*.

<слав. *vortá//vǫrtá, окс. а. п., мн. ч. 'ворота' < *vǫrtá, мн. ч. ср. р. 'ворота'; ср. лит. vartai, мн. ч., 2 а. п. у Даукши (3х, см. Skardžius DA 33), в памятниках Прусской Литвы (Biblia 1755 г.: Gen. Pl. vartá 15b, Ruhig LD: Vartai 173a), повсеместно по диалектам и в литературном языке⁶⁰. На первоначальность образования мн. ч. ср. р. в литовском указывает др.-пр. Wario Voc. 210 'ворота'.

Схрв. plǫŭa (литературный язык, см. ПСК 355) < *plūtja, plāca (в говорах, сохраняющих новоякутовскую интонацию, например, Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 221), plǫŭa < *plūtja (Ристић); санх. plāca, чеш. plíce (вторичная палюализация Nom. Pl. *pljutja, воспринятого как Nom. Sing. жен. р.) с долготой отражают *pljūtja. Окситонированный Nom.-Acc. Pl., вероятно, представлял в словин. plāca с краткостью.

<слав. *plūtjá//plūtja и *pljutjá//pljūtja, окс. а. п., мн. ч. 'легкие' < *plōutja, *plēutja; ср. лит. plaučiai 'легкие', 2 а. п. у Донелайтиса (2х, см. Buch AD 30), по диалектам (в том числе в юго-восточных даукских — Kaltanėnai, см. LX II 383; перевод слова в 4 а. п. отмечен в западнодаукштайтском говоре Veliuopa, см. LM 235) и в литературном языке (Kyr. Gr. 163, Ян. Gr. 97, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

Отклонение от описанного выше соотношения „индоевропейская окситонеза в ед. ч. -о-основ среднего рода — славянская окситонеза“ обнаруживается лишь в одном случае:

Схрв. nā sto, nǫ sto и т. п. (так же у Ю. Крижанича, см. РФВ XXXIV 118; рус. nā sto, двѣсти и т. п., вѣсто, вѣстѣ, вѣстом в памятниках XVI—XVII вв. (Stang UX 41, 42, Вас. 56).

<слав. *sǫto, подв. а. п. 'сто'; такая акцентуация не соответствует окситонезе н.-с. *k̑ntóm (др.-инд. śatām, герм. *hunda, лит. šimtas, 4 а. п.). Может быть, изменение акцентуации славянского слова следует поставить в связь со вторичной долготой конечного слога, отраженной в схрв. sto, слов. stb (ср. схрв. dno, ydo, слов. dno, zlo с краткостью); такой долготой можно, вероятно, объяснить открытый -о- в этом слове в русских говорах и памятниках, различающих открытый и закрытый -о- (рязанск. sto, stb l⁴ в Софийском Сборнике XVI в., ср. рязанск. dno, ydo, dno, zdo в Софийском Сборнике, см. Вас. 127)⁶¹.

§ 49. Славянские -о-основы мужского рода с окситонированной а. п. — индоевропейские баритонированные (в единственном числе) образова-

⁶⁰ Форма vartai, 4 а. п., по свидетельству К. Буги (Buga II 719), не существует в литовском.

⁶¹ Вопрос о несоответствии акцентуации слав. *sǫto и н.-с. *k̑ntóm, естественно, снимается, если принимать неоднократно выдвигавшееся, но оставшееся недоказанным предположение о заимствовании славянского слова из греческого.

ния среднего рода. Еще Г. Хирт обратил в свое время внимание на то обстоятельство, что в ряде случаев индоевропейские *-o*-основы *neutra* представлены в славянском как образования мужского рода⁶². Немногочисленность приведенных им примеров⁶³ создавала впечатление случайности таких соответствий; их всегда можно было объяснить, исходя из наличия в индоевропейском дублетных форм мужского и среднего рода⁶⁴. Между тем, более тщательное рассмотрение славянских фактов показывает, что соответствие, отмеченное Хиртом, является регулярным, когда идет речь об отражении индоевропейских баритонированных *neutra* в славянском; имена мужского рода, представленные в этом случае в славянском, имеют, как правило, окситонированную а.п.

Схрв. *dvōr*, *dvōrā* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 214), *двор*, *двора* (литературный язык) с удлинением перед сонантом; слов. *dvōr*, *dvōra*; болг. *дворѣтъ*; рус. *двор*, диал. *двор* (костромск., рязанск., ср. *дворъ* в Псалтыри XVI в., см. ИОРЯС XVIII, 4, 315, 185, Вас. 110), *дворā*, так же в акцентуированных памятниках, начиная с Чуд. НЗ XIV в. (см. Вас. 111, 114, Stang UX 17, 31, Кип. 22); бел. *двор*, *дворā*; укр. *двір*, *дворā*, так же в памятниках XVII—XVIII вв. (Весел. ВУ 36, СБОРЯС CXXXIV, 2, 57); сакс. диал. (зап.-сакс.) *dvōr* < **dvōr* (но *dvor* в литературном языке). Отмеченные в ряде русских и белорусских памятников баритонированные формы Nom.-Acc. Pl. *дворѣ* (ср. Весел. НБ 147) возникли, вероятно, под влиянием Instr. Pl. **dvōry*, Loc. Pl. **dvōrěxъ*, где оттягивание ударения закономерно.

< слав. **dvōrě* (*dvōrā*), окс. а. п. 'двор' < **dhvōram* 'двор с воротами; ворота'; ср. др.-инд. (ŚB) *dvōram* 'двери, ворота'. Первоначальность среднего рода подтверждает лат. *forum* 'forum', а также греч. *πρόθυρον* 'наружная дверь, крыльцо', germ. **dura*, ср. р. 'ворота' (гот. *daūr*, др.-в.-нем. *tor*, др.-англ. *дор*).

Схрв. диал. *pōd*, *pōdā* (Novi, Sussak, Posavina, см. ИОРЯС XIV, 2, 214, HDZb I 106, Rad CXCVI 236), *pēd*, *ppeđā* (Bednja, см. HDZb I 297), *pōd*, *pōda* (Пива, Žumberak, см. СДЗб X 188, ASIPh VI 352), в литературном языке обобщена интонация Nom. Sing. — *pōd*, *pōda* 'пол; этаж'; слов. *pōd*, *pōda* 'пол'; болг. *пѣдѣтъ* 'пол'; укр. диал. *під*, *подā* 'низ стѣга' (ASIPh VII 333); рус.

⁶² Н. Hirt. Zu den slavischen Auslautgesetzen. — JF, Bd. II, 1893, стр. 399; ср. в особенности замечания о слав. **dvora*, **mazъ*.

⁶³ Их число пытались увеличить Х. Педерсен (H. Pedersen. Die indogermanische s im Slavischen. — IF, Bd. V, стр. 74) и Т. Милевский (Т. Milewski. Drobniaczki z fleksji prasłowiańskiej. — PF, rocz. XV, 1931, стр. 272—273); однако почти все их сопоставления оказались несудачными (исключения составляют замечания Милевского о слав. **jesera*, *jesero*).

⁶⁴ Ср. А. Meillet. Peg. na m.: S. Agrell. Intonation und Auslaut im Slavischen. — RSI, rocz. VII, 1914—1915, стр. 28.

диал. *пѡд, пѡда* (рязанск., см. Вас. 58, ИОРЯС XVIII 185) с выравниванием по Nom. Sing., на окситонезу исходного слова указывает акцентуация производного подовый. Вторичен перевод слова в подвижную а.п. в схрв. диал. *pōd, pōda* (Hvat, см. JФ XIV 18), укр. *під, піду*, бел. *под, поду*, рус. *под, пода*.

< слав. **pōdъ* (*podā*), окс. а. п. 'пол; низ' < **pōdom* 'часть ноги, расположенная на земле; земля под ногой'; ср. греч. *πίδω* 'почва, земля' < **pēdom*, лит. *pādas* 'подошва, подметка; глиняный пол, под печи', 2 а.п. (см. § 15) < **pōdom*.

Схрв. диал. *těrn, tērnā* (Bednja, см. HDZb I 297; ср. *těrn* = *těrn* в грамматике Берлица 1849 г., см. РФВ XIX 21), *těn, tēnā* с сокращением (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 214), *třn* < **třn*, *třna* (Пина, см. СДЗб X 192); слов. *trn*; болг. *трѣнѣт* (в литературном языке и большинстве диалектов); укр. *терѣн, тернѣ* (Smal 223); чеш. диал. (валашск.) *trn* с долготой (Machek 535). Вторичные выравнивания представлены в схрв. *třn, třna* (литературный язык, кайкавские говоры, ср. Rad CLII 191, CLIII 144, CLXII 52), укр. *терѣн, тернѣ*, рус. *тѣрн*, диал. *тѣрен, тѣрна*.

< слав. **těrnъ, tērnā*, окс. а. п. 'шип, колючка; растение с колючками' < **třnom* 'нечто острое, колючее'; ср. др.-инд. (RV) *třnat* 'трава'⁹³.

Схрв. *lān, lāna* (литературный язык, Лепетане, Црница, см. JФ XIV 74, СДЗб IX 227); такая акцентуация точнее всего отражает отношения, возникшие в южнославянских языках после падения сверхкратких: Nom.-Acc. Sing. *lān* не имеет удлинении, что характерно для окситонированного класса, а Gen. Sing. *lāna*, Dat. Sing. *lānu* и т. п. отражают введение в косвенных падежах акцентуации Nom.-Acc. Sing., последовавшее за устранением фонетических форм **lānā, lānū* (ср. укр. *лен, лѣну*, мн. *лѣни* наряду с фонетическими формами *лен, лѣну, лѣни*). Позднее на основании форм косвенных падежей был создан Nom.-Acc. Sing. *lān* (по типу *bōga—bōg*), отмеченный уже у Ю. Крижанича (*лѣн, лѣна* = *лѣн, лѣна*, см. РФВ XXXIV 122; ср. *lān, lāna* с выравниванием в посавских и подравских говорах, см. Rad CXCVI 235, CLXV 121). Аналогичные процессы привели к переводу слова в подвижную а.п. в словенском (*lān, lānā*)⁹⁴. Для болгарского можно также предположить близкое развитие, поскольку здесь наряду с закономерным *лѣнѣт* (литературный

⁹³ Слав. **těrnъ* могло бы отражать и -ā-основу **třnāz*, ср. герм. **ritnāz* 'шип' (гот. *raifnāz*) наряду с вторичным **ritnāz* (др.-в.-нем. *dorn*, др.-англ. *thorn*, др.-фриз. *thorn*); однако такая реконструкция не может объяснить схрв. диал. *těrnā*, ср. р. (Hvat, см. JФ XIV 24), сохраняющее первоначальный род слова (о дублетах типа **těrnъ* / **těrnō* см. ниже).

⁹⁴ Таким образом, отпадает необходимость реконструировать исходную подвижную а.п. на основании словенских и частично сербохорватских данных, как это делал Н. ван Вейк (N. van Wijk, Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen, vornehmlich im ursprünglich kurzen Silben. — ASLPh, Bd. XXXVI, 1916, стр. 334).

язык), *l'ánat* (Чепино, см. ПСл LXVI 212), *l'él'a* (Сухо, см. Mačeski II 60), представлено *lené* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 80), *léné* (Чешнегирова, см. ИССФ II 432), *lené* (Видин, см. СбНУ XIX 14), *lené* (Благоевград, см. ИССФ I 186).

< слав. **lěnъ* (*lěnā*), окс. а. п. 'лен' < **līnot* 'лен'; ср. греч. *lénō* 'лен'. Образования среднего рода представлены также в лат. *līnit* 'лен', герм. **līna* 'лен; льняное полотно' (гот. *leīn*, др.-в.-нем. *līn* и т. п.; ср. финск. *liina* < герм. **līna*) < **leīnot*.

Слов. диал. *mēh*, *māha* (Plet.); схрв. диал. *māh*, *māha* (Озарины, см. Reš. 67) с введением нитонации Nom.-Acc. Sing. в формы косвенных падежей, заменившие после падения сверхкратких фонетические формы **māh*, *māi* и т. п. (ср. выше о схрв. *lām*, *lāna*; аналогичные формы были созданы и в восточнославянских языках: рус. *мох*, *моха*, бел. *мох*, *моху*, укр. *мох*, *моху* при рус. *мох*, *мха*, бел. *мох*, *līmū*, укр. *мох*, *мху*); в-луж. диал. *mōch* с *o* из новолужитированного *ě* (Дыбо ВЛ). На основании косвенных падежей создана вторичная акцентуационная парадигма схрв. *māh*, *māha* (и, позднее, *māh*, *māha*, — Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 210, так же у Ю. Крижанича, см. РФВ XXXIV 123), слов. *māh*, *māhā*. Аналогичные процессы отражены в болгарском, ср. болг. *māhāt* (литературный язык), *māhē* (Тетевен, см. СбНУ XXXI 81), *māē* (Лом, см. СбНУ XXXVIII 32), *māhē* (Шумен, см. СбБАН XXXIV 348) наряду с закономерными формами *māa* (Видин, см. СбНУ XIX 13), *māo* (Самоков, см. ИССФ VIII—IX 324).

< слав. **mōhъ* (*mōhā*), окс. а. п. 'мох' < **mīsoz* 'мох'; ср. герм. **māza* 'мох; болото' (др.-в.-нем. *moz*, ср. р. др.-англ. *moz*, ср. р.).

Ст.-чеш. *sít* 'растение веревочник' с долготой; ср. рус. диал. *ситовый* 'сплетенный из растения сита, льяный, плетеный' (Даль), указывающее на окситонезу исходного слова. Слов. *sít*, муж. р., с нисходящей нитонацией может отражать влияние параллельного образования женского рода *sít*, Gen. *siti*.

< слав. **sītъ* (*sītā*), окс. а. п. 'название растения, служащего для плетения веревок' < **sēitom* 'привязь, нечто служащее для привязывания'; ср. герм. **sāiþa* (др.-в.-нем. *zeid* 'шнур', ср. р.), лит. *saitas* 'привязь, веревочная ручка ведра', 2 а. п. наряду с 4 а. п. (см. § 15) < **sēitom*; лит. *siētas* 'привязь', 2 а. п. у Довелайтиса (1x, см. Buch AD 20), по диалектам (жемайтские и соседние западнолукшайтские говоры, см. карт. LKŽ) и в литературном языке (Šlap. LL, Kam., LKRŽ, DLKŽ)⁶⁷ < **sēitom*.

Схрв. диал. *vān* (Istra, см. СДЗБ IX 126), *vān* с удлинением перед сонантом (Novi см. ИОРЯС XIV, 2, 238) 'кроме', *vāli*,

⁶⁷ Вариант с нисходящей *siētas*, 3 а. п., отмеченный Ф. Куршатов (Кат. Gr. 154), вероятно, возник под влиянием слова *siētas* 'сито'; ср. Кат. LD: *siētas* 'привязь'.

по *oapъ* 'спаружи' (Novi, Susak, см. HDZb I 181); слов. *oepъ*, *oepě* 'наружу, спаружи'⁶⁸. Эти наречные образования представляют формы Nom.-Acc. Sing. (ср. еще схрв. диал. *na jedan oapъ govorit* 'говорить впустую' в говорах Истрии, см. Rad CIV 373) и Loc. Sing. утраченного имени **oъль*.

<слав. **oъль* (*oъlъ*), окс. а. п. 'нечто внешнее, находящееся спаружи' < **oъlhom* 'нечто внешнее, противопоставляемое дому'; ср. др.-инд. (RV) *oûlat* 'лес, дерево' < **oъlhom*; образование среднего рода представлено также в герм. **stena* (др.-сканд. *vín*, ср. р. 'лукайка') < **oъlhom*.

Рус. *черѣд*, *чередá*, *чередомъ*. Перевод слова в подвижную а. п. представлен в рус. диал. (московск., горьковск.) *чѣред*, *чѣреда* (Nachtigall 272), укр. *чѣред*, *чѣреда*.

<слав. **čerdъ* (*čerdâ*), окс. а. п. 'черед' < **čérdhom* 'ряд, вереница; черед'; ср. др.-инд. (RV) *śárdham* 'стадо'. Первоначальность среднего рода подтверждает авест. *zarəda-*, ср. р. 'вид, род'.

Рус. диал. (пермск.) *черѣн* (< **чэрѣн*) 'солеварный котел или глубокая сковорода для выпарки соли' (Даль)⁶⁹; укр. диал. (черниговск.) *черѣн*, *чарѣн*, Гер. (с выравниванием) *черѣну* 'под печи' (Лисенко 69). В польск. *trzon* 'очаг', вероятно, отражен переход в подвижную а. п.

<слав. **čěrnъ* (*čěrnâ*), окс. а. п. 'род сосуда; часть очага' < **čěrnhom* 'сосуд над очагом для жертвоприношений'; ср. греч. *κέρων* 'сосуд для жертвоприношений'. На первоначальность ср. рода в славянском указывает укр. диал. *черанъ* (Лисенко 69).

Схрв. *drēn*, *drēnâ* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 214), *дрѣн*, *дрѣна* (литературный язык); слов. *drēn*, *drēna* < **drēn*, *drēna*; болг. *дрѣнѣт*; рус. диал. *дерѣн*, *дерѣна* (вторичное выравнивание по Nom.-Acc. Sing.); укр. *дерѣн*, *дерену*; ст.-чеш. *drfen*, чеш. *dřín*, в.-луж. *drēn*, *drēna*, польск. диал. *drzon* (Karłowicz), словин. *drōpn*, *drōpnâ* с долготой. Вторичные преобразования представлены в болг. диал. *дренъ* (Бобошево, Благоевград, Шумен, см. СбНУ XLII 20, ИССФ I 186, СбБАН XXXIV 348), рус. *дѣрен*, *дѣрена*.

<слав. **děrnъ* (*děrnâ*), окс. а. п. 'кизил, Cornus' < **dhérgh-nom* 'название растения'; ср. греч. *κέρυκος*, ср. р. 'молодой побег, ветка' < **dhérghnos*⁷⁰.

Схрв. *штѣт*, *штѣта*; болг. *щѣтѣт*, ср. Loc. Pl. *щѣтѣ* в Письм. (Ягич 450); рус. *щит*, *щита*; бел. *щыт*, *щыта* (при

⁶⁸ Ср. еще рус. диал. *оѣм* (Катагоща, см. Гедова 44) с закрытым *ѣ*, эпизодически появляющимся в ряде говоров на месте новоаккутированного *-ѣ*.

⁶⁹ Нам неизвестен источник рус. *чѣрен*, приводимого М. Фасмером в этом значении (Vasmer REW III 322). В. Даль указывает *черен* без ударения.

⁷⁰ Параллелизм *-ѣ* и *-ос/-осен* среднего рода — частое явление в индоевропейском, ср., например, приведенное выше греч. *κέρων* и *κέρως*, ср. р.

вторичном *щит*, *щита*, см. Лобан 77), укр. *щит*, *щита*; чеш. *štit*, слвк. *štit*, словин. *ščit* с долготой. Вторичен перевод слова в баритонированную а.п. в схрв. диал. (кайжавск.) *šēt*, *šēta* (Rad XLV 60), слов. *šēt*, *šēta*.

< слав. **ščitъ* (*ščita*), окс. а.п. 'щит; бердо' < **skēlītom* 'нечто расщепленное'; ср. лит. *skiestas* 'бердо', 2 а.п. наряду с 4 а.п. (см. § 17) < **skōlītom* (ср. др.-пр. *Staytan* Voc. 421 'щит'). Первоначальность среднего рода подтверждает лат. *scūtum* 'щит'. Окситонированный вариант отражает герм. **skilda* 'полено' (др.-в.-нем. *skilt*).

Схрв. диал. *přst*, *přstā* (Лепетане, Прчаль, Озринићи, см. ЈФ XIV 71, Rad. 46), с вторичным выравниванием по Nom.-Acc. Sing. *přst*, *přsta*; слов. диал. *přst*, *přstā* или *přsta* (Rad XLVIII 131); болг. *прѣстъ*; рус. диал. *пѣрст*, *пѣрс* (Vasmer REW II 344), *перстā*, *перстām*, ср. *перст*, *перстā* в грамматике Востокова (Nachtigall 190). Вторичный перевод слова в подвижную а.п. представлял в слов. *přst*, слвк. *přst* с краткостью; южнославянскую акцентуацию отражает баритонированная а.п. рус. *перст*, *пѣрста* (так же по памятникам, см. Кип. 27, 28, 69, Stang УХ 20).

< слав. **pърstъ* (*pърstā*), окс. а.п. 'палец' < **pърstHom* 'нечто выступающее, торчащее; палец'; ср. лит. *pirstas* 'палец; палец ухвата', 2 а.п. (см. § 17). Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Pirsten* Voc. 115 'палец'. Окситонированный вариант отражен в др.-инд. (RV) *pṛsthām* 'хребет'.

Схрв. диал. *vosъ*к*, *voskā* (Пипери, см. СДЗБ X 89); в других диалектах осуществляется перевод слова в подвижную а.п., что связано с обобщением акцентуации Nom.-Acc. Sing. **vōskъ* < **vōskъ* в косвенных падежах, ср. *vōsak*, *vōska* (литературный язык, Лепетане, Косово, см. ЈФ XIV 72, Елев. II 85) и далее *vōsak*, *vōska* (Косово, Крушевац, см. Елев. II 85, ASIPh XXV 213). Аналогичные процессы обусловили перевод слова в подвижную а.п. в других славянских языках, ср. слов. *vřsk* (но диал. *vřsek*, *vřska* с -р-, указывающим на первоначальную окситонезу), болг. диал. *vosoko*, *vosokot* (Самоков, Сухо, см. ИИБ IV 275, Mačeski II 127; ср., однако, *vosъkъ* в Сб. Тихонравова, указывающее, вероятно, на исходную окситонезу, ср. Лавров Обз. 128), рус. *воск*, *воску* (ср. рязанск. *воск*, *вѣскъ* в Софийском Сборнике XVI в., нѣ *вѣскъ* в Кормчей 1650 г., см. Вас. 25, 26, 27), бел. *воск*, *вѣску*, укр. *віск*, *вѣску*, слвк. *vosk*.

< слав. **vōskъ* (*vōskā*), окс. а.п. 'воск' < **vōkskom* 'воск'; ср. лит. *vāskas* 'воск', 2 а.п. (Kug. Gr. 154, Яви. Gr. 86, Kam., LKRŽ) наряду с 4 а.п. (Šlap. LL, DLKŽ). На образование среднего рода в балтийском указывает фин. *vaaha*, вет. *vaaha* 'воск' с конечным -а. Первоначальность среднего рода подтверждает

терм. **waħsa*, ср. р. 'воськ' (др.-сканд. *vaħ*, др.-в.-нем. *waħs*, др.-сакс. *waħs*, др.-англ. *weaħ*).

Рус. *пест*, *пестъ*; чеш. *píst*, слжк. *piest* 'бельевой валеж'.
< слав. **pěstŏ* (*pěstā*), окс. а. п. 'пест' < **páistom* 'орудие для точения'; ср. лит. *piestas*, 2 а. п. в восточноукшайтских и восточнолитовских диалектных говорах — *Dusetos*, *Linkmenys*, (карт. LKŽ), так же *Šlap. LL, NS*. На первоначальность среднего рода в славянском указывает слов. *pěstŏ* 'ступига'.

Схрв. диал. *prid*, *prida* (Славония, Хорватия, см. RJA) 'придача, прибавка'; болг. *прѣдѣт* 'подарок невесте' (РСБК). Вторичные преобразования представлены в схрв. *prid*, *prida*, слов. *prid*, *prida* (< **prid*, *prida* по типу *dim*, *dima*), болг. диал. *придѣ* (Лом, см. СбНУ XXXVIII 32), *придѣ* (Благоевград, см. ИССФ I 186).

< слав. **pridŏ* (*pridā*), окс. а. п. 'придача' < **préidhom* < **préidhŏm* 'нечто приложенное, прибавленное'; ср. лит. *priėdas* 'придача, прибавка', 2 а. п. у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 20) и в литературном языке (Куг. LD, *Šlap. LL*, Кам., LKRŽ, DLKŽ)⁷¹. Первоначальный средний род вероятно являлся ввиду показаний других сложений с корнем **dheft-* 'класть, ставить' во второй части, ср. схрв. *nádo* 'сталь; нора полевой мыши', схрв. *údo* 'член тела' (ср. слов. *úd*, *úda*, слжк. *úd*).

Исключениями являются единичные случаи отражения индоевропейских баритонированных *neutra* в виде славянских образований среднего рода с окситонированной (в единственном числе) а. п.

Рус. *чересло*; укр. *чересло*; слжк. *črieslo* (диал.), *čerieslo*, в.-луж. *črjěsło*, польск. диал. *trząsło* (см. Karłowicz, Kucala 106) с долготой. Вторичен перевод в подвижную а. п. в рус. *чѣресло*, польск. *trząsło*.

< слав. **čerslŏ*, окс. а. п. 'сошник' < **kértslom* 'нечто режущее'; ср. лит. *kėrtslas* 'орудие для пробивания стенов; скальпель', 2 а. п. (Юшк. AP II 86, NS, LKRŽ, DLKŽ; по диалектам также 4 а. п., см. карт. LKŽ).

Схрв. диал. *plātŏ* (Преча, см. Rež. 56), *plutŏ*, Pl. *plutā* (Šolta, см. Rad CCLXXII 147), *plātu* (Dubrovnik, см. Rad. CXXXVI 240), с вторичными преобразованиями корня *putŏb* (Брач, см. СДЗБ X 42), *putŏ*, Pl. *putā* (Hvar, см. JФ XIV 24)⁷²; словин. *plātu* с долготой.

< слав. **platŏ*, окс. а. п. 'поплавок' < **ploutom* 'держась на воде предмет; доска'; ср. лит. *plautas* 'полок в бане; доска,

⁷¹ Со вторичной метатонией лит. диал. *priedas* (LM 53), зап.-литов. *priedas* 'придача'.

⁷² В литературном языке *плауно* — вариант, отисченный В. Караджичем и, возможно, не отражающий действительного ударения (ср. Rad CXXXVI 240).

прикрепляемая к борту лодки и поддерживающая ее на воде', 2 а. п. по диалектам (в жемайтских, восточноукшайтских и западноукшайтских говорах, см. карт. LKŽ; по говорам также 4 а. п.) и в литературном языке (Skardžius ŽD 322, LKRŽ, DLKŽ). На первоначальный средний род в балтийском указывают финск. *lauta* 'доска; полук в бане', карельск. *landa* (Kalima IB 130) с конечным -а.

Примеры такого рода, вероятно, следует рассматривать как преобразование развившихся фонетически форм с -ъ в Nom.-Acc. Sing. в тот период, когда они еще сохраняли первоначальный средний род (имели согласование имен среднего рода), преобразование, осуществленное под влиянием продуктивных классов *neutra* на -lo (-dlo, -slo), -to, -no. Во многих случаях в славянском наряду с новообразованиями на -о сохранены фонетические формы с -ъ в Nom.-Acc. Sing., переведенные в мужской род. Выше приводились примеры такого параллелизма: *černô* (укр. диал. черна́) при **čěrnъ*, *černâ* (укр. диал. черо́н), **pěstô* (слов. диал. *pěsto* 'ступица') при **pěstъ*, *pěstâ* (рус. *пест*, *пестна́*), **těrnô* (схрв. диал. *těrnô*) при **těrnъ*, *těrnâ*, (схрв. *тѣн*, *тѣна́*), **udô* (схрв. *удо*) при **udъ*, *udâ* (слов. *úd*, *úda*). К их числу можно отнести еще случаи: **žezlô* 'жеза' (схрв. *žězlo*, слов. *žezlo*) при **žězlъ*, *žezlâ* (рус. диал. *жеза́л*, *жеза́л*, укр. *жеза*, *жеза́л*), **koltô* 'колотушка' (схрв. диал. *kláto* 'деревянный треугольник, надеваемый на шею свиньи, мешающий ей пролезть в щель забора', слов. *kláto*, служ. *kláto* 'палочка') при **koltъ*, *koltâ* (чеш. *klát* 'палочка, колотушка'), **pekľô* 'ал' (схрв. *pákao*; вторична баритонеза в рус. диал. *пѣкло*, укр. *пѣкло*) при **pekľъ*, *pekľâ* (схрв. *pákao*, слов. *pekěl*, *pekľâ*), **xělstô* (укр. *ховста́* 'уздечка') при **xělstъ*, *xělstâ* (рус. *холст*, *холста́*), **zvonô* 'колокол' (схрв. диал. *zvонô* — Прчань, см. Reš. 49) при **zvонъ*, *zvонâ* 'колокол' (бел. *звон*, *званá*, укр. диал. *дзвiн*, *дзвонá*, см. ASIPh VII 333; старое образование муж. р. отражает **zvонъ*, *zvонâ* 'звон' с подвижной а. п.: рус. *звон*, *звонá*, схрв. *zvон*, *zvонâ* и т. п.), **pětrô* 'деревянный настил, ярус' (рус. диал. *пятро́*, см. Vasmer REW II 478, польск. диал. *piętro* с долготой, см. Karłowicz; вторичный перевод в подвижную а. п. в чеш. *patro*, служ. *patro*, польск. *piętro* с краткостью) при **pětrъ*, *pětrâ* (слов. *pěter*, *pětra*; вторична акцентуация в схрв. *pětar* или *pětar*, Сеп. *pětra*), **bolnô* (рус. диал. *болонá* 'оболочка, наволочка', см. Даль) при **bolnъ* (словин. *blôpn*, *blôpnâ*, кашуб. *blón*, *blóna* 'облако'), **čexlô* 'чехол' (укр. *чохла*, мн. ч. 'расширения рукавов женской рубашки', предполагающее ед. ч. **чохло*, ср. польск. диал. *szexlô* 'женская рубаша; саван') при **čexlъ*, *čexlâ* (рус. *чехол*, *чехла́*, бел. *чахол*, *чахла́*)⁷².

⁷² Мы ограничиваемся надежными примерами; ср. Agrell IA 68—72 (глав собран весьма разнородный и требующий тщательного отбора материала).

§ 50. Перевод баритонированных neutra в мужской род в славянском в связи с изменением конечного -om в -ъ. Описанное выше распределение индоевропейских имен среднего рода в славянском можно объяснить, лишь приняв предположение об изменении конечного -om в -ъ в славянском, неоднократно выдвигавшееся различными исследователями. Поскольку окситонированное *p(t)eróm сохранилось как *però, а баритонированное *dhyárom было преобразовано в *duorъ (введение окситонемы в этом типе следует отнести к более позднему периоду), естественно допустить, что изменение -om > -ъ осуществлялось в безударном слоге, как предположил Г. Хирт в 1893 г. (H. Hirt. Zu den slavischen Auslautgesetzen. — IF, Bd. II, стр. 348—349). Как указывалось выше, Хирт первым обратил внимание на славянские имена мужского рода, восходящие к индоевропейским neutra; он же отметил, что большинство непронизванных имен среднего рода в славянском относится к окситонированному (в единственном числе) классу⁷⁴. Уязвимой стороной концепции Хирта было то, что он принимал аналогичное развитие конечного -os (-o под ударением, -ъ в безударном положении); это создавало непреодолимые затруднения при объяснении судьбы -os/es-основ neutra и -o-основ masculina в славянском⁷⁵. Однако такая концепция выгодно отличалась учетом акцентологического фактора от объяснений Ф. Ф. Фортунатова (-om, -os > -ъ) и А. Лескина (-om > -ъ, -os > -o), вокруг которых в основном велась полемика в более позднее время⁷⁶. В 1913 г. С. Аггелль фактически повторил формулу Хирта, не упомянув о своем предшественнике (S. Agge ll. Intonation und Auslaut im Slavischen. Upsal, 1914, стр. 52—53). Совершенно произвольно ограничение, внесенное им в эту формулу (безударные конечные -os, -om сохранены в славянском как -o, если им предшествует ударный циркумфлексированный слог). Характер слога, предшествовавшего безударному, по-видимому, не влиял на процесс редукции. Так, слав. *tǫlъ (чеш. tǫl

⁷⁴ Ср., кроме приведенных выше примеров, имеющих индоевропейские соответствия, слав. *zělo, *rebrò, *mekò, *tǫlò, *vǫdrò, *zorebrò, *rǫnò, *lǫcò (< *lǫkò), *stegnò 'bedro', *bedrò, *mǫbǫlò, *rečestò, *dǫrǫnò 'лесна' (чеш. dǫrǫno, jǫrǫno), *lǫtò < *lǫkò 'леток улья' (схрн. lǫmo), *lǫnò 'лоно' (lǫnǫ lǫnǫ в русских и украинских наметниках, бел. лǫnǫ, укр. лонѳ, ср. Вас. 37, Весел. ВУ 56, Лобан 296).

⁷⁵ Позднее Хирт безуспешно пытался устранить эти затруднения, основываясь на единичных случаях соответствия индоевропейских баритонированных -os/es-основ славянским образованиям муж. р. и индоевропейских окситонированных -o-основ masculina — славянским образованиям ср. р., ср. H. Hirt. Zur Verbalflexion. — IF, Bd. XVII, 1904—1905, стр. 291—292.

⁷⁶ Ср. сводку литературы попроса: S. Szachar. Słowiański Nom.-Acc. Sg. neutr. łamátów на -o-, -es-. — PF, rocz. XII, 1927, стр. 563—571; Э. А. Якубинская-Лемберг. Проблема образования форм среднего рода в славянских языках. — Уч. зап. АГУ № 250. Серия филол. наук, вып. 44, 1958, стр. 3—13.

с долготой при вторичном слове *tīf*) отражает баритонированное образование среднего рода **tālom* 'нечто разросшееся; нарост' (ср. др.-инд. *tālam* 'метелка растения; тростник') так же, как слав. **dvoŕь* восходит к **dhyōrom*; ср. еще вероятные отражения баритонированных neutra — слав. **gādъ* 'пресмыкающееся' (схрв. *gād*, слов. *gād, gāda*) при герм. **k*āda* 'грязь', ср. р. (др.-в.-нем. *quāt*, др.-фриз. *quād*, др.-англ. *swēad*) < **g*edhom*, слав. **jādъ* 'яд', первоначально 'нечто съеденное' (схрв. *jād*, слов. *jād jāda*) при герм. **āta* 'еда', ср. р., (др.-сканд. *āt*, др.-в.-нем. *az*, др.-сакс. *āt*, др.-англ. *æt*). В тех случаях, когда индоевропейские баритонированные neutra с долготным корнем отражены в славянском как слова среднего рода (ср. **ōrdlo*, **mǫdlo*, **lěto* и т. п.), мы имеем дело с введением конечного -о по аналогии, как, например, в **čerslō*, **plutō*. И здесь фонетические формы часто сохраняются наряду с более поздними аналогическими, ср. **tǫlъ* при **tǫlo* (чеш. диал. *tǫlo*, слвк. *tylo*), **lǫkъ* (схрв. *lūk*) при **lǫko* (схрв. диал. *liko*, чеш. *lǫko*).

Принимая вслед за Хиртом наименование безударного конечного -ом в -ъ⁷⁷, мы получаем удовлетворительную схему процесса „индоевропейские баритонированные (в ед. ч.) neutra > славянские окситонированные masculina“. Когда произошло наименование -ом > -ъ, парадигма старых баритонированных neutra совпала с парадигмой имен мужского рода в единственном числе. В этот период уже, по-видимому, осуществлялся перевод баритонированных masculina в подвижной акцентуационный класс (при сохранении факультативных баритонированных форм в определенных условиях, ср. § 46). Таким образом, процесс преобразования колонных баритонированных парадигм в колонные окситонированные (ср. § 68) мог захватить только единственное число старых баритонированных neutra (**dvoŕь, dvoŕa, do dvoŕa...* > *dvorъ, dvorā, do dvorā*, но **bōgъ, bōga, dō boga* сохранилось без изменений). Так как во множественном числе этой категории окситонизация унаследована от индоевропейского (Sing. **dhyōrom* — Pl. *dhyōrd*), возникла колонная окситонированная парадигма; устранение форм среднего рода во множественном числе завершило переход таких имен в категорию мужского рода.

Описанный процесс предполагает, что акцентуационное распределение непроизводных -о-основ среднего и мужского рода в славянском определенным образом связано не только с перво-

⁷⁷ Судя по данным -и/-и-основ среднего рода (**albo, *alboŕ* и т. п.), конечное -ом дало -о в славянском. В форме Nom. Sing. -о-основ муж. р. следует считать с возможностью разн. чтения окончания -ом на -ом (окончание Acc. Sing.); такое предположение хорошо согласуется с баритонизацией Nom. Sing. в подвижной а. п.: баритонизация исходна только в Acc. Sing.; появление новой формы Acc. Sing. на -а у имен, обозначающих живые существа, также можно связать со стремлением восстановить в этой категории противопоставление Nom. Sing. и Acc. Sing., утраченное в результате введения в Nom. Sing. формы на -ом.

начальным акцентуационным, но и с родовым распределением. Первоначальные имена среднего рода с краткостным корнем должны быть распределены между окситонированным классом славянских neutra и окситонированным классом славянских masculina; в объяснении, следовательно, нуждается класс славянских neutra с подвижной а. п. С другой стороны, так как индоевропейские masculina переведены в славянский класс masculina с подвижной а. п., славянские окситонированные -а-основы masculina должны, как правило, отражать первоначальные баритонированные neutra.

§ 51. Состав славянского класса -о-основ среднего рода с подвижной а. п. Основную группу имен среднего рода с подвижной а. п. составляют имена, где исходная (˘) интонация корня непервоначальна, но возникает на месте восходящей (˘) в подвижной а. п.; эти имена восходят, как правило, к индоевропейским окситонированным (в ед. ч.) neutra с долготным корнем и, следовательно, их акцентуация не нарушает распределения, установленного выше для имен с краткотным корнем. Так могут быть объяснены слав. *jāje, *māzo, *jāro, *očelo, *pivo, *zolto, *tēsto, *lědo, *sělo (ср. § 62). Первоначальная окситонеза этих слов объясняет отсутствие перехода -от>-ѡ.

В ряде случаев возникновение имен среднего рода с подвижной а. п. следует объяснять процессом подвижного извлечения форм на -о из окситонированных форм *Pluralis tantum* на -а: так, слав. **dǣvo* 'полено, дерево' (схрв. *dǣo*) извлечено из Pl. **dǣvā* (схрв. *dǣa*, рус. *дрова*, укр. *дрива*), слав. **krǫzlo* (рус. *красно*, укр. *красно*) извлечено из Pl. **krǫznā* 'ткацкий станок' (рус. диал. *красный*, мн. ч., ср. чеш. *krázna*), первоначально 'деревянные жерди, рама' (см. Maschek 237).

[illegible]

¹⁸ Первоначальность среднего рода в балтийском подтверждает др.-пр.-слав. *Аногамъ* Уос. 60 'озеро'.

ждает параллельное образование **žerъ* (скрв. диал. *jēzer* — Istra, Dubrovnik, см. СДЗб X 85, RJA; слов. диал. *jēzer*; рус. диал. *žerъ*) с закономерным отражением безударного -om; ср. еще слав. **žlovъ* (слов. *olju*, др.-рус. *олехъ*) при **žlovo* (рус. *олово*). Сохранение подвижной а. п. в этой категории связано с характером передвижения ударения в баритонированных парадигмах в славянском: оно переносилось, вероятно, только на соседний слог, так что в трехсложных словах не могла возникнуть колонная окситонированная а. п.

Труднее объяснить подвижную а. п. у ряда -jo-основ (ср. **mōrje*, **pōlje*, **gōrje*, **oētje* 'вече'), представляющих, возможно, первоначально баритонированные (в единственном числе) образования (отражение окситонированных -jo-основ следует, вероятно, видеть в словах типа **plektjē*, Pl. *plektjā* || *plāktja*, ср. рус. *плечо*, диал. Pl. *плечо* и *плеча*, см. СБОРЯС LXXVII, 8, 75). Можно предполагать, что сохранение подвижной а. п. здесь связано с отсутствием изменения безударного -je (<*jom), аналогичного изменению -om>-ъ. Развитие **mōrje* <**mōrjom*, **pōlje* <**pōljom* и т. д. отделило эту категорию слов от слов типа **duōrъ* <**dhyōrom*; с возникновением подвижной парадигмы у -o-основ *neutra* с первоначально долготным корнем (**mēzo* — *mēsā*) создались условия для включения слов типа **mōrje* — *morjā* в этот класс.

§ 52. Состав славянского окситонированного класса -o-основ мужского рода. В целом ряде случаев отмечается соответствие славянских окситонированных -o-основ образованиям среднего рода в других индоевропейских языках; хотя акцентуация этих образований неизвестна, естественно предполагать, что они были баритонированными.

Слов. *slōj*, *slōja*; болг. *сложат*; бел. *слож*, *слож* (Кип. 83); укр. *слий*, *слож* 'свишь, прожигая'. Вторичный перевод в подвижную а. п., обычный в именах, где представлено удлинение перед -j-, отражен в скрв. *slōj*, *slōja*, рус. *слож*, *слож*, бел. *слож*, *слож*.

<слав. **slōjъ* (*slōjā*), окс. а. п. 'слож' <**klōjom* 'полоса; слож'; ср. др.-пр. *Slagan Voc.* 309 'полоса саней'⁷⁹.

Скрв. *grōb*, *grōbā* (Novi, Прчаъ, Лепетане, см. ИОРЯС XIV, 2, 214, Reš. 46, JФ XIV 70), *grōp*, *grōbā* (Susak, см. HDZb I 106), *grēb*, *gryebā* (Bednja, см. HDZb I 298), *grōb*, *grōba* (литературный язык); слов. *grōb*, *grōba*; болг. *grōbът*, ср. отсутствие переноса ударения на предлоги в среднеболгарских па-

⁷⁹ М. Фраймер отделяет славянское слово от др.-пр. *Slagan, Slago Voc.* 307 'сани', лит. *slajos*, мж. ч. 'сани' и реконструирует **slōjъ*, связанное с **liti* 'лить' (Vaymer REW II 663); это сопоставление сомнительно семантически и морфологически (в древнем именном образовании ожидал бы окончание **slōja*).

мятников (из грѣхѣ, из грѣхѣ, ка грѣхѣ, см. Лавров Оба. 229, СБОРЯС LXVII, 3, 43, ИОРЯС XIV, 2, 314), грѣхота в Синштовском дамаськине XVIII в. (Миласич СД 20); рус. диал. грѣб, грѣба (Nachtigall 98); бел. диал. грѣб, грѣба (Кип. 83). Древний, но, по-видимому, вторичный вариант с подвижной а. п. представлен в рус. грѣб, грѣба, диал. (рязанск.) грѣп, грѣпа в Софийском сборнике и Псалтыри XVI в. (ИОРЯС XVIII, 4, 181, Вас. 24, 25), ср. ѿз грѣса, сѣгрѣса, кѣгрѣсѣ в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 27, 56), укр. грѣб, грѣба, слук. hrob.
 < слав. *grǫbъ (grǫbā), окс. а. п. 'гроб; могила' < *ghrobbhom 'могила'; ср. герм. *graba (др.-в.-нем. grab, ср. р. 'могила').

Схрв. stól (с удлинением перед сонантом), stold (Šolta, см. Rad CCLXXII 139, 146), stb (< *stól), stōla (литературный язык); слов. stól, stola; болг. stólym; рус. стол, stola, диал. (костромск., вологодск., рязанск.) stól (Вас. 110, ИОРЯС XVIII, 4, 185), окситонированная а. п. в памятниках XVI—XVII вв. (Stang UX 31, Ораов II 32, Вас. 112); бел. стол, stola; укр. stila, stola; слук. stól. Вторична акцентуация укр. диал. stila, stōlau (Smal 222; такие отношения отражены уже в украинских и белорусских памятниках XVII в., см. Весел. ВУ 36, Весел. НБ 147).

< слав. *stōlъ (stolā) 'стол; стул; подставка' < *stHēlom 'нечто поставленное; возвышение'; ср. др.-инд. sthālam 'возвышение; суша' (место ударения неизвестно, ср. Böhlingk VII 206).

Схрв. dēl, dēla (Istra, Novi, см. SAW CIV 16, ИОРЯС XIV, 2, 214), dīl, dīla (Hvar, Brač, см. ЈФ XIV 19, СДЗб X 39), diel, dielā (Bednja, см. HDZb I 297), dīl, dila (Posavina, см. Rad CXCVI 234), dēl, dēla (Prigorje, см. Rad CXV 102), dīo (с сокращением в зиянии), dijelā (Прчав, см. Реб. 53), dīo, dijēla (Вост. Герцеговина, Дубровник, см. СДЗб X 192), с вторичным выравниванием по Nom.-Acc. Sing. dījela (dīo), dijēla (литературный язык, Плавља, Лепетане, см. СДЗб III 128, ЈФ XIV 70); слов. dēl; рус. диал. после делу (Кадников, см. Обл. I 119); ст.-чеш. diel, чеш. dīl, слук. diel, польск. диал. dziół (Karłowicz), словин. dēl с долготой. Вторична акцентуация болг. делѣм (посеменно по диалектам), рус. диал. с делу (Vasmer REW I 337).

< слав. *dělъ (dělā), окс. а. п. 'часть; граница, отделяющая что-либо, водораздел' < *dhoilom 'часть'; ср. герм. *daila, ср. р. 'часть' (др.-в.-нем. teil, ср. р., ср.-н.-нем. dēl, ср. р., др.-фриз. del, ср. р.) при параллельном *dailaz, муж. р. (др.-в.-нем. teil, муж. р., др.-сакс. dēl, муж. р., ср.-н.-нем. dēl, муж. р.).

Схрв. stōl, stōla (Пива, Подерје, см. СДЗб X 118, СДЗб II 318), с удлинением неясного происхождения stōg, stōgā (Прчав,

см. Reš. 54), *stôž*, *stôža* (литературный язык, Vараždin, см. Rad XLV 66); слов. *stôg*, *stôga*; рус. диал. *стог*, *стога*, так же в литературном языке XIX в. (Nachtigall 102); бел. *стог*, *стага* (Лобан 67); укр. диал. *стіг*, *стога* (ASIPh VII 332). Перевод слова в подвижную а. п. отражают схрв. *stôg*, *stôga*, развившиеся на основе Nom.-Acc. Sing. *stôg* с удлинением (Novi, Prigorje, Hvar, Косово, см. ИОРЯС XIV, 2, 209, Rad CXV 101, ЈФ XIV 71, Елев. I 271), рус. *стог*, *стôга*, диал. (Рязань, Судогда) *сток* (Вас. 26, ИОРЯС XVIII, 4, 181, 315), *на стог* (Вас. 28), так же в академических словарях 1794, 1822 и 1847 гг. (Кип. 108), бел. *стог*, *стôга*, укр. *стіг*, *стôгу*, слцк. *stoh*.

< слав. **stôgъ* (*stogà*), окс. а. п. 'stor' < **stogom* 'покрытие; нечто покрытое'; ср. герм. **faka*, ср. р. 'крыша' (др.-сканд. *fak*, др.-в.-нем. *dah*, Gen. *dahhes*, др.-фриз. *thak*, др.-англ. *fæk*) < **togom* (форма без „з подвижного“).

Рус. *плот*, *плотá*, ср. Gen. Sing. *плотѣ*, Nom. Pl. *плотѣ* в памятниках XVII в. (Кип. 27, 70); бел. *плит*, *плитá* (при вторичном *плит*, *плѣта*, см. Лобан 74).

< слав. **plôtъ* (*plôtà*) 'плот' < **plutom* 'нечто плывущее; нечто текущее'; ср. др.-инд. *plutam*, ср. р. 'поток' (ударение неизвестно).

Рус. диал. *серѣн*, укр. *серѣн* (так же в словаре П. Беринды, см. Вessel. Бер. 8) со следами новоакутовой интонации, указывающими на первоначальную окситонезу; слцк. *ziel* с долготой (Kálal). Вторичный переход в подвижную а. п. представляют слов. *ziel*, рус. диал. *сѣрен*, укр. *сѣрен* возможно, под влиянием однокоренной -і-основы, отраженной в рус. диал. *сѣрень*, бел. *шѣрань*).

< слав. **zérъ* (*zernà*), окс. а. п. 'заморозъ, иней' < **kernom* 'наледь, иней'; ср. герм. **hera* (др.-сканд. *hjern*, ср. р. 'смерзшийся снег').

Схрв. диал. *hòst*, *hòsta* (вместо **hostà* с выравниванием по Nom.-Acc. Sing.) 'стебелек, на котором держатся ягоды винограда' (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 208); рус. *хвост*, *хвостá*, так же в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 112), диал. (Рязань, Тотма) *хѡст* (ИОРЯС XVIII, 4, 185, Вас. 110); бел. *хвост*, *хвостá*; укр. *хаіст*, *хвостá*. Вторичную акцентуацию отражают слов. *hòst* 'чаща, лес', слцк. *chvozt*.

< слав. **xvòstъ* (*xvostà*), окс. а. п. 'пучок, веник; хвост; чаща' < **zgyostom* 'пучок растительности, заросли'; к форме **gyostom* без „з подвижного“ восходит слав. **gvòzdzъ* (*gvozdà*) 'лес, чаща' (схрв. диал. *gvòzd*, *gvòzdzà* — Istra, см. СДЗБ IX 149; слов. *gòzd*, *gòzda*; вторично слцк. *hvozd*) с ассимилятивным изменением *st* > *zd*, как в польск. диал. *glizda* < **glista* (ср. Sławski I 284). На первоначальное образование среднего

рода указывает др.-пр. *Twaxstan* Voc. 553 'банный веник' (вероятно, ошибочно переписанное **Gwaxstan*⁹⁹).

Исходные образования среднего рода можно предполагать и в тех случаях, когда окситонированные -о-основы masculina в славянском отражают субстантивацию индоевропейских прилагательных, ср., например, слав. **běrstъ*, *berstā*, окс. а. п. 'вяз' (схрв. *brěst*, *brěstā*, *brěst*, слов. *brěst*, болг. *брѣстѣт*, рус. диал. Gen. Sing. *берестѣ*, см. *Nachtigall* 154, польск. диал. *brzost*; перевод в подвижную а. п. в рус. *берест*, чеш. *běřest*, укр. *берест*, *береста*, бел. *бѣраст*, *бѣраста*, чеш. *břest*, слук. *brest*, польск. *brzost* с краткостью) при germ. **berhlaz* 'светлый, блестящий' (гот. *bairhts*, др.-сканд. *bjarfr*, др.-н.-нем. *berahf*), слав. **šestъ*, *šestā*, окс. а. п. 'шесть' (рус. *шесть*, *шестѣ*, *шост*, бел. *шастѣ*) при греч. *σχιστός* 'расколотый'.

Единичны случаи соответствия славянских окситонированных -о-основ мужского рода индоевропейским образованиям мужского рода (баритонированным или с неизвестной акцентуацией). Для всех случаев такого рода допустимо единое объяснение: в славянском отражены баритонированные -о-основы neutra, существовавшие в индоевропейском наряду с однокоренными -о-основами мужского рода, засвидетельствованными в других индоевропейских языках; параллелизм такого рода часто отмечается и в одном языке, ср. др.-инд. *rāthas*, муж. р., и *rātham*, ср. р., germ. **lauþaz*, муж. р., и **lauða*, ср. р., слав. **zudnъ*, *zudna* 'звон' < **ǵhуonaz*, муж. р., и **zudnъ*, *zudnā* 'колокол' < **ǵhуonot*, ср. р. Таким образом, слав. **gōnъ*, *gōnā*, окс. а. п. 'вспаханная борозда' (слов. *gōn*, *gōna*, схрв. *гѣн*, *гѣна* с выравниванием; переход в подвижную а. п. в рус. *гон*, *гона*, укр. *гін*, *гону*, слук. *hon*) отражает, вероятно, пошеп acti **ǵhōnHom*, параллельное пошеп actionis **ǵhōnHos* (греч. *φόκος* 'убийство'). Слав. **rājъ*, *rājā*, окс. а. п. (схрв. диал. *rěj*, *rēja* — *Prigotje*, см. *Rad* CXV 99; слов. *rōj*, *rōja*, рус. диал. *роѣ*, ср. *роѣ* у Державина,

⁹⁹ И. Миккола предполагал здесь исходное **Gwaxstan* (см. E. Nieminen. Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Badeterminologie. — LP. t. 4, 1953, стр. 226—227), опираясь на частные случаи написания *t* вместо *c*. Однако сочетание *kw*-регулярно передается в древнепрусских текстах как *qu-*, *Qu-* (ср. *Quelle* Voc. 635 'яръ в заборе' *quaf*, *quafte*, *quofte* и *Эхирмадуме*) и едва ли *qu-* (*Qu-*) мог(а) быть пошепом переносочным как *tw-* (*Tw-*); напротив, замена готических написаний *Gw-* и *Tw-* вполне возможна. Таким образом, отпадают предположения о заимствовании древнепрусского слова из германского источника, основывавшиеся на реконструкции **Gwaxtan* (ср. нем. *Quast*) или **Twaxtan* (ср. др.-н.-нем. *dwachila* 'полотенце'; см. еще *Beugeler* PS 328, *Trautmann* AP II 453). Др.-пр. **Gwaxtan* совпадает со слав. **kwastъ* формально (в славянском отражена форма с «з полвинным») и семантически, ср. финск. пошпа 'парить в бане веником', см. подробнее Nieminen, цит. статья, стр. 218—227; тот же корень представлен в germ. **kwastuz* 'метелка растению; пучок, висть, веник' (ср. нем. *Bodequast* 'банный веник', др.-швед. *kwaister*, *kwafter* 'метел' < др.-сканд. **kwastr*).

см. Вас. 29, Оби. 1 246; укр. *pij roj*, бел. *roj*, *raj*, см. Кип. 87; слук. диал. *roj*, см. Mashek 420; вторичные преобразования в схрв. *roj*, *roja*, рус. *рой*, *роя*, укр. *pij*, *roju*) может восходить к форме **roiHom*, существовавшей наряду с **roiHos* (др.-инд. *rauaz* 'течение, поток'). Так же можно объяснять соответствия: слав. *drōgъ*, *drōgā*, окс. а. п. 'рычаг, палка' (чеш. *drouh*, слук. диал. *drūh*, польск. *drag*, *dragu*, словин. *drōng*, *drōngъ* при вторичном слог. *drōg*) — герм. **drangaz* (др.-сканд. *drangr* 'каменный столб')⁸¹; слав. **strōkъ*, *strōkā*, окс. а. п. 'стручок, стебель' (болг. *strǫkъt*, рус. диал. *спрук*, *спрукā*, бел. *спрук*, *спрукā*, укр. *спрук*, *спрукā*, слов. *strōk*, *strōka* < **strōk*, *strōka*, чеш. *strouk*, польск. *strąk* при вторичном схрв. *спрук*, *спрукā*, слук. *strūk*) — лат. *transis* 'сплод дерева без ветвей'⁸².

Таким образом, можно утверждать, что славянский окситонированный класс -о-основ мужского рода развился из баритонированных -о-основ neutra. С другой стороны, класс -о-основ с подвижной а. п. включал в себя только первоначальные masculina⁸³. Подобное распределение хорошо согласуется с отмеченным Р. Нахтигалем семантическим противопоставлением окситонированного и подвижного акцентуационных классов -о-основ masculina: «... среди окситонированных имен почти не обнаруживаются nomina agentis, здесь представлены главным образом nomina acti... Напротив, среди имен с начальным ударением (имеется в виду подвижная а. п. — В. И.) обнаруживаются как раз nomina agentis наряду с отлагольными существительными» (Nachtigall 256—257).

§ 53. Определение первоначального рода и акцентуационной парадигмы -о-основ на основании славянских и балтийских данных. Выше отмечалось, что балтийские (литовские) данные позволяют в большинстве случаев определить первоначальную акцентуационную парадигму -о-основ, но не позволяют (при отсутствии соответствующего

⁸¹ Акцентуация лит. диал. (даужские говоры в районе Лиды, см. LKŽ) *drōgys*, 4 а. п., едва ли первоначальна.

⁸² Естественно, можно обнаружить и обратное соотношение, когда в славянском представлены образования мужского рода в соответствии с образованиями среднего рода в других индоевропейских языках. В этих случаях в славянском находим -о-основы с подвижной а. п., ср., например, слав. **zvorъbъ*, *zvorъbā*, подв. а. п. 'чесотка' (схрв. *сарѣб*, *сарѣbā*, слов. *zrōb*, рус. диал. *сѣрѣб*, чеш. *zvorob*, слук. *zvorob*) < **zvorōbъ*, *zvorōbā*, *zvorōbъt*, при герм. **zwarbā* (др.-сканд. *zworfl*, ср. р. 'опилки') < **zwarōbъt*, *zwarōbā*.

⁸³ Таким представляется распределение непосредственно после того, как прошла процесс -om > -o. Позднее для упомянутых акцентуационных классов, естественно, стали противопоставляться как акцентуационные классы имен мужского рода. Включение производных имен masculina в окситонированный класс относится к этому более позднему периоду.

древнепрусского и прибалтийско-финского материала) определить ее первоначальный род. Славянские языки, напротив, дают акцентуационные критерии для установления исходного рода -о-основы, но не всегда отражают противопоставление акцентуационных парадигм. Таким образом, если -о-основа представлена только в балтийском и славянском, мы получаем о ней взаимодополняющую информацию и можем с достаточной степенью вероятности определять исходную акцентуационную парадигму и исходный род слова.

В тех случаях, когда в литовском представлена баритонированная -о-основа, а в славянском — окситонированное образование мужского рода, следует предполагать исходное баритонированное образование среднего рода. Так, слав. **zōmъ*, *zōmā*, окс. а. п. **zom* (схрв. *zōm*, *zōma*, слов. *zōm*, *zōma*, болг. *zōmъt*, рус. *сом*, *соми*, так же в словаре 1794 г., см. Кип. 17, бел. *сом*, *сомā*, см. Лобан 66; вторичные выравнивания в рус. диал. *сом*, *сōма*, [рязанск.] *сом*, бел. *сом*, *сōма*, укр. *сом*, *сōма*) и лит. *šāmas* 'сом', 2 а. п. в западноукштайтском диалекте района Gilija (см. Gerullis—Stang 90; обычно 4 а. п., см. Šlap. LL, Skardžius 2D 31, Kam., LKRŽ, DLKŽ) предполагает исходное **kātom* 'светло-серое существо (рыба)', ср. лит. *šēmas* 'светло-серый'. Слав. **grōdъ*, *grōdā*, окс. а. п. **hoam* (укр. *груд*, *грудā*, чеш. диал. [моравск.] *hrūd*, польск. диал., ст.-польск. *grąd*, *grądi*, словен. *grōud*, *grōudā*) и лит. диал. *grañdas* 'балка; настила для сушки льна', 2 а. п., в южном даукском говоре района Punkskas (по диалектам чаще 4 а. п., см. карт. LKŽ, DLKŽ) позволяют восстановить **ghrōndhom* 'выпуклость, возвышение'. На основании слав. **kōrtъ*, *kōrtā*, окс. а. п. **raz* (слов. *krāt*, *krāta* < **krāt*, *krāta*; слук. *krāt* 'раз', наречное образование, восходящее к форме Nom.-Acc. Sing.) и лит. *kartas* 'раз', 2 а. п. (Катехизис 1605 г.: *kārtays* 75 'иногда' < Instr. Pl.; см. Bystroń 73; Ruhig Gr.: *kārtais* 118; так же у Домелайтиса, см. Buch, AD 119; 2 а. п. и в литературном языке), реконструируем **kārtom* 'раз; зарубка'*. Слав. **glistъ*, *glistā*, окс. а. п. **gamt* (рус. *гамет*, *гаметā*, бел. *ліст*, *ліетā*, укр. *лист*, *лиетā*, чеш. *hlist*) при лит. *glaiistas* 'слоя гайны, штукатурка', 2 а. п. (LKRŽ, LKRŽM; также 4 а. п., см. Šlap. LR, Kam., LKŽ, DLKŽ), предполагает **gléistom*, **glōistom* 'нечто скользкое, липкое', слав. **čebъrъ*, *čebъrā*, окс. а. п. **yшат* (схрв. *чабар*, *чабра*, слов. *čebër*, *čebra*) при лит. *kibiras* 'ведро', 2 а. п. (Kug. Gr. 157, Юшк. AP, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, LKŽ, DLKŽ), — **kibirom* 'подвешиваемый сосуд'.

* С этим образованием, возможно, следует связывать лит. *kosgimt* 'шкура, кожа' (первоначально 'отрезанный кусок кожи').

Если в литовском представлена баритонированная *-o*-основа, а в славянском — *-o*-основа мужского рода с подвижной а. п., следует восстанавливать исходное баритонированное образование мужского рода. Так, слав. **solpa*, *solpa*, подв. а. п. 'водопад' (схрв. *slāp*, *slāpa*, слов. *slap*, чеш. *slap*) и лит. *saipas* 'речной валун, ватон', 2 а. п. (*šlap*, LL, NS, LKRŽ, DLKŽ; также 4 а. п., см. NS) указывают на исходное **solpas*. Слав. *nefst*, *nefst*, подв. а. п. 'перест; икра' (схрв. *mrjest*, *mrjesta*, слов. *mrjest* 'время точки', *drjest* 'икра', рус. *неперст*, польск. *mrzost*, словин. *mržost*) при лит. *nefstas* 'перест', мн. *nefstai* 'икра', 2 а. п., (NS, Fulst, LKRŽ, DLKŽ) предполагает **nérk-tas*. Слав. **brōda*, *brōda*, подв. а. п. 'брод' (схрв. *brōd*, *brōda* 'судно; брод'; слов. *brōd*; болг. диал. *бродѣ* — Тетевен, см. СбНУ XXXI 80; рус. *брод*, *брѡда*, ср. *б* броду, нѣ брѡдѣ в памятниках XVI—XVII вв., тотемск. *брод*, см. Вас. 27, 28; бел. *брод*, *брѡду*; укр. *брѣд*, *брѡду*; слжк. *brod*) и лит. диал. *brādas* 'грязь; большая сеть; рыбацкая артель', 2 а. п. в говорах Прусской Литвы (Куг. LD; чаще 4 а. п., см. карт. LKŽ, DLKŽ), дает возможность восстановить **bhrōdōs*.

Наконец, в тех случаях, когда и в литовском и в славянском *-o*-основа имеет подвижную а. п. можно предполагать исходное окситонированное образование мужского рода. Так, на основании слав. **rǫbъ*, *rǫba*, подв. а. п. 'шов, рубец; край, кромка' (схрв. *rǫb*, *rǫba*, слов. *rǫb*, болг. *ръбѣт* рус. диал. *руб*, *рѣба* 'лохмотья', укр. *руб*, *рѣба* 'рубец; ребро', чеш. *rub* 'изнанка', слжк. *rub*, польск. *raqb*, *rębi*, словин. *rōyb*, *rābi*) и лит. *gūmbas* 'зарубка', 4 а. п. (Куг. Gr. 152, *šlap*, LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ; вторичен вариант *gūmbas*, 3 а. п., см. карт. LKŽ, NS, DLKŽ) реконструируем **rūmbās*. Слав. **xlǫdъ*, *xlǫda*, подв. а. п. 'палка' (слов. диал. *hlǫd*; рус. диал. *халд*, *хлѣда* 'коромысло'; ст.-чеш. *hlud*, польск. *chlqđ*, *chlęda*, диал. *chlęd* с краткостью; перевод в окситонированную а. п. обнаруживается в слов. *hlǫd*, чеш. *hloud*, словин. *xlōyd*, *xlōyda*) и лит. диал. *sklañdas* 'жердь в заборе', 4 а. п. в жемайтских диалектах по данным карт. LKŽ (так же Skardžius ŽD 27, LKRŽ), указывают на исходное **sghlondōs*.

4. Другие типы основ

§ 54. Принцип акцентуационного распределения. Следы индоевропейского противопоставления 'подвижно-окситонированная а. п. — баритонированная а. п.' сохранились в различной степени во всех остальных типах основ в славянском. Обычно у баритонированных имен представлен перевод в колонную окситонированную а. п., а имена с подвижно-окситони-

рованной а. п. отражены как имена с подвижной а. п. Такое распределение сохраняется и в тех случаях, когда в славянских языках отмечается перевод ряда слов в другие типы основ в связи с устранением некоторых непродуктивных типов.

§ 55. Прилагательные с основой на -о/а. Противопоставление подвижной и окситонированной а. п. отчетливо обнаруживается в нечленных формах прилагательных; здесь различаются формы всех трех родов, ср., например, **sûxъ* (Gen. *sûxa*), *sûxo*, *sûxъ* (Acc. *sûxrъ*) — **bělъ* (Gen. *bělъ*), *bělъ*, *bělъ* (Acc. *bělъ*). Такое противопоставление хорошо сохранилось в ряде сербохорватских диалектов (например, в говоре Дубровника); его отражает и словенский язык. Для большинства сербохорватских говоров характерно выравнивание акцентуации в формах женского и среднего рода (ср., например, *sûxъ*, *sûxa*, *sûxo* < **sûxo* или, напротив, *bělъ*, *bělъ* < **běsa*, *běso*), что приводит в конечном счете к смешению подвижного и окситонированного акцентуационных типов. Аналогичные процессы прошли, вероятно, и в восточнославянских языках, где часть первоначально окситонированных прилагательных была переведена в подвижный тип. Смешению двух акцентуационных парадигм в славянских языках способствовала еще произошедшая во многих случаях нейтрализация их противопоставления в членных формах (ср. схрв. диал. *sûhъ* от *sûhъ*, как *bělъ* от *bělъ*).

Славянские прилагательные с подвижной а. п. соответствуют, как правило, индоевропейским образованиям с подвижно-окситонированной а. п.

Схрв. диал. *bôs*, *bôso*, *bôsa*, Acc. *bôsa* (Dubrovnik, см. Реб. 110), ср. *bôs*, *bôso* (выравнивание по жен. р.), *bôsa*, где на первоначальность подвижной а. п. указывает удлинение в Nom.-Acc. Sing. муж. р.; слов. *bôs*, *bôsъ*, *bôsa*, Acc. *bôsъ*; рус. *bos*, *bосо*, *bосъ*, диал. (Тотьма) *bos*, ср. диал. *на босу ному*, Dat. Sing. муж. р. *bôsъ* в Сборнике 1647 г. (Вас. 44, 43). < слав. **bôsъ*, *bôso*, *bôsъ*, подв. а. п. 'босой' < **bhosós* 'голый; босой'; ср. герм. **bazáz* 'голый' (др.-сканд. *berr*, др.-в.-нем. *bar*, др.-сакс. *bar*, др.-англ. *bær*).

Схрв. диал. *sûhъ*, *sûho*, *sûhъ*, Acc. *sûhu* (Hvar, см. JФ XIV 32); слов. *sûhъ*, *sûhъ*, *sûha*, Acc. *sûhъ*; рус. *suxъ*, *sûxo*, *suxъ*, ср. *посуху*, диал. *от суха*, по *сѣхъ* зимы в Апостоле 1564 г., по *сѣхъ* в Псалтыри XVI в., Nom. Du. муж. р. *сѣхъ* в Сборнике 1647 г. (Вас. 44).

< слав. **sûxъ*, *sûxo*, *sûxъ*, подв. а. п. 'сухой' < **soysós* 'сухой'; ср. др.-пр. *sauza* < Acc. Sing. **sauzan*, нареч. *sauzai* без знака долготы в Энхиридиуме, герм. **sauzáz* 'сухой' (др.-англ. *sēar*, ср.-в.-нем. *sōr*)⁸⁵.

⁸⁵ Греч. (латин.) *sûs* 'сухой, выжженный' отражает баритонированный вариант.

Слов. *šaj, šajē, šaja*, Acc. *šajō*.

< слав. **šajъ šaje, šajā*, подв. а. п. 'левый' < **seijōs* 'левый'; ср. др.-инд. (RV) *saṃgās* 'левый'.

Слов. *rād, radō, rāda*, Acc. *radō*.

< слав. **rādъ, rādo, radā*, подв. а. п. 'красный' < **roudhōs* 'красный'; ср. др.-инд. (RV) *lohās* 'зверь с красной шерстью' (собственно 'красный'), др.-инд. (ŚB) *lohās* 'медный; красноватый'.

Славянские прилагательные с окситонированной а. п. имеют обычно баритонированные соответствия в других индоевропейских языках.

Слов. *ōster, ōstro, ōstra*, Acc. *ōstro*; рус. *остѣр, острѣ, острѣ*, так же в литературном языке XIX в. (Бул. РА 194).

< слав. **ōstrъ, ostrā, ostrā*, окс. а. п., < **akros* 'острый'; ср. греч. *ἄκρος* 'крайний, верхний', ст.-лит. *astras* 'острый', первоначально 2 а. п. (см. § 21).

Слов. *nōv, nōvo, nōva*, Acc. *nōvo*; на первоначальную окситонированную а. п. указывают также схрв. *nōv* без удлиннения (ср. *bōc*, диал. *gōl* в подвижном типе), рус. диал. (рязанск.) *ноф* (ИОРЯС XVIII, 4, 186, Вас. 45; ср. однако *nōkz* в Псалтыри XVI в.)⁸². Вторичный перевод слова в подвижную а. п. представлен в сербохорватском (ср. *nāново, лѣново* и т. п.) и в русском (*нов, нѣво, новѣ, зѣново*), так же в памятниках XVI—XVII вв., см. Вас. 45; первоначальная окситонеза сохранена в словаре 1794 г. см. Кир. 274.

< слав. **nōvъ, novō, novā*, окс. а. п., < **néros* 'новый'; ср. др.-инд. (RV) *lāvās* 'новый; молодой', греч. *νέος* 'новый'.

Слов. *měj* 'между'; этот предлог восходит, по-видимому, к форме Nom.-Acc. Sing. муж. рода прилагательного; ср. слав. **medju* 'между', форма Gen. Du, согласовавшаяся с Gen. Du. имени и являвшаяся, таким образом, формой прилагательного.

< **médjъ*, окс. а. п., 'находящийся посередине' < **médhjos* 'срединный'; ср. др.-инд. (RV) *mādhyas* 'находящийся посередине', греч. *μέσος* 'средний' (ср. предлоги греч. *μέσων* 'посреди', авест. *maidim* 'посреди', также восходящие к форме Acc. Sing. прилагательного).

Из числа отклонений следует исключить прилагательные со сверхкраткими в корне, представляющие окситонированную а. п. в соответствии с окситонезой в других индоевропейских языках — **těšējo* 'тощий; пустой' (слов. *těšē*, схрв. *māшт* без удлиннения, рус. *тощ, тощѣ, тощѣ*; ср. др.-инд. *tuschyās* 'пустой, ничтожный', лит. *tūšėias*, 4 а. п. у Даукши) и **pestro* 'пестрый' (рус. *пестрѣ, пестрѣ*, так же в «Грамматике» Востокова, см. Бул.

⁸² Ввиду славянских и сербохорватских данных становится сомнительным предположение Л. Л. Васильева о введении -ѣ в форме *ноф* под влиянием числительного прилагательного *нѣмѣй* (Вас. 45).

AP 194; ср. греч. *κίφρος* 'острый, горький, едкий'); перевод на подвижной а. п. в окситонированную здесь произошел в результате падения сверхкратких. Акцентуация слав. *čьrъnъ, окс. а. п. 'черный' (схрв. диал. *čřn, čřnā, čřnā* — Kastav, см. СДЗб X 243, слов. *čřn, čřno, čřna*, Асс. *čřno*, рус. чѣрен, чернѡ, чернѧ) не согласуется с окситонезой др.-инд. (RV) *kṛṣṇās* 'черный'; причину отклонения можно искать во влиянии акцентуации антонима — слав. *bělъ, окс. а. п. (схрв. диал. *běl, bēlō, bēlā*, слов. *běl, bēlo, bēla*, Асс. *bēlo*, рус. бел, белѡ, белѧ). Слав. *srōgъ, окс. а. п. 'спорный, обильный', не согласующеся с др.-инд. (RV) *sphirās* 'твердый', следует, как будто, восстанавливать на основании слов. *srōg, srōgo, srōga* (с неясным *o*); первоначальную подвижную а. п. в этом случае, возможно, сохраняет рус. *спѡро*, ср. производное *спѡрѡтся* (работа *спѡрѡтся*).

§ 56. Основы на -ǫ-. Подвижная а. п. основ на -ǫ-, совпавших во всех славянских языках с основами на -o-, оставила определенные следы в акцентуации соответствующих имен. Развивая идеи Р. Нахтигала (Nachtigall 146), Х. Станг показала, что значительная часть имен мужского рода, представляющих в русских говорах и литературном языке окситонезу в Nom. Pl. при общей подвижности ударения, восходит к первоначальным -ǫ-основам с подвижной а. п. (см. Stang Accentuation 77—82). Материал Х. Станга может быть дополнен еще украинскими и сербохорватскими данными, где ударение на окончании в Nom. Pl. обнаруживается в той же группе слов:

**medь* (-ǫ-основа в старославянском, ср. ант. *medūs*): рус. мѣд, мѣда — мѣдѣ, укр. мед, мѣду — мѣдѣ;

**rědь* (-ǫ-основа в старославянском): рус. рѣд, рѣда — рѣдѣ, укр. рѣд, рѣду — рѣдѣ, схрв. рѣл, рѣда — рѣдови;

**plodь* (-ǫ-основа в старославянском): рус. плод, плода — плодѣ, укр. плід, плѡду — плѡдѣ, (также плѡди) — схрв. плѡд, плѡда — плѡдови;

**turgь* (следы -ǫ-основы в старославянском, ср. заимствованные из славянского ант. *turgiz*, финск. *turki* 'рынок', указывающие на -ǫ-основу): рус. тор, тѡрга — торѣ, укр. тор, тѡргу — торѣ, схрв. трѣ, трѣга — трѡви.

**dolь* (следы -ǫ-основы в старославянском): рус. дол, дѡла — долѣ, (у Сумарокова, см. Оби. II 375) — укр. діл, ділу — ділѣ, схрв. дѡ, дѡла — дѡлови (Белић ПСК, RJA; также дѡлови, см. ПСК);

**zadь* (следы -ǫ-основы в старославянском): рус. сад, сѡда — садѣ, укр. сад, сѡду — садѣ, схрв. сѡд, сѡда — сѡдови.

**drbь* (следы -ǫ-основы в старославянском): рус. дуб, дѡба — дубѣ, укр. дуб, дѡбу — дубѣ, схрв. дѡб, дѡба — дѡбови.

**stano* (следы -ǫ-основы в старославянском): рус. стан, стѡна — станѣ (так в Уч. 1647 г., см. Кип. 16), схрв. стѡн,

stāna — *stānovи* (Дан. 21, ПСК 473, Равіс 10; также *stānovи*, см. Симић 29).

**lēdъ* (ср. лит. диал. *ledas*, латыш. *lēdas*); укр. *лід*, *льоду* — *льоді*, схрв. *лѣд*, *лѣда* — *лѣдови*.

**žīgъ*: рус. *жир*, *жѣра* — *жирѣ*, укр. *жир*, *жѣру* — *жирѣ*, схрв. *жѣр*, *жѣра* — *жѣрови*.

**valъ* 'волна': рус. *вал*, *вѣла* — *валѣ*, укр. *вал*, *вѣлу* — *валѣ*, схрв. *вѣл*, *вѣла* — *вѣлови*.

По-видимому, процессы постепенного распространения окситонезы Gen. Sing. и Instr. Sing. на Nom. Pl. в подвижной а. п. -ѣ-основ, которые Х. Станг предположила для древнепрусского, проходили также в других славянских областях; ранняя стадия этих процессов прошла, вероятно, еще в праславянском. Во всяком случае, их следы обнаруживаются и в западнославянских языках, где представлены формы с долготой в корне, указывающие на обобщение окситонезы ряда падежей, ср. чеш. *řád*, слук. *řád*, польск. *rząd*, *rzędu* 'порядок' при *rząd*, *rzędu* 'ряд'; чеш. диал. *sád* 'межевой камень' (Korešný 54) при *sad* 'фруктовый сад'; чеш. диал. *stán* (отмечено у Махи, см. Trávn.) наряду со *stap*; чеш. *žir*, слук. *žir* 'корм'; чеш. *vál* 'валек' при *val* 'волна'. Окончательное завершение упомянутые процессы получали уже в отдельных славянских языках; так могут быть объяснены колебания типа укр. *домі*, схрв. *дѣмови* — рус. (в памятниках XVII—XVIII вв., см. Весел. ВУ 29) *домы*, рус. *дарѣ* (но *дары* в памятниках XVI—XVIII вв., см. Кір. 51), укр. *дарі* (также *дары*) — схрв. *дѣрови*.

Наряду с подвижным акцентуационным классом в славянском существовал тип -ѣ-основ с колонной окситонезой (ср. Stang. Accentuation 81); примером такой акцентуации может служить **valъ* (-ѣ-основа в старославянском); ср. схрв. *vѣ*, *vѣла*, слов. *vál*, *vѣла*, болг. *vѣлѣт*, рус. *вал*, *волѣ*, бел. *вал*, *валѣ*, укр. *вѣл*, *волѣ*, слук. *vál*.

Славянские основы на -ѣ- с подвижной а. п. соответствуют индоевропейским образованиям с подвижно-окситонированной а. п.

Схрв. диал. *sѣikъ*, *sѣika* 'полено' (Bednja, см. HDZb I 297); слов. *sѣkъ*; рус. (устар.) *сук*, *сѣка*, мн. *сукі* (так же в литературном языке XIX в., см. Книп. 75, Байкин 136); бел. *сук*, *сѣка*, *сукі* (Лобан 75); чеш. *zikъ*, слук. *zikъ*, польск. *zékъ*, словин. *sákъ* с краткостью. Перевод в окситонированную а. п. отражен в рус. *сук*, *сукѣ*, бел. *сук*, *сукѣ*, укр. *сук*, *сукѣ*, болг. *сѣкѣт*.

< слав. **sѣkъ*, Gen. *sѣkū*, подв. а. п. 'сук; колышек' < **kop-kūs* 'колышек, сук'; ср. др.-инд. (SB) *śankús* 'острый колышек'. Следы первоначальной -ѣ-основ обнаруживаются в рус. *суконатый*.

Схрв. *трѣк*, *трѣка*, *трѣкови* 'лента'; слов. *trák*, *trāka*; рус. *тѣрок*, *тѣрока* (мн. *тѣрокѣ*) 'седельный ремень'; укр. *тѣрок*, *тѣрока*; чеш. *trakъ*, слук. *trakъ*, польск. *trakъ*.

< слав. **torko*, Gen. *torkū*, подв. а. п. 'ремень, лента' < **torkūs* 'нечто свитое; нечто вертущееся'; ср. др.-инд. *tarkūs* 'веретено' (Böhtlingk — Roth III 275). На первоначальную -*ū*-основу в балтийском указывает др.-пр. *Tarkus* Voc. 449 'ремень в упражн' (вероятно, вместо **Tarkus*).

Слов. *ol* 'пиво' (Rad CXXXII 191) при вторичном *ol*.

< слав. **olъ*, Gen. *olū*, подв. а. п. 'род напитков' < **alā*, ср. р.; ср. germ. **alāb*, ср. р. 'пиво' (др.-англ. *ealu*, Gen. *ealoþ*, *ealuþ*; ср. др.-сканд. *ol*, ср. р., фин. *olut*) на **alā* с формантом -*t*, лит. *alūs* 'домашнее пиво', 4 а. п. (LKRŽ, DLKŽ); на первоначальный средний род в балтийском указывает др.-пр. *Alu* Voc. 392.

Схрв. *lěd*, *lěda*, мн. *lědovi*; слов. *lěd*; болг. *ледѣт*, ср. *лѣдѣта* в Свиштовском дамаскине (Мнастич СД 18); рус. *дьял* (костромск.) *под лѣл* (Вас. 56); укр. *лїд*, *лїдау*, мн. *лїдї*.

< слав. **lědъ*, Gen. *lědū*, подв. а. п. 'лед' < *ledūs* 'лед'; ср. вторичное преобразование -*ū*-основы лит. *lėdas*, 4 а. п. в памятниках Прусской Литвы (Gesangbuch 1685 г.: Gen. Pl. *leddū* 249_м, Instr. Pl. *leddais* 419_м, 468_м, 469_м; Gebetbüchlein 1685 г.: Gen. Pl. *leddū* 142_м; Biblia 1735 г.: Nom. Pl. *leddai* 91_м, Instr. Pl. *leddais* 91_м, так же в издании 1755 г.; Ruhig LD: *Ledai* 76_а), по диалектам (в том числе в жемайтских — *Salantai* — и восточноукшайтских — *Dusetos*, см. карт. LKŽ) и в литературном языке. Первоначальная -*ū*-основа сохранена в лит. диал. *ledūs* (юго-восточная Литва, см. Fraenkel LEW 350), *lėdus* < **ledūs* (Куршская коса, см. LKK II 141), латыш. *lēdus*. Следы -*ū*-основы в славянском обнаруживаются в рус. *ледовитый*.

Схрв. *měd*, *měda*; слов. *měd*; болг. *медѣт*; рус. *мѣд*, *мѣда*, мн. *медї*; укр. *мед*, *мѣду*, мн. *медї*.

< слав. **mědъ*, Gen. *medū*, подв. а. п. 'мед' (-*ū*-основа сохранена в старославянском) < **medhā*, ср. р. 'мед'; ср. лит. *medūs*, 4 а. п. (см. § 23). В славянском и балтийском следует предполагать изменение первоначальной акцентуации, отраженной в др.-инд. (RV) *mādhu* 'сладкий напиток, мед', греч. *μέθυ* 'вино, брага'.

Славянские основы на -*ū*- с окситонированной а. п. отражают индоевропейские баритонированные образования.

Схрв. *věrx*, *věrxā* (Suzak, см. HDZb I 106), с сокращением *r* *vřh*, *vřhā* (Novi, Hvar, см. ИОРЯС XIV, 2, 214, ЈФ XIV 71), *vř(h)* *vř(h)a* (Вост. Герцеговина, Подерје, см. СДЗб X 117, II 317), *vřx*, *vřxa* (литературный язык), ср. от *věrxā* у Ю. Крижанича (РФВ XXXIV 90); рус. *вѣрхā* в Чуд. НЗ XIV в. (Кип. 93), до *вѣрхѣ*, к *вѣрхѣ* и т. п. в памятниках XVII в. (Stang Accentuation 81), так же в языке Ломоносова (Обн. I 245—246), ср. рус. диал. (северн.) *верѣх* со следами нового

акута (Даль); укр. *днал. верх, верху*; бел. *днал. верх, верхá* (Кип. 83); чеш. *днал. (моравск.) vřch* (Malina 147), словин. *vjěrx*. Вторичный перевод слова в подвижную а. п. представлен в слов. *vřh*, болг. *врхѣт*, рус. *верх, вѣрха*, укр. *верх, вѣрху*, бел. *верх, вѣрху, слух. врh*.

<слав. **vrъxъ, vrъxъ*, окс. а. п. 'верх' (-ä-основа сохранена в старославянском) < **vrъsus* 'верх'; ср. лит. *viršus* 'верх', 2 а. п. по диалектам и в памятниках (чаще 4 а. п.), см. § 23.

Слов. *báber, bábra*, *днал. béber, bábra*; рус. *бобер, бобра*, ср. *бокѣ, бокѣ* в памятниках XVII в. (Вас. 111, 114), бел. *бабѣр, бабрá*, укр. *бѣбр, бобра*. Вторичное выравнивание отражает скар. *дáбар, дáбра*.

<слав. **bóbrъ, bobrû* и **běbrъ, bebrû*, окс. а. п. 'бобр' < **bhěbhrus* 'коричневое животное'; ср. лит. *bedrus*, 2 а. п. по памятникам, *bėbras*, 2 а. п. (см. § 23).

Отклонение от описанного распределения представляло бы слав. **volъ* 'метелка растения' (скар. *влѣт, влѣта*, мн. *влѣтовѣ*, слов. *vlđt*, укр. *вблѣт*), если сближать это слово с герм. **walfriz* 'лес; луг' (др.-в.-нем. *wald* 'лес', ср. др.-сканд. *vollr* 'открытое поле'). Однако германское образование с первоначальным значением 'целина, невозделанная земля' следует скорее связывать с герм. **wilfrja* 'дикий' (др.-в.-нем. *wild*), ср. Kluge EW 875. Славянское **volъ* отражает, вероятно, метатонию в подвижной а. п., как и слав. **volъ* 'метелка растения', ср. лит. *váltis* 'метелка овса'.

§ 57. Основы на -ĭ-. Хотя славянские языки проводят обычно обобщение подвижной а. п. в основах на -ĭ-, некоторые факты позволяют догадываться о существовании противопоставления двух акцентуационных парадигм в более ранний период. Л. А. Васильев показал, что следы колонной окситонезы сохраняют в русском языке -ĭ- основы **sedъ* и **ostъ* (Л. Васильев. Заметка об акцентонескляемых причастиях на -лѣ. — ЖМНП, 1905, август, стр. 468); эти числительные не представляют переноса ударения на энклитики и проклитики (ср. рус. *сѣмьдесят, вѣсемьдесят*, на *сѣдма, за сѣдма, на ѣсма* и т. п. в памятниках XVI—XVII вв.), окситонированную а. п. предполагают в слов. *sĕdem*, слов. *ĕset*, рус. *днал. вѣсемь*. Поскольку -ĭ-основы **rĕtъ* и **ĭstъ*, имеющие подвижную а. п. (ср. рус. *плѣтдесять, шестдесять*, за *пѣта, на пѣта, на шѣста* в памятниках XVI—XVII вв., слов. *rĕt, ĭst*), соответствуют древиндийским (RV) окситонированным образованиям *pañktis* 'пятерка' и *ṣaṣṭis* 'шестьдесят', естественно предположить, что окситонированные слав. **sedъ* и **ostъ* отражают первоначальный баритонированный тип. Это предположение подтверждает анализ двух других случаев сохранения следов окситонезы у основ на -ĭ-.

Слов. *ōst* 'острие, шип', где *o* указывает на повозкутовую интонацию, возникшую в исходной окситонированной а. п.

< слав. **ōstь*, Gen. *ostl* 'ость, шип', окс. а. п. < **ākstis* 'нечто острое'; ср. лит. диал. *akstis*, Gen. *āksties* 'род вертела' (Skardžius ZD 330), где смешанная а. п. указывает на первоначальную баритонированную а. п.

Укр. диал. *оінь*, Gen. *оині*, Dat. *оині* (Закарпатье, см. ЗНТШ XXVII 64), ср. рус. диал. (сев.-рус.) *оюнь*, Gen. *оини* (Обн. I 81); обычно в славянских языках представлена вторичная *-jo*-основа с сохранением окситонейм (схрв. *оіань*, *оіня*, рус. *оіюнь*, *оиня* и т. п.).

< слав. **ōgъ*, Gen. *ogni*, окс. а. п. 'огонь' < **ognis* 'огонь'; ср. лит. *ugnīs*, жен. р. 'огонь' (с неясным начальным и-), 2 а. п. *ū* Даукиня (17х, см. Skardžius DA 117) и по диалектам (в том числе в жемайтских — *Salantai*, восточноаукштайтских — *Dusetos* — и даукских — *Tverečius*, *Linkmenys*, *Lazūnai*, см. Skardžius DA 118, LKK II 173, Arumaa 40; в восточноаукштайтских говорах также смешанная а. п. *ugnīs*, *ūgnies*, в литературном языке и большинстве говоров 4 а. п.). Окситонированный вариант отражен в др.-инд. (RV) *agnis*, муж. р. 'огонь, бог огня'.

Таким образом, есть основания полагать, что обобщение подвижного акцентуационного типа у *-i*-основ осуществлялось уже после перевода первоначально баритонированных образований в окситонированный класс. Подвижная а. п. таких имен, как **nōktь*, **dēsęть* (ср. лит. *naktis*, *dešimtis*, первоначально баритонированная а. п., см. § 22), отражает, следовательно, этот относительно поздний процесс обобщения подвижной а. п.

§ 58. Основы на *-ā*. Славянские имена с основой на *-ā*, переведенные в современных славянских языках обычно в *-ā*-или *-i*-основы, чаще всего имеют окситонированную а. п., причем славянские окситонированные образования, как правило, соответствуют баритонированным образованиям других индоевропейских языков.

Схрв. *жѣлаа* 'черепаха', заимствованное из формы косвенных падежей **želъue* (Gen.) и т. п.; отсутствие удлинения в закрытом слогѣ указывает на восходящую интонацию корня.

< слав. **zelъ*, Gen. *želъue*, Acc. *želъovъ*, окс. а. п. 'черепаха' < **ghélās* 'черепаха', ср. греч. *χίλος*, жен. р. 'черепаха'.

Схрв. *морква*; слов. *mŕkev*; рус. *морковь*; укр. диал. *морков*.

< слав. **mŕkъ*, Gen. *mŕkъue*, Acc. *mŕkъivъ*, окс. а. п., 'морковь' < **mfka(s)* 'род корнеплода'; ср. герм. **mārĥōn*, жен. р. 'морковь, съедобный корень' (др.-в.-нем. *morha*, др.-англ. *moġa*), вероятно, преобразование исходной *-ā*-основы (ср. ниже герм. **lahōn*, **zwehron*).

Схрв. *lǫkva* 'лу́жа'; ср. слов. *lǫkeu* (исходящее ударение первоначально) с *o*, указывающим на нововкутовскую интонацию).

< слав. **lōkŭ*, Геп. *lōkŭwe*, Асс. *lōkŭw*, окс. а. п. 'лу́жа' < **lōka(s)* 'стоячая вода'; ср. герм. **lāhōn*, жен. р. 'стоячая вода' (др.-сканд. *la*, ср.-в.-нем. *la*), вторичное преобразование -*o*-основы (ср. -*ā*-основу герм. **lagŭs*, муж. р. 'влажность' — др.-сканд. *lagr*).

Следы подвижной а. п. -*o*-основ сохраняет схрв. диал. *zuekrud*, Дат. Sing. *zuekrui* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 226; ср. *zuekrva* в литературном языке при *zuekerud* у Ю. Крыжанича (РФВ XXXIV 123) с обобщением акцентуации баритонированных или окситонированных падежных форм⁸⁷. Слав. **zuekrŭ*, Асс. *zuekrŭw*, подв. а. п. 'свекровь' восходит к образованию с подвижно-окситонированной а. п. — **zuekrā(s)*, ср. др.-инд. (RV) *śvaśrās* 'свекровь', герм. **swęgrō* 'свекровь' (др.-англ. *swęger*) со вторичным преобразованием основы⁸⁸.

§ 59. Основы на согласный. В славянском сохранена древняя акцентуация основ на -*os/es*- и -*tr/ter*- среднего рода, представлявших в индоевропейском только одну акцентуационную парадигму с баритонезой в единственном числе и, вероятно, окситонезой во множественном числе (судя по наличию здесь собирательной формы на -*ā*). Такую подвижную а. п. представляют в славянском все -*os/es*-основы с краткостным корнем, ср., например, схрв. диал. *lěbo* — *lebesā*, рус. *nébo* — *nebesā* и т. п. У -*tr/ter*-основ такую акцентуацию отражает схрв. диал. *vrime* Геп. *vrimeŭ* — Pl. *vrimeŭ*, рус. *ímja*, *íмени* — *именá*. Труднее объяснить колонную акцентуацию типа рус. (Улож. 1649 г.) *пáймá*, Геп. *páymān*, слов. *pléme*, *pletēna* (ср. Stang Accentuation 91—92); может быть, она является славянским новообразованием. Контаминация двух упомянутых акцентуационных парадигм обнаруживается в схрв. *vréme*, Геп. *vrémena*, укр. *ím'ja*, Геп. *ímeni*.

Противопоставление двух акцентуационных парадигм сохраняли первоначальные основы на -*r*- (-*ōr/er*-, -*tér/ter*-). Здесь баритонированное образование **zueśōr* 'сестра' (др.-инд. *zváśā* 'сестра') отражено (с переделкой основы) как слав. **sestrā*, *sestrō*, окс. а. п. (схрв. диал. *sestrā*, *sestrā*, *sestrē*, в литературном языке *sěstra*, *sěstru*, *sěstre*; рус. диал. *сестра́*, *сестру́*,

⁸⁷ Перевод слова в окситонированную а. п., обычную для -*o*-основ в славянском, отражают схрв. диал. *seštrā* (Косово, см. Елзз. II 206), болг. *seštrā*, рус. *свекровь*, *свекровь* (рус. диал. *свекрѣ* может представлять окситонированный Nom. Sing. подвижной а. п.)

⁸⁸ Баритонизм герм. *swēhŭōn*, жен. р. 'свекровь' (гот. *swa/hŭō*, др.-сканд. *swēhŭa*) отражает, вероятно, влияние акцентуации образования мужского рода **swēhŭōn* 'свекор' (др.-в.-нем. *swēhŭr*).

мн. *сестры́*, так же в памятниках, начиная с Чуд. НЗ XIV в., см. Обн. II 382, Вас. 34, Кип. 34; укр. диал. мн. *сестры́* — Перемышля, см. ЗНТШ XXXV—XXXVI 34). С другой стороны, окситонированное имя **dʰagatér* 'дочь' (др.-инд. *dahitá* 'дочь') представлено как слав. **dǫkti*, Асс. *dǫkterь*, подв. а. п. (скрв. *kľū*, Асс. *kľēr*, слов. *hči*, рус. диал. *доцѣ*, Дат. *дочери*).

Индоевропейские основы на *-t-*, где для славянского, как и для балтийского, следует предполагать ранее обобщение баритонизма „сильных“ падежей, также переведены в окситонированную а. п., ср. слав. **mǫtŭ*, Ген. *mǫtēce*, Асс. *mǫtŭce*, окс. а. п. 'мутьовка, мешалка' (ст.-чеш. *mǫteo*, чеш. *moutec*, польск. *mąteś* с долготой) при др.-инд. (RV) *mántha* (Instr. *mathá*) 'мешалка', лит. *mentė* 'мешалка; лопатка, короткое весло', 2 а. п. по диалектам и в литературном языке (наряду с 4 а. п., см. § 25); слав. **pǫtŭ*, Ген. *pǫti* (слов. *pŏt*, жен. р., рус. *путь*, *путѣ*, укр. *путѣ*, *путѣ*, чеш. *rouť*, садж. *půť*, польск. диал. *pać*; с вторичной парадигмой и сохранением окситонизма скрв. *pŭt*, *pŭta*) при др.-инд. (RV) *pánthas* (Gen. Sing. *pathás*).

Имена с долготным корнем

§ 60. Принцип акцентуационного распределения. Распределение имен с долготным корнем по акцентуационным классам в славянском весьма близко балтийскому распределению. Баритонированным образованиям других индоевропейских языков здесь, как правило, соответствуют имена с баритонированной а. п.; индоевропейским образованиям с подвижно-окситонированной а. п. могут соответствовать славянские имена с подвижной и славянские имена с баритонированной а. п.

§ 61. Славянские баритонированные образования — индоевропейские баритонированные образования.

Скрв. *во́на*; слов. *voľna*, *voľno*; болг. *вѣлна*; рус. диал. (орловск., брянск., калужск., смоленск.) *во́лна* 'шерсть' (СБОРЯС LXVIII, 5, 11; LXXXVII, 5, 203; LXX, 7, 148)⁸⁰; бел. *во́ўна*; укр. *во́вна*.

< слав. **voľna*, бар. а. п. 'шерсть' < **uľna* 'шерсть'; ср. др.-инд. (RV) *ágra* 'шерсть', латыш. *oľna*, лит. *oľna*, 1 а. п.

Скрв. *йва*; рус. *йва*; укр. *йва*; чеш. *jíva*. Вторична акцентуация зап.-болг. *маѣ* (Трън, Лом, Самоков, см. ИССФ 62, ИИБ IV 305, СбНУ XXXVIII 34).

⁸⁰ Формы *во́лнѣй*, *во́лнѣ*, отмеченные у Крылова и Дальвига (Бул. РА 185), могут отражать влияние акцентуации слова *во́дѣ* (на воде).

< слав. *lѣa, бар. а. п. 'лѣа' < *lѣpa 'дерево с тонкими ветвями'; ср. греч. (ионич.) βῆ, βῆϛ 'рябина' < *dīpa, латыш. lēva, лит. leva, 1 я. п. по диалектам (см. § 27):

Чеш. těl, tělo; вторична, по-видимому, нисходящая интонация в слов. til, tila.

< слав. *tělъ (вторично также *tělō), бар. а. п. 'затылок' < *tālom 'нечто разросшееся; нарост'; ср. др.-инд. (AV) tālam 'метелка растения; тростник'.

Схрв. lěto; слов. lēto, мн. lēta; рус. лѣто, мн. лѣта (ср. лѣта в Авестах 1597 г., лѣта у повтов XIX в., см. ЖМНП, август, 1904 г., стр. 499, Бул. РА 166); укр. лѣто, мн. лѣта в памятниках XVII в. (Весел. ВУ 58). Краткость в ст.-чеш. lēto, вероятно, вторична, ср. ст.-чеш. и чеш. lēto с долготой (возможно, ваяние утраченного *lēto).

< слав. *lěto, бар. а. п. 'лето' < *lētom 'урожай; время сбора урожая'; ср. герм. *lāra, ср. р. 'земельный участок', первоначально 'участок, где собран урожай' (др.-англ. lād, ср. р.; ср. др.-сканд. lof 'урожай' < *lōra, гот. ulaleis 'бедный', первоначально 'неурожайный')²⁰.

Схрв. brěme (акцентуация мн. бремена вторична); рус. диал. берѣмя 'ноша'; ст.-чеш. břemě, чеш. (устар.) břimě. Вторична акцентуация слов. bráme, Гер. bremēna.

< слав. *bērmę, бар. а. п. 'ноша' < *bhērmę 'нечто несомое'; ср. др.-инд. *bhārma, ср. р., или *bhārmā, муж. р. 'носилки' (Loc. Sing. bhārman < *bhārmāni в RV, см. Grassmann 933), греч. φέρω 'плод в утробе' (ср. рус. беременная)²¹.

Рус. знамя, ср. мн. знамена в Уч. 1647 г. (см. Stang UX 24—25; переход к акцентуации мн. знаменѧ и позднее знаменѧ отмечен в XVIII в., см. Весел. ВУ 54, Обн. II 397).

< слав. *znāme, бар. а. п. 'знамя' < *gnōmr 'знак, боевой знак'; ср. греч. γνῶρις 'признак'.

Схрв. brāt, brāta, ср. мн. brātri, brātrou (Božava, см. ЈФ VII 93); слов. brāt, brāta²².

< слав. *brātrъ, бар. а. п. 'брат' с преобразованием основы < *bhrātēr 'брат'; ср. др.-инд. (RV) bhrāta 'брат', греч. (аттич.) φράτερ, φράτηρ 'член фратрии', герм. *brōðar 'брат' (др.-в.-нем. bruoðer, др.-фриз. brōther, др.-англ. brōðar).

²⁰ Мы предпочитаем это объяснение принятым обычно сопоставлениям с ирл. laithe 'день' или с лит. lėtas 'домаш'.

²¹ Сопоставления слав. *bērmę с др.-инд. bhārma, муж. р. 'содержание, пропитание' и с др.-инд. (RV) bhārma, ср. р. 'сохранение, охрана' неумолостворительны; bhārma, вероятно, позднее новообразование, так как корень bh̥ относится к корням anī (без schwa primum); сопоставления с bhārma оставляет без объяснения акутовую нисходящую интонацию в славянском. Реконструкция образования со степенью удлинения в корне является, таким образом, единственной возможностью.

²² Несомненно причиной появления краткости в чеш. bratr.

§ 62. Славянские имена с подвижной а.п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а.п. В соответствии с балтийскими образованиями, имеющими долготный корень и подвижную а.п., в славянском представлении имена с подвижной а.п. и с метатонией в корне: вместо акутовой интонации здесь обнаруживается циркумфлексовая (нисходящая). Метатония в подвижной а.п. была установлена А. Мейе (А. Мелье. О некоторых аномалиях ударения в славянских именах. — РФВ, т. XLVII—XLVIII, 1902, стр. 193—200); более полные списки имен с такой метатонией даны Х. Стангом (Stang Accentuation 9) и В. А. Дыбо (В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ, 1958, № 6, стр. 55—56)⁹³. Эти списки могут быть дополнены случаями соответствия славянских имен с подвижной а.п. индоевропейским образованиям с подвижно-окситонированной а.п.

Схрв. *glāud, glāui, glāue* (говоры без оттягивания ударения), *glāva, glāvu, glāve*; болг. *на глава, по главе* (с переносом ударения) в Евангелии Григоровича XIV в. (Лавров Обз. 228); рус. *голова, голову, головой* (так же в памятниках XVII в., см. Stang УХ 25, 26, Черных 280, Вещел. ВУ 41, Вас. 33); укр. *голова, голову, головою*; чеш. *hlava* с краткостью.

< слав. **galud (golup)*, подв. а.п. 'голова' < **ghalud* 'голова'; ср. латыш. *galva*, лит. *galud* 'голова', 3 а.п. у Даукши (Skardžius DA 86), Донелайтиса (5х, см. Buch AD 41) и в литературном языке.

Схрв. диал. *tūk, tūka* (Novi, Cres см. НОРЯС XIV, 2, 210⁹⁴, ASIPh XXX 202); чеш. *tak* с краткостью.

< слав. **tūkъ (tūka)*, подв. а.п. 'жир' < **toukas* 'жир'; ср. лит. *taukai* 'жир', 3 а.п. в памятниках (1х у Даукши, см. Skardžius DA 33; Ruhig LD: *Taukai* 197b; Donelaitis 3х, см. Buch AD 16)⁹⁵, повсеместно по диалектам (в том числе в восточнобукшайтских и восточнолитовских диалектах — Čedasai, Tveredius, см. LM 29. Otrębski WNT I 219) и в литературном языке⁹⁶. Первоначально-

⁹³ Часть примеров, приведенных этими авторами, недоказательна, так как основывается на недостаточно точных соответствиях, ср. слав. **serdъ, serdr* (-й-основа) — латыш. *serds* (первоначально -f-основа, ср. лит. диал. *serdis* 'сердечинка лотва'); слав. **mirъ* (первоначально -й-основа) — латыш. *miris* (-о-основа); слав. **medrъ* (-о-основа) — латыш. *medrs* (первоначально -й-основа, ср. лит. *medrās*); слав. **sladъ* 'слад' — латыш. *slāids* 'гладкий' (прилагательное, в отличие от славянского).

⁹⁴ Форма *tūk, tūka*, приводимая М. Фасмером (Vasmer REW III 149) и Ф. Седлачком со ссылкой на Неманича (Sedláček 98), отрицает, по-видимому, вторичные преобразования в некоторых истрийских говорах.

⁹⁵ Instg. Pl. *taukais* в Бабали 1755 г. (151a₄₈) — ошибочное написание, возникшее, вероятно, в результате исправления опечатки издания 1735 г. *taukais*.

⁹⁶ Вторичная метатония в латыш. *tūkī*, мн. ч. 'жир, сало'.

ность мужского рода в балтийском подтверждает др.-пр. *Tauki's* Вос. 378 'садо'.

Схрв. *smrād*, *smāda*; слов. *smrād*; болг. *смрадѣм*; рус. диал. *смѣрод*, *смѣрода*; укр. *смѣрі́д*, *смѣроду*; чеш. *smrad* (наряду с неясным диалектным *smrād*). Вторична акцентуация бел. *смурод*.

<слав. **smořdъ* (*smořda*), подв. а. п. 'смрад' < **smōrđas* 'неприятный запах'; ср. латыш. *smořds* 'запах'⁹⁷.

Схрв. диал. *lāg*, *lāga* 'рожища'; слов. *lōg* 'подлесок'; болг. *лъгѣт* 'подлесок'; рус. *луг*, на *лугѣ*.

<слав. **lōgъ* (*lōga*), подв. а. п. 'луг, подлесок' (первоначально, собственно открытое место) < **lōngōs* 'расчищенное, открытое место; дыра'; ср. латыш. *luōgs* 'дыра; окно', лит. *lāngas* 'окно', 3 а. п. у *Донелайтиса* (4х, см. Buch AD 16) и в литературном языке (Kur. Gr. 154, Ян. Gr. 85, Šlap. LL, Kam., NS, LKRŽ, DLKŽ).

Схрв. диал. *jāje*, Геп. *jāja*, Pl. *jājá* (Hvar, см. JФ XIV 23), *jāje*, Pl. *jājá* (Прчаъ, см. Rež. 71), *jāje*, Pl. *jāja* (Šolta, Лепетане, Dubrovnik, см. Rad CCLXXII 147, JФ, XIV 78, RJA); ср. польск. диал. *jaje* (Kusała 83), словин. *jāje* с краткостью. Вторична акцентуация схрв. *jāje*, Pl. *jāja* (Novi, см. ИОРЯС XIV, 2, 220); перевод слова в тип основ на -*ent* отражает схрв. *jāje*, Геп. *jāja*, Pl. *jāja*, ср. параллельный вариант *jāje*, Геп. *jājeta*, диал. *jājē*, *jājeta* (Пипери, см. СДЗБ X 116).

<слав. **jāje* (Pl. *jājá*), подв. а. п. 'яйцо' < **ǫ(u)jōt* 'яйцо'; ср. греч. *ῥόν* 'яйцо'.

Схрв. *měso*, Геп. *měsa*, Pl. *měsa*; слов. *mesō*; рус. *мясо*, Pl. *мясѣ*; укр. *м'ясо*, Pl. *мясѣ*; чеш. *měso* с краткостью.

<слав. **měso* (Pl. *měsá*), подв. а. п. 'мясо' < **mētsozt* 'мясо'⁹⁸; ср. др.-инд. (RV) *māmsāt*, герм. **mīmzā* (гот. *mītz*, ср. р. 'мясо').

Слов. *jūl*, *jūlō*, *jūla*, Асс. *jūlō*; рус. *юн*, *юнѣ*, *юнѣ*.

<слав. **jūlъ*, *jūlo*, *jūlā*, подв. а. п. 'юный' < **jōnlōs* 'юный'; ср. латыш. *jūlāz* 'юный'.

Слов. *nāg*, *nağō*, *nāga*, Асс. *nağō*; рус. *наг*, *наго*, *нагѣ*, по *нагѣ*, по *нагоу* в памятниках XVI—XVII вв. (Вас. 56, 43).

<слав. **nāgъ*, *nāgo*, *nağā*, подв. а. п. 'нагой, голый' < **nōghōs* 'голый'; ср. латыш. диал. *niðgs* 'голый'.

Здесь следует отметить, что в соответствии с индоевропейскими окситонированными (в единственном числе) образованиями среднего рода с долготным корнем в славянском представлена

⁹⁷ Вост.-латыш. *smōrds* может отражать **smōrds* или **smōrds*; в обоих случаях эту акцентуацию следует признать вторичной.

⁹⁸ На *z* указывает долгота в др.-инд. *māz* 'мясо'. Латыш. *mēsa*, вероятно, — заимствование из славянского (ср. лит. *mėis*).

подвижная а. п., которая не отмечается у имен с краткостным корнем (где окситонированные в единственном числе индоевропейские образования отражает окситонированный тип). Так, метатонно в долготном корне, кроме двух разобранных выше случаев **jāje* и **mězo*, отражают слав. **jāro* (ст.-чеш. *jaro* 'яровой хлеб', чеш. *jaro* 'весна'), **těsto* (схрв. *město*, чеш. *těsto*), **lědo* 'залежь' (чеш. *lado*, смук. чеш. *pivo*), **sěno* (схрв. *sěno*, чеш. *seno*), ср. germ. **jāra*, ср. р. 'год' (гот. *jer*, др.-в.-нем. *jār* и т. п.), др.-ирл. *táis* 'тесто' < **taistom* < **taistom* 'тесто', ирл. *land* 'открытое место' < **lānda*, арм. *gln* 'цена' < **gēno*, греч. *πίον* 'пино', лит. *fėnam* 'сено' (< **ghēl/nom* с диалектизм, возможно сабинским, отражением *gh*)¹⁰. На долготный корень возможно сабинским, отражением *gh*)¹⁰. На долготный корень слав. **zolto* (схрв. *zolto*, рус. *золото*) указывает др.-инд. *hāritas* 'желтый, зеленый', др.-сканд. *glōðr* 'раскаленные угли'.

§ 63. Славянские имена с баритонированной а. п. — индоевропейские образования с подвижно-окситонированной а. п. Соответствия такого рода в славянском, аналогичные балтийским примерам, были собраны впервые Г. Хиртом (Hirt IA 94); списки Хирта были дополнены И. Микколой (J. Mikkola. *Urslavische Grammatik. I Teil. Heidelberg, 1913*, стр. 122) и Т. Лером-Славянским (Т. *Lehr-Slavisch. Warszawa, 1927*; то же в книге „*Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego*“. Warszawa, 1957, стр. 127—129).

Схрв. *grīva*; слов. *grīva*, *grīvo*; болг. *grīva*, *grīvata*; рус. *grīva*; бел. *grīva*; укр. *grīva*; чеш. *hriva*.

< слав. **grīva*, бар. а. п. 'грива' (как латыш. *grīva* < **grīva*, бар. а. п.) при **grīvā* 'шея'; ср. др.-инд. (RV) *grīvā* 'загривок, задняя часть шеи'.

Схрв. *dīm*, *dīma* (по диалектам также вторичное удлиннение в Nom.-Acc. Sing., ср. *dīm*, *dīma* — Novi, *dīm*, *dīma* — Hvar, Šaprinovac, Косово, см. JФ XIV 18, Rsd CLXV 121, Елев. I 157); слов. *dīm*, *dīma*; чеш. *dým*. Вторичная акцентуация представлена в болг. *димѣт*, рус. *дым*, Рl. *дымъ*, укр. *дим*, Рl. *димі*.

< слав. **dýmъ*, бар. а. п. 'дым' (как латыш. *dāmi*, лит. *dāmai*, 1 а. п.) при **dhamós* 'дым'; ср. др.-инд. (RV) *dhamós* 'дым', греч. *θυρίς* 'страстное желание; жизненное начало'.

Схрв. диал. *pīr*, *pīra* 'полба' (RJA, Ристыћ 650); чеш. *přr* 'пырей'. Вторичное наменение акцентуации отражает слов. *pīr*¹⁰⁰.

¹⁰ Слав. **sěno*, таким образом, следует восстанавливать как **ghēl/nom* с „подвижным“ (ср. греч. *συνίσις*, муж. или жен. р. 'тростник, камыш'). Интонация лит. *šėnos*, латыш. *šēns* 'сено' может не быть первоначальной, ср. лит. диал. *šėnos*, отмеченное в жемайтских — *Krakės* — и центрально-литовских — *Grėnkiskis*, *Butkiškė* — районах (LM 224, 202, 227).

¹⁰⁰ Смук. *přr*, возможно, заимствовано из чешского, ср. *Nonnenschager* 78.

тышская прерывистая интонация в таких именах возникала в результате обобщения во всей парадигме интонации, развившейся фонетически в окситонированной форме Nom.-Acc. Pl. имен среднего рода, баритонированных в единственном числе; в литовском была, по-видимому, обобщена баритонеза падежей единственного числа. Такое же объяснение можно дать баритонезе этих имен в славянском.

Несоответствие между славянскими и балтийскими данными обнаруживается и среди основ на -й-. Так, акцентуация слав. *zъlъ, подв. а. п. (схрв. сѣл, сѣла, слов. zěl, болг. синѣл; рус. сын, сына, сынѣ, укр. син, сына, сині), не согласуется с первоначальной баритонезой лит. zъlins, подтверждаемой данными памятников (см. § 30). Причину этого несоответствия следует искать в раннем переводе баритонированных -й-основ с акутированных корней в подвижную а. п.; как отмечал уже А. Мейе (А. Мелье. О некоторых аномалиях ударения... стр. 194, 196), -й-основы с долготным корнем, как правило, представляют подвижную а. п. с метатонией в славянском, ср. *dъrъ, *pъrъ, *zъrъ, *vъrъ, *stъrъ. Таким же образом нужно, вероятно, объяснять слав. *vъdъ, если здесь первоначально существовало удлинение в корне, отражаемое латыш. velds 'вид', лит. vėidas 'лиго', 1 а. п. наряду с 3 а. п. (в балтийском, возможно, исходная -os/es основа, ср. § 27); на -й-основу в славянском указывает акцентуация рус. диал. вид, вѣда, видѣ (Nachtigall 97), схрв. вѣд, вѣда, вѣдови (ПСК; также вѣдови, см. Дан. 19), ср. долготу в славин. vjld, vjldъ 'свет'. Преобразования исходной -й-основы можно видеть в слав. *kъjъ 'молот' (слов. kij, чеш. kuj, слук. kuj, ср. рус. кий, кія — кий, укр. кий, кія, — кий) и в лит. kâjis 'молот', 1 а. п., не согласующемся акцентуационно со славянским словом.

Слав. *zъlъ 'желна, род лятла' имеет окситонированную а. п. (схрв. zъlъ, zъlъ, zъlъ — lstra, см. SAW CL 555; рус. желна желнѣ; укр. жовна, жовнѣ, ср. бойковск. мн. жовні, см. ЗНТШ CXIV 127; польск. zółna) и не согласуется акцентуационно с латыш. dzilna 'дятел'. Аналогичное расхождение обнаруживается между латыш. zālna 'заморозки' (и лит. zālna с 4 а. п., введенной, вероятно, вместо 3 а. п., ср. лит. zālti 'замерзать') и слав. *zъlъ 'иней, заморозок', окс. а. п. (ср. схрв. диал. zlanъ, zlanъ, zlanъ, zlana, zlanu, zlane — Прчаъ, Озришић, см. Реѣ. 94; вторичные преобразования в литературном языке — slāna, slānu, slāne и zlāna, zlānu, zlāne, см. Дан. 4—5, Pavie 18, RJA). В славянском здесь восстанавливается исходная баритонеза и циркумфлектированный корень (метатония?). Вторична, вероятно, акцентуация латыш. dzisla 'жила', не согласующегося со слав. *zъlъ (схрв. жѣла, рус. жѣла, чеш. žila) и с лит. gūsla, диал. gisla, 1 а. п. у Донелайтиса (1х, см. Buch AD 44) и в литературном языке (Kug. LD, Явн. Гр. 59, Kam., NS, LKRZ, DLKZ).

Неясны причины появления подвижной а. п. в слав. **peŕvŭ* 'первый' (ср. схрв. *ispŕva*, днал. *pŕvi* и *prvi*, рус. *пѣрво-наперво* и т. п.) при латыш. днал. *pŕmaĩs*, лит. *pirmas*, 1 а. п. у Даукши, др.-инд. *pŕvas* (ср. § 27).

§ 65. Оттягивание ударения на долготный слог. Для славянского можно принять ту же формулировку оттягивания ударения на долготный слог, какая была принята выше (§ 31) для балтийского: ударение переносилось на предшествующий слог с неапофонетическим долгим. Именно такую характеристику корневого слога имеют слав. **grŭva* (< **grŭHŭd*), **dŭmъ* (< **dhuHmъs*), **pŭrъ* (< **puHrъs*), **jъto* (< **jeHtъm* или *joHtъm*), **dŭlga* (< **dŭHghъs*), **pŭlъ* (< **plHnъs*), **mъti* (< **meHtŕ*), **dŕverъ* (< **deHtŕŕŕ*); напротив, в тех случаях, когда оттягивания ударения не было, в корне отмечаются первоначально двухсложные сочетания со schwa primum (ср. **tŭkъ* < **toŭakъs* < **toŭHkъs* при **tŭti* < **tuHtŕei*, **smorъde* < **smoradъs* < **smorHdъs* при лит. *smirdŕia* < **smŕHdŕio*, **jŭnъ* < **joŭanъs* < **joŭHnъs* при др.-инд. Gen Sing. *yŭnъs* < **juHnъs*; такую же структуру корня можно предполагать для **golъa*, **iŕga*) или апофонические долгие (**jъje* < **oŭjъm* < **Hoŭjъm*, ср. лат. *avis* 'птица' < **Hoŭis*; **nŕge* < **nŕgъs*, ср. др.-инд. *nagnъs* < **nognъs*)¹⁰¹.

§ 66. Причины славянской метатонии в подвижной а. п. Для раннего праславянского следует реконструировать две парадигмы имен с долготным корнем, идентичные балтийским. Изменение интонации корня из акутовой в циркумфлексовую в подвижной а. п., установленное А. Мейе, — процесс специфически славянский. Мейе был склонен рассматривать этот процесс как результат ваяния подвижного акцентуационного типа слов с краткостным корнем. Позднее Н. Ван-Бейк, считавший, что окситонированные парадигмы были преобразованы в подвижные в славянском независимо от аналогичного балтийского преобразования, пытался связать славянскую метатонию с таким преобразованием (Wijk Systeme 52). Окончательное установление тождественности подвижных а. п. в балтийском и славянском и реконструкция балто-славянской подвижной а. п., естественно, привели Х. Станга к принятию в модифицированном виде объяснения Мейе (см. Stang Accentuation 10). Аналогическое введение циркумфлексовой интонации в баритонированных падежах подвижной а. п., по мнению Станга, следует связывать с процессом утраты интонационных различий безударных слогов (лучше, вероятно, говорить о количественных различиях) в окситонированных падежах парадигмы и — добавим — в формах с ударением на прокантике или энкантике

¹⁰¹ Неясно происхождение долготы в слав. **mrъo*, др.-инд. *mŕi*.

после того, как, например, **gólva* > **golva*, **ná gólva* > **ná golva*, возникли формы, не отличавшиеся от форм **barda*, **ná barda*, и создались условия для замены фонетической формы Acc. Sing. **gólva* формой **golva* по аналогии с **barda*. Такое объяснение хорошо согласуется с фактом весьма позднего сохранения различия безударных долготных и краткотных слогов в балтийском (на это указывает различная трактовка краткотных и долготных слогов при оттягивании на них ударения в латышском языке и ряде жемайтских говоров, см. § 26); количественное различие безударных слогов в балтийском (**gólva*, но **bar/z/dd*) делало здесь невозможной метатонно, подобную славянской.

* * *

§ 67. Распределение имен по акцентуационным парадигмам в славянском. Последовательное рассмотрение акцентуации различных типов именных основ позволяет сделать вывод о первоначальном сохранении индоевропейского противопоставления двух акцентуационных парадигм во всех рассмотренных категориях¹⁰². В соответствии с окситонированными именами в древнеиндийском, греческом и германском и именами с подвижной а. п. в балтийском в славянском представлены имена, относящиеся к подвижному акцентуационному классу, причем имена с первоначально долготным корнем обнаруживают в этом случае вторичную циркуфлексовую нотоацию. В соответствии с баритонированными именами других индоевропейских языков в славянском представлены баритонированные имена с долготным корнем и окситонированные имена с краткотным корнем; преобразование колошкы баритонированной парадигмы в колошкы окситонированную у слов с краткотным корнем — специфически славянский процесс. Отклонение от акцентуационного распределения в древнеиндийском, греческом и германском обнаруживается в группе имен с неапофоническим долгим в корне, где следует принимать оттягивание ударения на корневой слог; так как аналогичное отклонение обнаруживается и в балтийском, этот процесс следует считать весьма древним (см. подробнее § 31).

Таким образом, славянская система акцентуационных парадигм содержит ряд инноваций по сравнению с балтийской и отражает только те индоевропейские противопоставления, которые отражены в балтийской системе; противопоставление трех славянских парадигм развилось из дихотомического противопоставления, аналогичного балтийскому, а не наоборот, как полагали Мейс и Станг. Построения Куриловича, противореча-

¹⁰² Это противопоставление почти полностью устранено у *o*-основ мужского рода; однако и здесь его следы обнаруживаются в ряде славянских областей, ср. § 46.

щие балтийским данным, не находят подтверждения и в славянском материале. Такие выводы могут быть подтверждены специальной рассмотренных сопоставлений.

Имена с краткостным корнем

Балтославянские а. п. и индоевропейском	Падукко-австославянские а. п. и индоевропейском
lāxā, lāxā: др.-в.-нем. -leisa vādvā, vādvā: др.-инд. vidhāva blāxā, blāxā: греч. φίλλο maglā, maglā: греч. μαγίλη koxā, koxā: др.-инд. kākṣā krupā, krupā: нем.-нем. rüfe esā, esā: лит. vapsā 2/4 lekā, lēkā: лит. lankā (2)/4 gvēzdā, gvēzdā: лит. žvaigždė 2/4 medjā, medjā: лит. mėsė 2 šerdā, šerdā: др.-пр. kērdan volkā, volkā: лит. vaikā 2 cāvā, cāvā: лит. šaivā 2/4 pēstā, pēstā: лит. piestā 2/4	palā, palā: др.-в.-нем. falg ovacā, ovacā: др.-инд. avikā xolā, xolā: греч. χαλή gaxā, gaxā: др.-инд. gaxā snaxā, snaxā: др.-инд. snaxā cānā, cānā: греч. τανή rēkā, rēkā: др.-сканд. rēng grēdā, grēdā: лит. grūdā 4 zimā, zimā: лит. žiemė 4 telkā, telkā: лит. talkā 4 nagā, nūgā: лит. nagū 4 kazā, kōzā: лит. kasė 4 kraxā, kraxā: лит. krosė 4 xoxā, xoxā: лит. šakė 4 bordā, bordā: лит. barzdā 4
(cxpa. амал. xūp. xūbā: др.-инд. jāmbhas yrāt, yrātā: лит. garbas 2/4 rēxā, rēxā: лит. rūgas 2/4 lūk, lūkā: лит. laikas (2)/4 snēg, snēgā: лит. sniegas 2/4 cēp, Pl. cēpi: Нас. oxēnos vīās, Pl. vīasi: др.-инд. vāśas)	(cxpa. vīās, vīās: др.-сканд. kalb амал. mīx, mīx: др.-инд. mājās xūāt, xūā: греч. ἰκίς plēn, plēnā: лит. palnas 4)
dvēra, dvēra: др.-инд. dvāram pōdā, pōdā: греч. πόδων tāra, tāra: др.-инд. tṛṇam lāra, lāra: греч. λίων māra, māra: др.-в.-нем. mas sītā, sītā: др.-в.-нем. seid vāra: др.-инд. vānam šērdā, šērdā: др.-инд. śardham šēra, šēra: греч. σέρων dēra, dēra: греч. δέρων šēta, šēta: лит. skistas 2/4 pārsta, pārsta: лит. pirštas 2 vōska, vōska: лит. vėiskas 2/4 pēsta, pēsta: лит. piestas 2	parā: греч. παρών gvēzdā: др.-инд. nīdām jēdrā: др.-инд. śardham qtrā: др.-инд. śtrām sidā: др.-в.-нем. seil gvārā: др.-инд. ghṛnās dānā: лит. dūgnas 4 jētra, Pl.: др.-сканд. inar vertā/vōrtā, Pl.: лит. vaistai 2 plutjā/plūtjā, Pl.: лит. plaučiai 2/4

Бартолопропанная а. п. в индоевропейском	Подвижно-акцентированная а. п. в индоевропейском
prīdā, prīdā: лат. prīdas 2 šerslā: лат. šerslas 2 plūtā: лат. plūtas 2/4 āstrā, ostrā: греч. άστρος nēva, navā: др.-инд. nāvas mēdja: др.-инд. mādhyas āstā, asti: лат. akstis 2/4 āgnā, agni: лат. ugnis (2)/4 željā, želva: греч. χελύς mārķā, mārķvā: др.-в.-нем. marha lokjā, lokvā: др.-сканд. la sestā, sestvā: др.-инд. svāsā mētjā, mētvā: др.-инд. mánthā pētā, pētī: др.-инд. pánthās *	būvā, būvo: др.-в.-нем. her sūvā, sūvo: др.-англ. sēar žūjā, žūje: др.-инд. savyās rēdā, rēdo: др.-инд. lodhās Обобщена подвижная а. п. svēkrjā, svēkrvā: др.-инд. śvadrās dākti, dēkterā: др.-инд. duhitā

Имена с долготным корнем

Подвижно-акцентированная а. п. в индоевропейском	
Бартолопропанная а. п. в славянском	Подвижная а. п. в славянском
grīva: др.-инд. grivā dūmā: др.-инд. dhūmās pūrā: греч. πόρος jāto: др.-инд. yātām dēlgā: др.-инд. dārghās pēlvā: др.-инд. pūrvas mātī: др.-инд. mātī dēvavā: др.-инд. devā	golvā, golvā: латыш. galva tāka, tuka: лат. tauka 3 smofā, smofda: латыш. smafds lēgā, lēga: латыш. lēdgs jāje, Pl. jājā: греч. ἵασις mēso, Pl. mēsā: др.-инд. mārsām jūlvā, jūvo: латыш. jaūps nēgā, nēgo: латыш. nuēgs

* Приводим справку отклонений от описанного распределения. Слав. *krakā, krākā, *pēvā, pēvā, *āstā, āstā, *mēdā, mēdā, *āgnā, agnā не соответствуют др.-в.-нем. kraka, ast, др.-инд. prāghām, mādhu, agnis, но согласуются с лат. krakā 4, pīstas 2, akstas 2/4, mēdā 4, agnis (2)/4; слав. *rēkā, rēkā не соответствует лат. rakā 2, др.-сканд. rē, но согласуется с др.-сканд. rēng; слав. *zemjā, zemjā, *dōgā, dōgā, *sēto, sēto, *dēlvā, dēlvā не согласуются с лат. lēmā 2, dōgā 4, др.-инд. sātām, kṛnā.

vā́na :	др.-инд.	vā́na
iva :	греч.	ἴνα
týlō :	др.-инд.	tálam
lā́to :	др.-англ.	lāp
bḗrtaq :	др.-инд.	*bhā́rta
zā́ltaq :	греч.	ζάλα
bḗrta :	др.-инд.	bhā́ta

§ 68. Преобразование баритонированной а. п. имен с краткостным корнем в славянском. Рассмотренные выше соответствия предполагают существование в раннем праславянском колонной баритонированной парадигмы имен с краткостным корнем, аналогичной соответствующей балтийской парадигме; для определенного периода, таким образом, допустимо восстановление славянской парадигмы *blǫxa, blǫxu, blǫsē, blǫxp (фонетическая реконструкция в данном случае условна), во всем аналогичной балтийской парадигме *blūsa, blūsas, blūsai, blūsai. Выясняя причины преобразования баритонированных парадигм в окситонированные в праславянском, следует считаться с возможностью морфологического или фонетического характера этого преобразования. Однако морфологическое преобразование баритонированной а. п. должно было бы, по-видимому, в равной степени затронуть имена с долготным и краткостным корнем. Сохранение баритонированной а. п. имен с долготным (акутированным) корнем указывает скорее на фонетический характер процесса. В этом случае нужно искать специфические условия, вызвавшие перенесение нисходящего ударения на следующий слог именно в баритонированной а. п. (но не в подвижной).

Такие специфические условия обнаруживаются только в сочетаниях имени с проклитиками (предлогами), образующих фонетическое слово с одним основным ударением: в подвижной а. п. подударный корневой слог — всегда первый слог фонетического слова (ср. Acc. Sing. grědō; в сочетании с предлогами ударным становится предлог: ōb grědō); в баритонированной а. п. подударный корневой слог может оказаться средним слогом фонетического слова (в сочетании с предлогами, ср. ōb lěko). Это последнее обстоятельство чрезвычайно существенно при определении возможных причин перенесения ударения.

Как известно, на поздних этапах развития праславянского фонетически были невозможны средние слоги с нисходящей интонацией. Ударение с таких слогов оттягивалось на предшествующий слог, приобретавший в результате новоакцентную интонацию. Можно предположить, что тенденция к устранению нисходящего ударения в середине слова возникла в праславянском достаточно рано; первоначально оно могло устраняться путем переноса ударения на последующий слог. Такое допущение объяснило бы преобразование форм баритонированной а. п. с предложениями в окситонированные формы (**ъ lǫkǫ* > **ъ lǫkǫ*); окончательное преобразование парадигмы в окситонированную можно было бы приписать действию процессов аналогии **lǫkǫ* > **lǫkǫ* под влиянием **ъ lǫkǫ*, **lǫka* > *lǫkà* под влиянием **lǫkǫ*, *ъ lǫkǫ*).

Заключение

Сопоставление балтийской и славянской систем акцентуационных парадигм имени приводит к выводу об их первоначальной тождественности. Обе системы сводятся к системе, отражающей противопоставление „баритонированная а. п. — подвижная а. п.“ в соответствии с противопоставлением „баритонированная а. п. — окситонированная а. п.“ древнеиндийского и древнегреческого языков; и в балтийском, и в славянском представлено отклонение от описанного соответствия в группе имен с неапофоническим долгим в корне (ср. таблицу на стр. 163).

Трудно сказать, указывает ли эта общность балтийской или славянской систем на существование балто-славянской системы акцентуационных парадигм имени, отличающейся от индоевропейской системы определенным набором инноваций. Как инновации в данном случае могли бы рассматриваться 1) расширение сферы подвижности, т. е. преобразование индоевропейской подвижно-окситонированной а. п. в подвижную и 2) перевод в баритонированную а. п. имен с неапофонической долготой в корне.

Однако, учитывая реликтовый характер подвижности ударения в парадигме и явно выраженную тенденцию к установлению колонного парадигматического ударения в древнеиндийском и греческом, мы едва ли можем надежно реконструировать первоначальное соотношение окситонезы и подвижности на основании данных этих языков (ср. Введение). Подвижность ударения в балтийском и славянском может, таким образом, отражать не балто-славянскую инновацию, а архаизм, утраченный в древнеиндийском и греческом. Современное состояние греческой и древнеиндийской акцентологии не позволяет получить здесь однозначное решение.

Вторая группа фактов — случаи баритонезы имен с неапофонической долготой в корне — явно отражает инновацию (см. § 31). Но недавняя работа В. А. Дыбо „Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии“ (ВСЯ, вып. 5, 1960, стр. 9—34) показвала, что эта инновация не ограничена славянским и балтийским. На баритонезу в аналогичных случаях указывают и кельто-италийские языки, сохраняющие долготу гласного (безударные

долготы в этих языках, как показала Дыбо, были сокращены), ср. лат. *māter* 'мать', *fāmis* 'дым', ирл. *lān* 'полный', восходящие к баритонированным формам, идентичным балтийским и славянским (латыш. *māte*, *dāmi*, *pīlas*, слав. **māti*, **dǫmь*, **pǫlьnь*), но отличающимся от окситонированных форм других индоевропейских языков (др.-инд. *mātā*, *dhamās*, *pārās*, греч. [Gen.] *μήτηρ*, *θόρυξ*, герм. **modēr*), см. В. Дыбо, цит. работа, стр. 18. С другой стороны, как отметила уже Х. Шельд (H. Sköld, Zur Akzentzurückziehung auf Akutsilben. — ZSLPh, Bd. IV, 1927, стр. 143), в древнейших частях Ригведы некоторые слова рассматриваемой группы, являясь вторым членом словосложения, *bahuvrīhi* с переносом ударения с первого члена сложения, баритонированы в нарушение общего правила о сохранении обычного места ударения, ср. др.-инд. *tuviḡrīvas*, *purnāśras*, *śakadhāmas*, *puruḡāras* при *grīvaḥ*, *ośras*, *dhamās*, *rapas*. Таким образом, оттягивание ударения на слог с неапофонической долготой, было, по-видимому, не специфически балто-славянским, а индоевропейским диалектным процессом, возможно непосредственно связанным с процессом ослабления (и утраты) ларингальных и соответствующего тонического усиления вновь возникших (неапофонических) долгот.

Процесс оттягивания ударения, не будучи только балто-славянским, тем не менее, является древнейшим из установившихся балто-славянских акцентуационных процессов. Он не привел к изменению системы акцентуационных парадигм имен, а лишь изменил количественное соотношение между образованиями, входящими в два противопоставленных акцентуационных класса. Прошедший позднее процесс сокращения подударных долгих дифтонгов, обусловивший фонологизацию интонаций в неконечных слогах в балтийском и славянском, привел лишь к раздвоению каждой акцентуационной парадигмы; последствия такого раздвоения сказались различным образом в балтийском и славянском в более поздний период. Перенос ударения на акцентированный слог преобразовал в подвижную а. п. колонную баритонированную а. п. у имен с краткостным корнем в литовском; устранение нисходящей интонации с внутренних слогов привело к преобразованию баритонированной а. п. в окситонированную в славянском. Эти процессы, существенно изменявшие старую систему акцентуационных парадигм, сопровождались активной перегруппировкой имен внутри системы, связанной прежде всего с переводом первоначально баритонированных имен в подвижную а. п.

Такова, в общих чертах, судьба индоевропейской акцентуационной системы именных парадигм в балтийском и славянском. Инновации значительны, произошедшие сдвиги в ряде случаев затемнили первоначальную картину. Тем не менее, преимущество развития акцентуационных систем очевидна.

Условные сокращения в названиях языков

авест.	авестийский	карельск.	карельский
арм.	армянский	кипрск.	кипрский
аттич.	аттический	лит.	литовский
бел.	белорусский	лат.	латвисский
болг.	болгарский	латыш.	латышский
валл.	валлийский	норв.	норвежский
вепс.	вепсский	польск.	польский
в.-луж.	верхнелужицкий	рус.	русский
вест.-балт.	восточнобалтийский	семит.	семитский
герм.	германский	слав.	славянский
гомер.	гомеровский	слов.	словенский
гот.	готский	словен.	словенский
греч.	греческий	слов.	словарный
дорич.	дорический	ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
др.-англ.	древнеанглийский	ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
др.-а.-нем.	древневерхненемецкий	ст.-ант.	старолитовский
др.-инд.	древнеиндийский	ст.-польск.	старопольский
др.-ирл.	древнеирландский	ст.-чеш.	старочешский
др.-пр.	древнепрутский	схрв.	сербохорватский
др.-санск.	древнесанскритский	укр.	украинский
др.-сканд.	древнескандинавский	финск.	финский
др.-фриз.	древнефризский	хантийск.	хантийский
др.-швед.	древнешведский	чеш.	чешский
еврейск.	еврейский	швед.	шведский
ирл.	ирландский	эстонск.	эстонский
		эст.	эстонский

Байки	Байки В. С. Ударение в формах имен существительных в современном русском литературном языке. Саратов, 1952 (дисс.).
Белић ИС	Белић А. Дијалекти Источно и Јужно Србија. Београд, 1905.
Белић ПСК	Белић А. Правонис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950.
Бул. АКЧ	Будакховский А. А. Акцентологический комментарий к чешскому языку. Вып. 2—3. Киев, 1956.
Бул. РА	Будакховский А. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. 2 изд. М., 1954.
Вас.	Васильев А. А. О значении ударения в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. А., 1929.
Весел. Бер.	Веселовська З. Український наголос в словарі Беринга. — Записки историко-філологічного відділу Української Академії, кн. XXI—XXII. Київ, 1929.
Весел. ВУ	Веселовская З. Н. Особенности восточнославянского ударения конца XVI—начала XVIII веков. — Наукові записки Харківського Под. Інституту, т. V, 1959, стр. 27—66.
Весел. НБ	Веселовська З. Н. Наголос іменників білоруської мови за пам'ятками XVII ст. у порівнянні з наголосом сучасної білоруської літературної мови. — Філологічний збірник. Київ, 1958, стр. 145—156.
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания (Москва).
ВЯ	Вопросы языкознания.
Гедога	Гедога О. Г. Говор села Катагощи. М., 1952 (дисс.).
Даль	Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, 2 изд., т. I—IV. СПб.—М., 1879—1882.
Дан.	Данчич Ђ. Српски акренти. Београд—Земун, 1925.
Дзєдзєдзєвський	Дзєдзєдзєвський Й. О. Атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР, ч. I—II. Ужгород, 1958—1960.
Дыбо ВА	Дыбо В. А. Об отражении древних количественных и тонационных отношений в верхнеулышском языке. — Луцкий сборник (печатается).
Елєв.	Елєзовић Га. Речник косовско-митохонског дијалекта, кн. I—II. Београд, 1932—1935.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ЭНТШ	Записки Научного Товариства имени Шевченко.
ИНБ	Известия на Института за български език.
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности АН.
ИССФ	Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София.

ЮФ	Жуначасловенски филолог.
Камлаурис	Камлаурис М. Литовский говор в белорусском окружении (говор дер. Малайковна в БССР). А., 1955 (дисс.).
Кип.	Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке. Односложные имена существительные. Helsinki, 1950.
Лавров Мат.	Лавров П. А. Материалы по истории возникновения славянской письменности. А., 1930.
Лавров Обз.	Лавров П. А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
Лисенко	Лисенко П. С. Словник діалектної лексики середнього і східного Поділля. Київ, 1961.
Лобин	Лобин Н. П. Нагіск назвоўніваў у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Мінск, 1953 (дисс.).
ЛХ	Вольтер Э. А. Литовская хрестоматия. т. I—II. СПб., 1901—1904.
Милостич СД	Милостич А. Саксонски дамискини, новобългарски паметник от XVIII век. София, 1923.
Оби.	Обморский С. П. Именное склонение в современном русском языке, ч. I—II. А., 1927—1931.
Орлов	Демострой по Кошвинскому списку и подобным, к изданию приготовил А. Орлов, кн. I (ч. I—II). М., 1908—1910.
Писем.	Книга Константина Философа о Писименех (см. Ягич).
Погр.	Погрибний М. І. Словник народної української літературної мови. Київ, 1959.
Пр.	Православное српскохрватскога књижевног језика са правосланим речником. Нови-Сад—Загреб, 1960.
ПР	Православни речник на български књижевни език, 3 изд. София, 1954.
ПСп	Периодическо Списание (София).
Ристич	Ристич С., Каштра Г. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928.
РАПУ	Русское литературное произношение и ударение. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1960.
РН	Редоски Напредок.
РФВ	Русский Филологический Вестник.
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.
СбОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности АН.
СДЗб	Списки діалектологіки зборник.
Симич	Симич Н. Множина именница мушката рода од једнога и од два слога. — Осми годишњи извештај Великог гимназије у Мостару, 1902.
Собол.	Соболесовский А. И. Лекция по истории русского языка, 2 изд. СПб., 1891.
Тунцзкий	Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Приготовил к печати Н. А. Тунцзкий, вып. I. Сергиев Посад, 1918.
Уч. 1647 г.	Учение и хитрость русского строения похотных людей. 1647. (см. Станг УХ).
Черных	Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
Чуд. НЗ XIV в.	Чудовский Новый Завет середины XIV в.
Юшк. ЛР	Юшкенич А. Литовский словарь, вып. I—II. СПб., 1904—1922.
Яни. Гр.	Яниче К. И. Грамматика литовского языка. СПб., 1908—1916.
Ягич	Ягич И. Рассуждения южно-славянской и русской старини о церковно-славянском языке. — Исследования по русскому языку, т. I, СПб., 1885—1895.

Agrell IA	Agrell S. Intonation und Auslaut im Slavischen. Upsal, 1913.
Arumaa	Arumaa P. Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend. Dorpat, 1930.
ASiPh	Archiv für Slavische Philologie.
AV	Atharvaveda.
Baranowski OT	Baranowski A., Weber H. Ostlitauische Texte. Weimar, 1882.
Barber	Barber Ch. Cl. Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva. Heidelberg, 1932.
Bartholomae	Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
Bartoš	Bartoš F. Dialektologie moravská, d. I—II. Brno, 1886—1895.
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.
Bělič	Bělič J. Dolské nářečí na Moravě. Praha, 1954.
Berneker PS	Berneker E. Die preussische Sprache. Strassburg, 1896.
Berneker SEW	Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl., Bd. I. Heidelberg, 1924.
Biblia 1735 r.	Biblia, Tai esti: Wiasas Szwentas Raštas Sėne ir Naujo Testamento... Karaliaučius, 1735.
Biblia 1755 r.	Biblia, Tai esti: Wiasas Szwentas Raštas... Karaliaučius, 1755.
Böhtlingk	Böhtlingk O. Sanskrit Wörterbuch in kürzerer Fassung, Bd. I—VII. SPb., 1879—1889.
Böhtlingk—Roth	Böhtlingk O., Roth R. Sanskrit Wörterbuch, Bd. I—VII. SPb., 1852—1875.
Boissacq	Boissacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 2 éd., Paris—Heidelberg, 1923.
Brugmann	Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl., Bd. I—V. Strassburg, 1906—1909.
Buch AD	Buch T. Die Akzentuierung des Christian Donelaišis. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.
Buga	Buga K. Rinktiniai raštai, t. I—II. Vilnius, 1948—1959.
Buga R.	Buga K. Rankraščiai (pysmonos, xronologas ir Balauscasas yu-re).
Bat.	Batėnas P. Lietuvių kalbos akcentologijos vadovėlis mokyklai ir gyvenimui. Kaunas, 1931.
Bystroś	Katechizm Łódzki w przekładzie wschodnio-litewskim z wydania wileńskiego z r. 1605. Wydał... Dr. Jan Bystroś. Kraków, 1890.
DLKŽ	Dabartinės Lietuvių kalbos žodynas. Red. J. Balškaitis. Vilnius, 1954.
Deritsch	Deritsch A. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Tilsit, 1911.
Endzelins LVG	Endzelins J. Latviesu valodas gramatika. Rīga, 1951.
Falk—Torp	Falk H. S., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—II. Heidelberg, 1910—1911.
Fraenkel LEW	Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 1—12. Heidelberg, 1955—.
Frisk	Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 1—10. Heidelberg, 1954—.
Fulst	Fulst K., Scholz A., Talmantas J. Litauisch-Deutsches Wörterbuch, Bd. I. Kaunas, 1943.
Gebetbüchlein 1685	r. Neues Litauisches Sehr nütziges und Seelen erbauliches Gebeth-Buchlein... Karaliaučius 1685.

- Gerullis—Stang Gerullis J., Stang's as Ch. Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje. Kaunas, 1933.
- Gesangbuch 1685 r. Neues Abermahl verbessert und mit vielen neuen Liedern vermehrtes Littausches Gesang-Buch... Karaisaueje 1685.
- Gesangbuch 1705 r. Neues Abermahl verbessert... Gesang-Buch... Karaisaueje 1705.
- Grassmann Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. 3 Aufl. Wiesbaden, 1955.
- Haack Vocabularium Litvanico-Germanicum et Germanico-Litvanicum... von Friedrich Wilhelm Haack... Halle (1730).
- HAL Hesychii Alexandrini Lexicon... Recensuit Mauricius Schmidt, t. I—V. Jenae MDCCCLVIII—MDCCCLXVIII.
- HDZb Hrvatski dijalektološki zbornik.
- Hellquist Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. 3 upp., Bd. 1—2. Lund, 1948.
- Hes. Γαερου Γερουζας (см. HAL).
- Hirt Akzent Hirt H. Indogermanische Grammatik. Bd. V. Der Akzent. Heidelberg, 1929.
- Hirt IA Hirt H. Der Indogermanische Akzent. Ein Handbuch. Strassburg, 1895.
- Hodura Hodura Q. Nėrašė litaniškos. V Lietuvių, 1904.
- IF Indogermanische Forschungen.
- IBgeldimas 1750 r. Trumpas ir prastas isguldimas... per Jona Jokuba Kwand. Karaisaueje, 1750.
- Jabi Jablonskis J. Rinkiniai raštai, t. I. Vilnius, 1957.
- Jonikas Jonikas P. Pagramančio tarmė. Kaunas, 1939.
- Jurkschat Jurkschat C. Litauischen Märchen und Erzählungen aus dem Volke gesammelt... Heidelberg, 1898.
- Kálai Kálai K., Kálai M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
- Kalima IB Kalima J. Itämerensuomalaisen kielten halttilaiset lausumat. Helsinki, 1936.
- Kam. Kamantauškas V. Trumpas Lietuvių kalbos kirties mokslas. II D. Kirties todynas. Kaunas, 1929.
- Karłowicz Karłowicz J. Słownik gwar polskich, t. 1—6, Kraków, 1900—1911.
- карт. LKDA Картошка Диалектологического отдела Литовского языка, транскрипция в Ин-те Литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
- карт. LKŽ Картошка Словаря Литовского языка, транскрипция в Ин-те Литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
- Kat. Katechismas Krležioniškas Katolikiškas Katekizmas... 1770 (6. m.).
- Kellner Kellner A. Vychodolaiské nářečí, d. I—II. Brno, 1946—1949.
- Kip. Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Klein Comp. M. Danielis Kleinii Compendium Litvanico-Germanicum... Königsberg. M.DC. LIV.—Pirmoji Lietuvių kalbos gramatika 1653 metai. Vilnius, 1957.
- Klein Gr. Grammatica Litvanica... edita à M. Daniele Klein. Regiomonti.—Pirmoji Lietuvių kalbos gramatika 1653 metai. Vilnius, 1957.
- Kluge EW Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 17 Aufl. Berlin, 1957.
- Kluge St. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle, 1899.

Kopečný	Kopečný F. Nářečí Uršic a okolí. Praha, 1957.
Kucala	Kucala M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
Kur. DL	Kurschat F. Wörterbuch der litauischen Sprache. Erstes Theil. Deutsch-Litauisches Wörterbuch, Bd. I—II. Halle, 1870—1874.
Kur. Gr.	Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
Kur. LD	Kurschat F. Litauisch-Deutsches Wörterbuch. Halle, 1888.
Kurylowicz	Accentuation Kurylowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes, 2. éd. Wrocław—Kraków, 1958.
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
Leskien—Brugmann	Leskien A., Brugmann K. Litauische Volkslieder und Märchen aus dem preussischen und dem russische Litauen. Strassburg, 1882.
LKK	Lietuvių kalbotyros klausimai.
LKRŽ	Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Kaunas, 1948.
LKRŽM	Lietuvių kalbos rašybos žodynas mokykloms. Kaunas, 1958.
LKŽ	Lietuvių kalbos žodynas, t. I—V. Vilnius, 1941—.
LM	Litauische Mundarten gesammelt von A. Baranowski, T. I. Texte. Leipzig, 1920.
Lorenz SW	Lorenz F. Slavinisches Wörterbuch, Bd. I—II. SPb., 1908—1912.
LP	Lingua Posnaniensis.
Machek	Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
MADA	Lietuvių TSR Mokslų Akademijos Darbai, Serija A.
Matecki	Matecki M. Dwie gwary macedońskie, cz. I—II. Kraków, 1934—1936.
Malina	Malina I. Slovník nářečí mistřického, Praha, 1946.
Mayrhofer	Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen, Bd. I—II (Lief. 1—14). Heidelberg, 1953—.
ME	Mühlenbach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bd. I—IV. Riga, 1923—1925.
ME 400.	Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1934—1938.
Mielcke DL	Mielcke Chr., Ruhig Ph. Litauisch-Deutsches und
u Mielcke LD	Deutsch-Litauisches Wörterbuch. Königsberg, 1800.
Mielcke Gr.	Mielcke Chr., Ruhig Ph. Anfangs-Gründe einer Litauischen Sprach-Lehre. Königsberg, 1800.
Mikkola LV	Litauische Volkslieder aus dem handschriftlichen Nachlass Prof. J. J. Mikkelas. Helsinki, 1949.
Miletic OB	Miletic L. Das ostbulgarische. Wien, 1903.
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
Nachtigall	Nachtigall R. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Worthildung. I. Substantive auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
Nesselmann	Nesselmann G. H. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851.
Nieminen Ausgang	Nieminen E. Der urindogermanische Ausgang -ai des Nominativ-Akkusativ-Pluralis des Neutrons im Baltischen. — Suomalaisen tiedeakatemia toimittuksia. Sarja B, nide 16.

Nonnenmacher	Nonnenmacher—Prihič E. Die baltoslavischen Akzent- und Intonationsverhältnisse und ihr quantitativer Reflex im Slavischen. Wiesbaden, 1961.
NS	Niedermann M., Sena A., Brender F., Salys A. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, Bd. I—III. Heidelberg, 1932—.
NT 1701 r.	Novum Testamentum lithuanicum... Karalauszuja 1701.
NT 1735 r.	Naupas Testamentas musk Pomo bey izganytojo... Karalauszuja 1735.
Ostermeyer	Neue Littauische Grammatik... von Gottfried Ostermeyer... Königsberg, 1791.
Otrybski WNT	Otrybski J. Wschodnio-litewskie narzecze twerskie. Cz. I, III. Kraków, 1932—1934.
Pavič	Pavič A. Stadije o hrvatskome akcentu. — Rad, knj. LIX, 1881.
PF	Prace filologiczne.
Piet.	Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, d. I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pok.	Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern—München, 1959.
PVG	Prūsijos valdišios gramatos, pagrądinimai ir apsakymai lietuviams valstiečiams. Vilnius, 1960.
Rad	Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti.
RESI	Revue des études slaves.
Reš.	Rešetar M. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. I—XVI. Zagreb, 1880—.
RSI	Rocznik Slawistyczny.
Ruhig DL =	Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Wörterbuch
Ruhig LD	von Philipp Ruhig. Königsberg, 1747.
Ruhig Gr.	Ruhig P. F. Anfangsgründe einer Littauischen Grammatik... Königsberg, 1747.
RV	Rgveda (cm. Grassmann).
SAW	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien.
Schleicher	Schleicher A. Handbuch der litauischen Sprache, Bd. I—II. Prag, 1856—1857.
Sedláček	Sedláček Fr. Přívuk podstatných jmen v jazycech slovanských. V Praze, 1914.
Senkus	Senkus J. Pažanavikio kapsų tarė. Vilnius, 1955 (arcc.).
Skardžius DA	Skardžius P. Danksios akcentologija. Kaunas, 1935.
Skardžius ŽD	Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1941.
Ślawski	Ślawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952.
Smal	Smal-Stocky St., Gartner Th. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.
Specht LM	Litauische Mundarten gesammelt von A. Baranowski, Bd. II. Grammatische Einleitung... von Dr. Franz Specht. Leipzig, 1922.
Stang Accentuation	Stang Ch. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Stang YX	Stang Ch. S. La langue du livre „Ученое и церковное право сирѣчь похотѣхъ аскаѣ“, 1647. Oslo, 1952.
StB	Studi baltici.
Szwyzer	Szwyzer E. Griechische Grammatik, Bd. I—III. München, 1939—1953.
ŚB	Śatapathabrāhmaṇa.

pėdas 15, 49
 peilai 18
 parbas 15
 pats 22
 pėdas 29
 pėkus 23
 pelnas 43
 piemuo 30
 pietė 40
 pietas 49
 pieva 27
 pilis 22
 pilnas 30
 pirmas 27, 64
 pirėtas 17, 49
 plakas 17
 plaučiai 48
 plaučiai 18
 plautas 49
 priedas 49
 piliiai 32
 pūrai 30
 ragas 44
 raikas 27
 ranka 4, 39
 rasa 5, 39
 ratas 15
 raspai 10, 43
 rumbas 53
 saikas 9
 saikas 15, 49
 saka 5
 sakai 10, 43
 salpas 53
 samda 5
 sapnas 9
 sapnys 15
 sekmas 21
 senas 29
 sesuo 24
 sietas 'ceto' 32

sietas 'apnemas' 49
 skala 5
 skietas 17, 49
 sklandas 53
 slauga 41
 Slayan (xpr.-np.) 52
 smards (xomam.) 62
 snite (xomam.) 30
 sniegas 44
 spaliai 18
 sparnas 16
 spanda 5
 spurgas 33
 sraunuo 24
 srava 5
 stambas 10
 stomuo 27
 strazdas 10, 45
 sula 4
 sūnus 30, 64
 šaka 6, 39
 šakės 25
 šalna 64
 šamas 53
 šepas 9
 šarmas 27
 šelva 40
 šešuras 11
 šimtas 16, 48
 šlakas 16
 šlaunis 22
 šulas 9
 šventas 21
 takas 43
 talika 39
 talpa 6
 tanas 9
 tarpas 5
 taukai 62
 tauras 11, 43
 tauta 5

tieva (xomam.) 29
 tiltas 30
 tinklas 15
 trąja 6
 tuščias 21, 55
 tvankas 11
 Twantan (xpr.-np.) 52
 ugnis 57
 uosis 30
 urvas 33
 uosis 22
 vakaras 9, 44
 valas 9
 valka 40
 valkas 10, 43
 vapsa 40
 varnas 43
 vertai 48
 vėjas 9
 vėtkas 49
 vėtys 17
 vėidas 27, 64
 vėjas 30
 vėika 5
 vienas 29
 vieta 4
 vilkas 11, 44
 vilna 27, 61
 virkus 23, 56
 vakas 32
 vyros 30
 žmogus (xomam.) 30
 žala 5, 39
 žambas 9, 44
 žarais 10
 žemė 41
 žentas 33
 žiema 39
 žvalgė 40

Русский и другие славянские языки

берема 61
 берет 52
 блага 40
 бобер 56
 бог 44
 бод (xpr.) 44
 борода 39
 бос 55
 брат 61
 брод 53
 вил 56
 вода 40
 верх 56
 вечер 44

вид 64
 влажа (xpr.) 40
 воз 44
 вол 56
 волк 44
 волна 'шерсть' 61
 волон 43
 волос 44
 волот (xpr.) 56
 вон 49
 ворон 43
 ворота 48
 восемь 57
 гавот 53

гнездо 48
 гој (xpr.) 44
 голова 62
 голос 43
 гон 52
 горно (xpr.) 48
 горел 44
 грива 63
 гроб 52
 грим 44
 груд (xpr.) 53
 грива 39
 двор 49
 двер (xpr.) 63

дла 52
 дрен 49
 дло 48
 дла 56
 долот 63
 дла 59
 дрео (скрв.) 51
 дрозд 45
 drōh (чеш.) 52
 друг 43
 дуб 56
 дуга 41
 дух 43
 дым 63
 жала (скрв.) 52
 жала 64
 жила 64
 мир 56
 дива 40
 земля 41
 жима 39
 жима 61
 дла 39
 дуб 44
 жма 61
 jafo (скрв.) 62
 jato (скрв.) 63
 жий 64
 короб 43
 жаса (полоск.) 39
 жаса (орудия) 40
 krat (слов.) 53
 краско 51
 кроха 39
 круша 40
 кут 45
 лад 59
 лен 49
 лето 61
 леха (скрв.) 40
 лог 44
 локва (скрв.) 58
 луг 62
 лук 44
 луна 40
 магал (скрв.) 40
 мать 63
 мед 56
 мажа 40
 me| (слов.) 55
 мех 43

миг 43
 моркоть 58
 mouren (чеш.) 59
 мох 49
 мисо 62
 нат 62
 нерест 53
 нов 55
 нога 39
 нутро 48
 ода 39
 огонь 57
 озеро 51
 ol (слов.) 56
 олово 51
 ось 40
 остр 55
 ost (слов.) 57
 пас (скрв.) 45
 первый 64
 перо 48
 перст 49
 пост 49
 постр 55
 пир (скрв.) 63
 pista (чеш.) 40
 плат 52
 плуто (скрв.) 49
 плула (скрв.) 48
 под 49
 полон 63
 полон 43
 полоса 39
 прод (скрв.) 49
 прх (скрв.) 44
 путь 59
 пять 57
 раг 44
 рой 52
 роса 39
 руб 53
 rud (слов.) 55
 руна 39
 рух (укр.) 43
 рна 56
 сав 56
 свекровь 58
 семь 57
 серен 52
 сестра 59
 сиво 48

sit (ом.-чеш.) 49
 слана (скрв.) 64
 слал (скрв.) 53
 слей 52
 слуга 41
 смород 62
 снег 44
 сноха 39
 сок 43
 сон 59
 сон 44
 соха 39
 спорый 55
 стан 56
 сто 48
 стог 52
 струх 52
 струн 43
 сук 56
 сук 55
 сын 56
 терн 49
 ток 43
 толоча (укр.) 39
 торг 56
 торок 56
 тощ 55
 тур (скрв.) 62
 тур 43
 tji (чеш.) 61
 хвост 52
 хауа 53
 хол 43
 цана 39
 цип 44
 cleva (слав.) 40
 чабар (скрв.) 53
 черед 49
 череда 40
 черен 55
 черен 44
 черело 49
 черта 40
 шест 52
 шесть 57
 shj (слов.) 55
 шат 49
 лада 48
 ятра 48

Древнеиндийский язык

agnis 57
 antaras 21
 ardhvas 9
 avikā 39

āma 24
 āva 4
 āpām 48
 antrām 48

āra 27, 61
 urvās 33
 kākṣa 40
 kalā 5

kṛta 40
 kṛmīs 22
 kṛpās 55
 kōka-yāstus 9
 kōśas 32
 kṛavyām 16
 khaṇīs 22
 gāyas 44
 granthīs 22
 grivā 30, 36
 ghaṇḍa 10
 ghrōśas 48
 jñā 6
 jñātis 30
 tāntṛam 15
 tarkūśa 56
 tālpā 6
 tārtham 30
 tucchyaś 21, 55
 tūlam 61
 tṛṣṇam 49
 dākṣiṇas 21
 dalis 22
 dirghās 30, 63
 dubitā 24, 59
 dūrva 27
 devās 10
 devā 30, 63
 dvāram 49
 dhāṇḍa 30
 dhāmās 30, 63
 nāktis 22
 nakṣām 16
 nābhās 22
 nāvas 55
 nāvyaś 21
 nidāghās 10

nidām 16, 48
 paṇktis 57
 pātis 22
 padām 15
 pānṭhas 59
 paṇḍam 16
 pāśu 23
 piśās 45
 pūrṇās 30, 63
 pārvas 27, 64
 pūlyam 32
 prajñām 17, 49
 pēśas 18
 babhrūs 23
 bādhās 11, 44
 bhāgas 44
 bhāgās 10
 bhārman 61
 bhārta 61
 matīs 22
 mādhu 23, 56
 mādhyas 55
 mādhyam 15
 māntās 25, 59
 mārma 24
 malinās 27
 māṇsām 62
 matā 30, 63
 maghās 10, 43
 maṇās 10, 43
 yāvas 9
 yāvias 27
 yātām 63
 yugām 29
 yūtis 30
 raysa 52
 rasā 5, 39

lakās 9
 lagās 29
 lodhās 55
 vānam 49
 vāśas 44
 vahyām 17
 vāyūs 30
 vāras 9
 vidhāva 40
 vīras 30
 vīkas 11, 44
 vēdas 27
 iatām 16, 48
 iakṣūs 56
 iārdham 49
 sākṣā 6, 25
 sāpas 9
 frānis 22
 svāśuras 11
 iśvārūs 58
 svantās 21
 gaṇtis 57
 sānas 21
 samdhā 5
 saavyās 55
 sārā 4
 sandās 30
 stambās 10
 sthālam 52
 sthāma 27
 sruaś 39
 sphirās 55
 svāpasas 9
 svāpnyam 15
 svāśas 24, 59

Древнегреческий язык

ἄκμων 24
 ἄκρος 21, 55
 ἀλγή 5
 ἀσπαράγος 33
 αἰῶς 10
 αἶος 55
 ἀγαυός 30
 γέγων (Hec.) 17
 γῶμα 61
 γυνάς 30
 γέμπος 9, 44
 ἑσπρ 30, 63
 ἱθιεύς 21
 εἶλος 27
 ἐκαστόν 16
 ἐκαστός 11
 ἐνος 21

ἱσπερ 48
 ἱσρ (Hec.) 24
 ἱσπερος 9, 44
 ζυγόν 29
 ζῆμα 33
 ἦρη 27
 θία 4
 θυγάτηρ 24
 ἥρως 30, 63
 κενός 45
 κῆπος (Hec.) 9
 καυλός 30
 κέρματος 27
 κέρων 49
 κέρων 30
 κύτος 15
 λεμών 30

λίκος 15
 λίωα 4
 λίων 18, 49
 λίπος 18
 λοιπὸν 16
 λόχος 44
 λόκος 11, 44
 μέθρ 23, 56
 μέλας 27
 μέσος 15
 μέσος 55
 μέτηρ 30
 μέσχος 11
 ποῖα 4
 ποῖος 21
 πῶς 55
 πῶπος 22

νόμος 18
 νόμος 9
 ξύλον 9
 έργος 9
 όδός 43
 έη 27, 61
 σός 29
 εἰς 22
 άλλός 10, 43
 έριγλή 4, 40
 όπός 10, 43
 έτος 44
 πόλις 15, 49
 πανθάρης 11
 πηρόν 29
 τιμάρης 55

πός 27
 ποιμήν 30
 ποιή 5, 39
 πόσις 22
 παρόν 48
 πώλις 22
 πύρος 30, 63
 βούρα 24
 βού 5
 σάρος 9
 σούκος (Hes.) 44
 σπάλα (Hes.) 18
 στήμων 27
 στροβίς 10, 45
 στυγός 52
 ταυός 29

ταύρος 11
 τάρχος 49
 τόνος 9
 ύπνος 44
 φάσμα 61
 φόνος 52
 φουόν 17
 χείλος 58
 χάλς 5, 39
 χάρος 10
 χείμος (Hes.) 44
 φίλα 4, 40
 φόν 62

Древневерхненемецкий и другие германские языки

aloh 9
 ander 21
 star 30
 bar 55
 beracht 52
 branga (др.-сканд.) 5
 bruoder 61
 dah 52
 darba 5
 dieta 5
 eslu (др.-англ.) 56
 eod (др.-англ.) 27
 fulg 39
 farah 15
 fihu 23
 flag (морс.) 17
 fors (др.-сканд.) 44
 genb 52
 ha (др.-сканд.) 6
 hjarn (др.-сканд.) 52
 hover 4
 hrug (др.-англ.) 30
 hunt 16

innr (др.-сканд.) 48
 kall (др.-сканд.) 43
 kind 33
 kolder (др.-швед.) 27
 la (др.-сканд.) 58
 leð (др.-англ.) 61
 lah 9
 leub 18
 manad 30
 mima (нем.) 62
 morha 58
 mos 49
 muoter 30, 63
 rad 15
 reutt (др.-сканд.) 43
 rosa 6, 39
 reub 10, 43
 rr (др.-сканд.) 4, 39
 rurg (др.-сканд.) 39
 rufe (нем.) 40
 saga 5
 sar (др.-сканд.) 9
 scharf (др.-н.-нем.) 9

sear (др.-англ.) 55
 seid 15, 49
 seil 48
 slag (др.-сканд.) 16
 smad (др.-англ.) 30
 snor (др.-сканд.) 39
 swezer (др.-англ.) 58
 swehur 11
 teil 52
 thuang 11
 tier 43
 tund (др.-сканд.) 22
 prsh (др.-англ.) 6
 prost (др.-сканд.) 45
 vaig (др.-сканд.) 45
 vilus (др.-в.-нем.) 18
 waganleise 40
 wald 56
 weida 4
 weref 44
 wreh (др.-англ.) 27

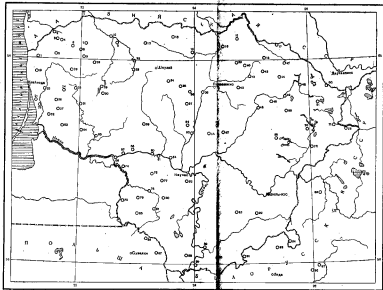
УКАЗАТЕЛЬ ЛИТОВСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Цифры указывают соответствующий пункт на прилагаемой карте

Alsdėdžiai 9
Anykštėnai 46
Bartininkai 88
Biržai 15
Čedauai 17
Darbėnai 1
Daunorai 97
Debeikiai 45
Dieveniškis 94
Dotnuva 62
Dusetos 48
Endriejavas 24
Gargidai 20
Garliava 82
Gervėčiai 84
Gomaliai 30
Griškabadiš 76
Gudeliai 65
Jaskonys 95
Joniskis 13
Jurbarkas 57
Kačergiške 71
Kamajai 44
Krašas 3
Kretinga 19
Kriūdas 16
Kupiškis 41
Kuršėnai 32
Kvėdarna 31
Lazūnai 96
Leipalingis 88
Linkmenys 70

Linkuva 14
Marcinkony 90
Marijampolė 81
Merkinė 89
Moletai 68
Mosėdis 4
Naujamiestis 38
Naumiestis 53
Nočia 91
Pagiriai 65
Paežerėliai 61
Pandėlys 18
Panošiškis 83
Pilviškiai 78
Plungė 23
Požiūnėliai 37
Priekulė 22
Punkas 86
Radvilaiškis 34
Ramatkonys 93
Raseiniai 59
Rietavas 25
Rokiškis 47
Salakas 51
Salamiestis 40
Salantai 5
Sasna 80
Sangai 52
Seda 7
Seinai 87
Sidabravas 36
Siesikai 67

Skapiškis 43
Skirmemunt 56
Skudodas 2
Slavikai 74
Subačius 42
Sudargas 58
Šakyna 12
Šeduva 35
Šėta 66
Švenčionėliai 72
Šveškina 27
Tauragė 55
Telšiai 28
Tverėčius 73
Uplyna 33
Utena 69
Užpaliai 49
Vabalninkas 39
Varniai 29
Valkai 21
Veiviržėnai 26
Veliuona 60
Viekšniai 10
Vilkaviškis 79
Vilkijs 64
Virbalis 75
Višakio Ruda 77
Zarasai 50
Žygiškiai 54
Žvėrynas 92

Карта-реальность Автономных и административных границ

От автора	3
Введение	4
Часть первая. Индоевропейские акцентуационные парадигмы в балтийском	8
Имена с краткостным корнем	22
1. Основы на -я- (§ 3—7)	22
2. Основы на -о- мужского рода (§ 8—12)	30
3. Основы на -о- и -оа/еа- среднего рода (§ 13—19)	42
4. Другие типы основ (§ 20—25)	55
Имена с долготным корнем (§ 26—33)	65
Распределение имен по акцентуационным парадигмам в балтийском (§ 34—35)	83
Часть вторая. Индоевропейские акцентуационные парадигмы имен в славянском	89
Имена с краткостным корнем	96
1. Основы на -я- (§ 38—41)	96
2. Основы на -о- мужского рода (§ 42—46)	109
3. Основы на -о- среднего рода (§ 47—53)	120
4. Другие типы основ (§ 54—59)	140
Имена с долготным корнем (§ 60—65)	149
Распределение имен по акцентуационным парадигмам в славянском (§ 67—68)	157
Заключение	162
Условные сокращения в названиях языков	165
Условные сокращения использованной литературы	166
Указатель слов	173
Указатель авторских неопубликованных пунктов	178

Владислав Маркович Налаич-Синицын

Именная акцентуация в балтийском и славянском

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

Технический редактор *А. П. Русова*

РМСО АН СССР № 111-87В, Сдано в набор 24 1963 г.
Подписано к печати 12/VII 1963 г. Формат 60×90¹⁶/₃₂. Печ. л.
11,25 + 1 бел. Уч.-изд. л. 12 (11,9 + 0,1) Тираж 1500 экз.
Над. № 1623. Тип. лж. № 3

Цена 82 коп.

Издательство АН СССР, Москва, В-63, Подосновский пер., 21

1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В-24, 9 лж., л. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
14	1 св.	двух	двух
63	4 сн.	карт LKŽ	карт. LKŽ
63	4 сн.	Рунга	Рунга
85	16 сн.	šakė 2 : др.-инд. śākha	šakė 2 : др.-инд. śākha
86	6 св.	др.-англ. snōd	др.-англ. snōd
86	20 сн.	pēds	pēds
87	8 сн.	Фортуатова	Фортуатова
112	8 св.	лхѣм	лхѣм
115	14 св.	ѡлѡѣт	ѡлѡѣт
135	11 сн.	славян. dēl	кашуб. żel, żelo
137	14 сн.	шост, бел. шаста	бел. шост, шаста